

63.57(227.5=684.5 606144
K21
**КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ
ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ
КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX В.**

Избранное

I

КАБАРДИНО-БАЛКАРСКИЙ ОРДЕНА ПОЧЕТА
НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКИЙ ИНСТИТУТ
ИСТОРИИ, ФИЛОЛОГИИ И ЭКОНОМИКИ

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКИЕ ДЕЯТЕЛИ КУЛЬТУРЫ КОНЦА XIX—НАЧАЛА XX в.

Избранное в двух томах

Том I

*Составление, предисловие, статьи об авторах и комментарии
кандидата филологических наук Т. Ш. Биттировой*

63-51(237.5=6к4)5

Печатается по постановлению Ученого совета Кабардино-Балкарского
ордена Почета научно-исследовательского института истории, филоло-
гии и экономики при Кабинете Министров КБР

к21

606144-1

К 4702100600-020
М125(03)-93 92

ISBN 5-7680-0714-8

© Кабардино-Балкарский ордена Почета научно-иссле-
довательский институт истории, филологии и эконо-
мики при КМ КБР, 1993

КАРАЧАЕВО-БАЛКАРСКАЯ ПУБЛИЦИСТИКА РУБЕЖА ВЕКОВ И ЕЕ ПРЕДСТАВИТЕЛИ

В литературоведческой науке принято считать, что так называемые «младописьменные» литературы вызваны к жизни Октябрем 1917 года. К таковым относят и карачаево-балкарскую литературу. Однако очевидно, что литературу невозможно сформировать в течение десятилетий. Мир художественных образов и представлений проходит долгий путь, прежде чем стать эстетической системой. Также невозможно становление литературного языка в такой малый отрезок времени. Где же искать истоки расцвета карачаево-балкарской литературы, имеющего место в последние 30 лет?

Если очерки, статьи, эссе некоторых просвещенных карачаевцев и балкарцев — недостаточное основание, чтобы заявить о существовании карачаево-балкарской литературы в дореволюционный период, способной отражать сложные явления горской жизни, то художественная публицистика некоторых из них, а также поэзия К. Мечиева, А. Джанибекова, К. Кочкарова, И. Семенова, дошедшие до наших дней фрагменты литературы позднего средневековья и некоторые удачные попытки написания пьес, повестей, басен, литературно-критических статей и рецензий на рубеже веков в общей сложности позволяют сделать вывод о том, что карачаево-балкарская литература зародилась задолго до Октябрьской революции. Естественно, невозможно умалить или игнорировать то обстоятельство, что в годы Советской власти были созданы благоприятные условия для развития карачаево-балкарской художественной мысли. Но это неизбежно сопровождалось отказом от прошлого эстетического опыта, преданием забвению этических, религиозных, философских принципов, выработанных народом веками.

Историко-литературные исследования последнего десятилетия¹ позволяют расширить хронологические границы истории балкарской литературы и говорить о карачаево-балкарском этапе ее развития, который заканчивается в 20-е годы нашего столетия, когда художественная мысль карачаевцев и балкарцев стала развиваться самостоятельно, потеряв ту эстетическую пищу, которая защищала ее,

создавала условия для совместного развития и взаимовлияния, взаимообогащения. До этого периода истоки, обогащающие литературу карачаевцев и балкарцев, были общими. Условно эти истоки можно разграничить следующим образом:

1. Фольклор.

2. Восточные традиции (литературные, коранические и библейские (фрагментарно) сюжеты — поэтические, прозаические, распространенные в народе в списках).

3. Авторская традиция — творчество Дебо улу Кючюка, Кязима, Аппы, Каспота и других поэтов.

4. Публицистика.

Если первый компонент художественно-эстетической системы достаточно хорошо освещен карачаево-балкарской фольклористикой, второй, в силу объективных обстоятельств, оказался вне поля зрения исследователей, и на сегодняшний день этот структурный элемент требует не только научного анализа, но и более тщательного сбора археографического материала. Сбор и исследование образцов письменной литературы ведется уже в течение нескольких десятилетий, и их роль в сложении художественности более или менее определена. Одним из наименее изученных, однако весьма существенных, истоков является публицистика. Она сформировалась к 90-м годам XIX века и связана с именами И. Крымшамхалова, М. Абаева, И. Хубиева, Б. Шаханова и др. Зарождение ее было обусловлено историко-культурными обстоятельствами XIX века — периодом присоединения Северного Кавказа к России.

Возрождение культурных связей Карачая и Балкарии с Россией, имевших многовековую историю, по времени приходится на конец 20-х годов XIX века (после похода генерала Эмануэля на Северный Кавказ).

Обширные культурные контакты, имевшие громадное значение как для предков карачаевцев и балкарцев, так и для русских, были утрачены в период монголо-татарского нашествия. В силу известных драматических событий эти контакты стали носить эпизодический характер. После фактического вхождения в состав России, в середине XIX века Карачай и Балкария свое дальнейшее этнокультурное существование связывали с Россией. Первые мальчишки-горцы, отданные аманатами в русские военные укрепления, после приобщения к русской культуре, в своих устремлениях были ориентированы на Россию. Большинство из них вернулось в свои аулы, овладев письмом и русским языком. Они

стали первыми переводчиками, чиновниками тех немногих «присутственных мест» в Нальчике и Баталпашинске², которые были учреждены царской администрацией. Незначительная же часть, преодолевая сложнейшие преграды, продолжила свое образование в кадетских корпусах, гимназиях и училищах. Единицы сумели получить высшее светское образование. Сотни горцев проходили службу в Конвое Его Императорского Величества, в воинских формированиях, дислоцированных на Кавказе. Среди них были карачаевцы и балкарцы — Асланбек, Кучук и Николай (Али) Абаевы, Чепелеу и Шаухал Урусбиевы, Давлетгерий Шакманов, Кучук Барасбиев, Докшука Балкаров, Дмитрий и Ислам Крымшамхаловы и др. В последующем, в конце 50-х — начале 60-х годов XIX века, с открытием горских школ, окружных училищ, Тифлисской, Ставропольской, Владикавказской гимназий горская молодежь устремляется в эти учебные заведения.

Первым очагом светской культуры и образования в Балкарии стала Нальчикская горская школа, открытая 1 января 1851 года, несмотря на все ограничения и ограниченные возможности школы. В числе первых его учащихся были Зарахмат Шакманов, Асланбек Урусбиев, Адильгерий и Канамат Крымшамхаловы. Если в первый год Нальчикская горская школа имела всего 25 учащихся, половину которых, по уставу школы, составляли дети русских офицеров крепости Нальчик, то в последующие годы количество учащихся-горцев значительно возросло, и «к концу XIX века национальный состав обучающихся выглядел таким образом: всего — 110, в т. ч. русских — 64, кабардинцев и балкарцев — 38, грузин — 3, армян — 3, других национальностей — 2»³. Но постепенно росло число учеников из местного населения. «Если в 1897 году они составляли около $\frac{1}{3}$, то в 1907 г. — уже почти 50 процентов»⁴. Таким образом, за 50 лет количество учащихся Нальчикской горской школы выросло более чем в 5 раз. К концу XIX века возросло также число учащихся-горцев в средних учебных заведениях России, а также появились первые кабардинцы и балкарцы, получившие высшее образование. В основном они заканчивали военные учебные заведения, но, как правило, работали по «гражданской части».

Первая плеяда просвещенных горцев участвовала в формировании административных органов, учреждении светских учебных заведений, больниц, ветеринарных учреждений, стремилась усовершенствовать сельскохозяйственное производство, народные промыслы.

Были среди них и такие, кто своей основной задачей считал возрождение культурных связей с Россией, с ее прогрессивной интеллигенцией. Эта задача реализовывалась в различных сферах. Сафарали и Науруз Урусбиевы, как и их предки, знакомили ученых-путешественников, посещавших Приэльбрусье, с Балкарией, ее культурой, историей, современным состоянием. Братья Урусбиевы не ограничились этим. Они начали собирать образцы устного поэтического творчества, переводить их на русский язык и готовить к публикации. Они осознали, что фольклор — это высшее проявление духа народа, ее живая душа. Они были первыми из среды карачаево-балкарской интеллигенции XIX века, кто познакомил читателей России с карачаево-балкарским устным поэтическим творчеством. «Нартские сказания», опубликованные С. Урусбиевым в 1881 году, достаточно полно представляли карачаево-балкарскую версию нартиады. Подбор, перевод и литературная обработка текстов дают основание рассматривать публикацию как литературный факт. Из множества вариантов С. Урусбиев выбирает именно те, которые объединяют цикл вокруг нарта Ёрюзмека, и при этом старается не нарушать «внутренней связи между ними, как бы частями одной эпической поэмы» (С. Урусбиев).

Значение предисловия, написанного Сафарали Урусбиевым к нартским текстам, трудно переоценить. Здесь С. Урусбиев вводит читателя в мир культуры карачаевцев и балкарцев, знакомит его с бытованием нартиады, ареалом ее распространения, с основными персонажами, характером исполнения и музыкального сопровождения...

Деятели культуры Карачая и Балкарии конца XIX века собирали и публиковали образцы устного народного творчества, выступали с публицистическими статьями, этнографическими и бытовыми зарисовками на страницах периодической печати, в своих официальных докладах и запросах заостряли внимание администрации на нуждах народа.

Первыми публицистами Карачая и Балкарии были, в основном, представители высшего сословия — таубиев. Они занимали также высокое общественное положение. Они осознали необходимость социальных преобразований, и в этом состояла их прогрессивность. Администраторы Мисост Абаев и Ислам Крымшамхалов, учителя Хызыр Халилов, Исмаил Акбаев, Аубекир Батчаев, Наны Токов, юрист Басият Шаханов, наряду с литературной деятельностью, принимали самое непосредственное участие в различных преобразованиях в сфере культуры, просветитель-

ства. Имя каждого из них связано с историей культуры Карачая и Балкарии.

В последней четверти XIX века на Северном Кавказе большой популярностью среди передовой интеллигенции пользовались труды Чернышевского, Герцена, деятельность демократов-разночинцев, публицистика Л. Толстого. Во Владикавказе, Екатеринодаре, Моздоке, Нальчике были созданы подпольные революционные кружки народников, члены которых занимались революционной теорией, изучали историю революционных движений, готовили себя к практической работе среди своих народов. Мисост Абаев, Ислам Крымшамхалов, Сафарали Урусбиев, Ислам Хубиев, Басият Шаханов были причастны к деятельности этого движения и пытались передовые идеи революционных кружков нести в народ — создать письменность, открывать школы, учительские и сельскохозяйственные кружки и т. д. Их публицистика — один из аспектов просветительского движения в Карачае и Балкарии. Деятельность первых карачаево-балкарских публицистов-просветителей усложнялась отсутствием печати на родном языке. До 1917 года в разные периоды были сделаны попытки создания национальной письменности И. Крымшамхаловым, С. Урусбиевым, А. Батчаевым. Была издана первая грамматика карачаево-балкарского языка Исмаила Акбаева, напечатанная арабским шрифтом. Эти усилия по созданию письменности не имели успеха из-за невозможности наладить издательское дело⁵. Также не имели большого успеха попытки издания художественных произведений на карачаево-балкарском языке на основе арабской графики ввиду сложности письма.

Есть масса упоминаний о существовании литературы на арабской графике. Так, к примеру, П. Максимов, публикуя «Горские сказки», отмечал, что «сказка «Разумная жена» сообщена Фаризат Ораковой, усвоившей ее из старой книги, «буквы в которой были арабские, а слова балкарские»⁶.

На сегодняшний день обнаружено несколько книг, изданных на основе арабского письма. Одна из них написана Локман-Хаджи Асановым и издана в 1908 году в г. Темирхан-шура в типографии М. Мавраева. Она называется «Къылыкъ китап» — «Книга наставлений» (для женщин). В этой же книге была напечатана поэма Кязима Мечиева на широко распространенный в мусульманском мире сюжет «Иман ислам»⁷. Другая известная книга — учебник карачаево-балкарского языка, изданный И. Акбаевым в Тифлисе в 1916 году под названием «Ана тили» — «Родная

речь». Можно с уверенностью сказать, что арабописьменная литература дооктябрьского периода имела широкий круг читателей, переписчиков, авторов. Однако в довоенный период не могло быть и речи об археографических изысканиях — все, что было написано арабским шрифтом, предавалось анафеме и подвергалось сожжению. Уцелевшие от репрессий 30-х годов книги были утеряны в годы сталинского геноцида против карачаево-балкарского народа. Арабописьменные этнографические памятники Карачая и Балкарии до сих пор не исследованы. В настоящее время в семейных архивах хранится немало разрозненных листков поэм «Лейла и Межнун», «Бузжигит», «Тахир и Зухра», переведенных на карачаево-балкарский язык сюжетов «Китаба». Сбор и анализ их требуют, в первую очередь, изменения отношения к нашему духовному наследию, а в последующем — и кропотливой текстологической работы.

В настоящую книгу включены фольклорные публикации деятелей карачаево-балкарской культуры, а также их публицистика, представляющая, несомненно, большой интерес для сегодняшнего читателя. Ибо проблемы, волновавшие карачаево-балкарских публицистов в конце XIX века, интересны не только с точки зрения раскрытия их мировоззрения, но и тем, что многие из них не потеряли своей актуальности и сегодня.

Публицистика карачаево-балкарских деятелей культуры, представленная в настоящей книге, в основном написана на русском языке и напечатана в кавказской периодике, дореволюционных газетах и журналах Москвы, Санкт-Петербурга.

При характеристике творчества национальных авторов Северного Кавказа, творивших на русском языке, неизбежно возникает вопрос о правомерности отнесения их произведений к национальной литературе, значении их вклада в родную словесность и культуру. Одни исследователи безоговорочно считают их представителями той или иной культуры, исходя из национальной принадлежности. Другие начисто отвергают этот тезис, условно относя их творчество в актив русской литературы. Основным доводом в пользу последнего считают язык художественного произведения, подкрепляя это положение примерами творчества выдающихся литераторов, нерусских по происхождению (Кантемир, Гоголь, Шевченко и др.), повлиявших на развитие русской словесности. Несмотря на кажущуюся ясность ответа, эти примеры для разрешения поставленной проблемы неприемлемы. Сторонники второй концепции

не определяют также место и значение творчества русскоязычных национальных писателей в истории русской литературы или общественной мысли. Между тем это главный критерий оценки вклада в ту или иную национальную культуру.

Такие атрибуты художественного произведения, как этнографические реалии, национальный колорит, отражение национальной психологии, еще не позволяют относить творчество писателя к определенной национальной традиции. Национальная принадлежность творчества писателя, и тем более публициста, определяется не по языку произведения, не по происхождению автора, а по тому, интересы какого народа он защищает и насколько ими глубоко проникается, чью душу он стремится раскрыть и донести до читателя. Последнее условие, как правило, сочетается с другими и непосредственно связано с местом рождения и с условиями воспитания и образования.

Такая тенденция в решении проблемы наблюдается почти во всех исследованиях творчества северокавказских публицистов XIX — начала XX века. Приемлема она и для определения вклада в развитие художественно-эстетической системы и общественно-политической мысли Карачая и Балкарии карачаево-балкарских публицистов названного периода.

И здесь определяющее значение имеет позиция писателя — выбор ее предопределяет принадлежность писателя, в конечном итоге, его творчества к той или иной национально-эстетической системе. Арк. Горнфельд, рецензируя сборник польского прозаика Клеменса Юноши «В еврейской среде», писал: «Объективность требует понимания, понимание невозможно без внимания, внимание требует любви». Именно эти категории являются стержневыми в творчестве карачаево-балкарских публицистов, стимулируют поиск и диктуют тематику, определяют критерии обобщений.

Публицистика М. К. Абаева привлекла внимание еще дореволюционных историков, этнографов, педагогов своей актуальностью, конкретикой и добротностью научного анализа. В главном труде М. К. Абаева — «Балкария» — были обобщены высказанные до М. Абаева исторические взгляды на происхождение балкарцев, на их культуру, быт, а также проанализированы фольклорные источники по истории карачаево-балкарского народа.

Очерк «Балкария» напечатан в журнале «Мусульманин» в 1910 году и написан на основе опубликованных в 1905 году в газете «Каспий» статей: «Горские аграрные

вопросы», «Горский словесный суд», «Горцы Нальчикского округа», «Наделы осетин».

Реакция на публикацию названных статей была неоднозначной. Прогрессивные деятели Северного Кавказа (такие, как Ташдемир Эльдарханов) встретили их с одобрением, творчески использовали их фактографический материал в своих статьях и выступлениях. Администрация же Терской области предприняла энергичные меры и запретила газете «Каспий» публикацию статей о бедственном положении Балкарии. Поэтому последнюю статью М. Абаев был вынужден озаглавить «Наделы осетин», хотя текст статьи никакого отношения к наделам осетин не имеет. Ко времени написания очерка «Балкария» имя М. Абаева-публициста было широко известно на Северном Кавказе. С начала 90-х годов в различных периодических изданиях стали появляться статьи М. Абаева, подписанные псевдонимом «Горец», литерами «М. А.». Как известно, псевдонимом «Горец» подписывались и осетинские публицисты. Однако статьи, написанные М. Абаевым, четко разграничиваются по тематике, локальности и времени написания. Статьи М. Абаева атрибутируются также периодом сотрудничества в той или иной газете. Так, например, статьи, переработанные впоследствии в очерк «Балкария», были подписаны литерами «М. А.», так же подписаны и некоторые статьи в журнале «Мусульманин». Литерой «А», псевдонимом «Горец» подписаны основные публикации М. Абаева в газетах «Каспий» и «Кубанские областные ведомости» в 1896—1903 годах. Во всяком случае, стилистически они близки творчеству М. Абаева, а не Б. Шаханова, который никогда не подписывался псевдонимом «Горец». В названные годы, кроме М. Абаева и Б. Шаханова, в Балкарии активных публицистов, так хорошо знающих жизнь и проблемы балкарцев, не было. Что же касается публикаций «Горца» в «Майкопском листке» в 1912 году, то атрибуция этих публикаций требует дополнительного, более тщательного исследования. Им мог быть М. Абаев. В эти годы он работал в Кубанской области и прекрасно знал нужды и повседневную жизнь аулов и станиц области, что является основным содержанием названных статей.

В годы учебы во Владикавказской гимназии М. Абаев был тесно связан с деятельностью Владикавказского кружка народников. После судебной расправы над кружком он был вынужден покинуть гимназию. Участие во Владикавказском кружке народников повлияло и на дальнейшую его судьбу — он не смог поступить на курсы учителей, не-

смотря на блестящие способности, с большим трудом продвигался по службе.

В своих статьях М. Абаев опирается на идеи народников о справедливом социальном устройстве. Идеи борьбы Добра и Зла, конечного торжества Добра звучат в его «Горской легенде».

В первых публикациях М. Абаев констатирует различные факты из аульной жизни. Он рассказывает о тех явлениях, которые представляли бы определенный интерес для любознательного читателя. Это и сообщение о находке исторического памятника в Хуламе («Интересный документ»), об этнографических реалиях Балкарии («Калым и его последствия», «Наши миротворцы»).... По мере более глубокого проникновения в проблемы горской действительности в публицистике М. Абаева на первый план выступают уже не ее «интересные» детали, а вопросы социального устройства. Характеризуют М. Абаева, как общественного деятеля и просветителя, стоявшего на позициях активного народовольца, его статьи, посвященные положению безземельных и малоземельных крестьян, — серия статей об аграрных вопросах.

Одна из главных тем творчества просветителя — необходимость открытия начальных школ в аулах, сельскохозяиственных школ и училищ. Почти во всех публикациях М. Абаева в той или иной мере затрагивается тема школьного образования. Вопросы обучения горцев были в центре его просветительских задач. Занимая ответственные посты в администрации Терской и Кубанской областей, М. К. Абаев оказал большое содействие открытию школ и училищ в аулах Карачая, Балкарии, Черкесии, Адыгеи. Серия статей, опубликованных в газете «Кубанские областные ведомости», непосредственно посвящена разъяснению роли школы в жизни народов Северного Кавказа. Статьи «Горцам Северного Кавказа», «Кабарда проснулась», «Открытие Панежукаевского училища», «О горских школах» наполнены неподдельным беспокойством о судьбе горской школы.

Мисост Абаев, как и другие карачаево-балкарские просветители конца XIX — начала XX века, улучшение материального положения горцев, поднятие их общей культуры представлял через распространение среди них светского образования, открытие школ и училищ, приобщение горцев к русской грамоте. По его мнению, горских мальчиков, получивших начальное образование, необходимо было обучать техническим профессиям, а в дальнейшем — стремить-

ся к увеличению числа студентов-медиков, юристов, учителей, столь необходимых для решения жизненно важных проблем горских народов Северного Кавказа.

Сохранились документы, свидетельствующие, что М. Абаев придавал исключительное значение женскому образованию. Об этом свидетельствуют его заявления начальнику Нальчикского округа с просьбой о предоставлении его дочерям возможности для обучения в светских учебных заведениях. В одном из прошений он писал: необходимо «учить девочек, так же как и мальчиков, хотя ради одного того, чтобы будущее наше поколение мужчин могло находить в среде своей таких же воспитанных по-друг жизни...»

Если М. Абаев в своих статьях без устали говорит о необходимости начального образования, о новых путях воспитания детей горцев, то основная идея публицистики его современника И. Крымшамхалова заключается в возрождении этического кодекса карачаево-балкарцев—**тау адет**, в очищении его от современных, не отвечающих его основным принципам, наслоений. Ислам Крымшамхалов видит предназначение горской интеллигенции в том, чтобы быть «действительно соединительным звеном современной культурной жизни с жизнью наших, пока еще темных братьев», «стать естественным продолжателем древа горцев». Под «древом горцев» И. Крымшамхалов имеет в виду основу вековых обычаев и традиций — **тау адет**, утверждает, что он мог бы быть «истинным украшением европейской цивилизации».

Высокая оценка, данная И. Крымшамхаловым **тау адет**, характеризует и его самого как человека высокой культуры и является как бы ключом ко всему его творчеству. Веками привитый горцам культ **тау адет** заменял многие социальные институты в их жизни, верно замечает И. Крымшамхалов.

«В душе горца сидит основательно и верно очерченный облик хорошего человека», — пишет просветитель. И. Крымшамхалов подмечает и то, что не соответствует этому облику. Ненавязчиво и беспощадно высмеивает он тех, кто противоречит народным представлениям. Это незадачливый «оборвыш-франт», требующий у замотанной и усталой фельдшерицы средство для того, «чтобы усы держались так»; это и Осман, новый тип хозяина-горца, помышляющий о легких путях обогащения, что чуждо **тау адет**; это и высмеянный в басне «Волк и кот» персонаж, алчный и циничный.

В письме редактору журнала «Мусульманин» Магомед-Беку Хаджетлаше И. Крымшамхалов высказывает смелую для своего времени мысль о том, что, во-первых, культ воспитания заменяет горцам многие социальные институты; во-вторых, эти тонкие общественные взаимосвязи не лежат на поверхности и потому недоступны «представителям современной цивилизации», а то, что последняя предлагает «новообращенным» народам в виде культурных ценностей, не может быть принято горцами — «одна лишь внешняя, так сказать, материальная сторона подобной культуры могла бы заманить к ней, но это не есть главное для горца, и ему нужно еще многое».

В этой публикации И. Крымшамхалов анализирует причины недоверчивого отношения горцев к европейской цивилизации, пытается найти ключ к содержанию понятий «культура», «воспитание», «общечеловеческое». Выявляя общечеловеческую ценность сложившихся веками традиций, предупреждая при этом, что он далек от идеализации горцев, просветитель предлагает расширить познания других народов о горской морали через печатные органы. Он от души радуется появлению в «Мусульманине» публикаций об обычаях и жизни горцев.

Дошедший до нас образец его сатирической поэзии — басня «Волк и кот» позволяет сделать вывод, что в своем творчестве И. Крымшамхалов был близок традициям карачаево-балкарского устного народного творчества. Он свободно пользуется народнопоэтическим инструментарием, его метрикой, тропами. Уверенность и легкость стиля этой басни позволяют предположить, что И. Крымшамхалов — автор множества других басен, дошедших до современного читателя анонимно.

Один из разделов книги называется «Письма карачаевских учителей» и содержит статьи Х. Халилова, И. Байрамукова, И. Хубиева, Н. Токова.

Жанр письма — апелляции к общественности через газету или журнал — был широко распространенным публицистическим жанром конца XIX — начала XX века. Этот жанр отличается от обычного эпистолярного тем, что ставил общественные проблемы и в то же время предполагал субъективное авторское видение проблемы. Публицисты избирали такую форму как повод для вступления в дискуссию или стимулируя ее.

Какие же проблемы поднимались карачаевскими учителями? Прежде всего и в первую очередь, это положение школьного образования в горных аулах. Это был период

интенсивного строительства и открытия начальных учебных заведений в Карачае. Население горячо поддерживало начинания энтузиастов. Об этом свидетельствует В. Я. Тепцов в статье «По истокам Кубани и Терека»: «Школы еще только начали здесь свое просветительское влияние. Карачаевцы сами придают уже большое значение русской школе и охотно дают средства на ее содержание. Школа дает им прежде всего практические материальные выгоды, что карачаевцы ценят выше всего. Живут они скотом, который гонят на продажу большею частью в Закавказье через горы. Грамотные люди в их торговых сношениях весьма необходимы...

Школа пока еще существует только в Учкулане. В Хурзуке же большинство давно уже желает иметь свою школу, но темные силы, ворочающие делами общества, противодействуют этому желанию, как нам говорили. Они восстают против русской школы потому, что она-де подорвет религию и обратит их детей в христианство. Этого мнения придерживаются и некоторые муллы. Другие говорят, что дети их, прельщенные наукой и служебной карьерой, оставят родину, забудут родные обычаи и нравы и уйдут служить в русские города без всякой пользы для их отцов и племени. Так думают некоторые из консервативных старцев. «Власти» (в Хурзуке, например), подхватывают эти мнения и разжигают население против школы, уверяя его в несомненном вреде, который может принести племени русская школа, и запугивают его громадностью средств, которая якобы потребна будет на содержание школы без пользы для общества. Ученики Учкуланской и Нальчикской школ доказывают противникам школы ошибочность их предположений своим примером. Питомцы русской школы живут по-прежнему среди своего племени, по-прежнему религиозны, не изменяют ни в чем обычаям родной страны и отличаются от прочих разве тем, что на них лежит отпечаток нравственности и серьезности. Пользу русской грамоты горцы тоже начинают чувствовать осязательным образом. Бывшие школьники (их еще очень мало — не более 10 на всех горских татар, не считая Учкулана) охотно помогают писарям в переписке бумаг и скоро постигают эту трудность. ...Их приглашают односельцы в суды в качестве переводчиков. Словом, многие из горцев постигают уже практическую пользу от школы и фатуют за нее на сходах»⁸.

Усилием карачаевских учителей к 1916 году в Карачае было открыто 16 сельских школ и училищ, практически во

всех крупных селах. В этом им помогали карачаево-балкарские общественные деятели — Мисост Абаев, работавший помощником атамана Баталпашинского отдела Кубанской области, Ислам Крымшамхалов, Басият Шаханов, Саид Халилов и др.

Предлагаемая вниманию читателей книга — вторая из серии задуманных «Литературных памятников Карачая и Балкарии». Первая — «Басият Шаханов. Избранная публицистика» — вышла в 1991 году и была доброжелательно встречена читателями и критикой. Настоящая книга — часть избранных произведений деятелей культуры Карачая и Балкарии дооктябрьского периода. Составитель старалась выдержать хронологический принцип при формировании макета двухтомника. Во второй том войдут избранные произведения карачаево-балкарских деятелей культуры, творивших в первой четверти XX века.

В публикации текстов приняты современная орфография и пунктуация, но сохранены индивидуальные особенности стиля авторов. Исправлению подвергнуты лишь явные описки, пропуски, корректорские недочеты.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1981; Боташева З. Б. Озарение души. Черкесск, 1985; Ислам Карачайлы. Черкесск, 1984; Хабицев М. А. Кочхаров Каспот — старейшина народных певцов. Черкесск, 1986; Сафарян С. Н. Султан-Бек Абаев. Нальчик, 1988; Кязим Мечиев. Собр. соч. в 2-х т. Нальчик, 1988; Басият Шаханов. Избранная публицистика. Нальчик, 1991.

² Ныне г. Черкесск.

³ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1968. С. 337.

⁴ Там же.

⁵ Впервые такая попытка в Кабардино-Балкарии была сделана И. А. Урусбиевым в 1908 г. Однако ранняя смерть помешала осуществлению его замыслов.

⁶ Максимов П. Горские сказки // На подъеме. Ростов н/Д, 1935. № 1.

⁷ Асанов Л.-Х. Къылыкъ китап. Темир-шура, 1908.

⁸ Тепцов В. Я. По истокам Кубани и Терска // СМОМПК. Тифлис, 1882. Вып. 14. С. 108—110.

УРУСБИЕВЫ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ

В последнее время появилось множество статей о семье балкарского просветителя XIX века Исмаила Мирзакуловича Урусбиева. Отмечая прогрессивную роль Урусбиевых в развитии культуры и просвещения Балкарии и Карачая, открывая новые факты их жизни и деятельности, эти статьи внесли существенный вклад в изучение места и роли Урусбиевых в развитии общественной мысли и культуры Балкарии XIX — начала XX века¹. Однако до сих пор нет специального исследования, посвященного Урусбиевым. А между тем Урусбиевы, как никто из известных нам общественных деятелей Балкарии, понимали значение просвещения в жизни горцев, будущее им представлялось только в дальнейшем развитии культуры, общественного производства. В своих начинаниях они опирались и ориентировались на передовых общественных деятелей России, на идеи российского демократического движения. Пожалуй, никто из общественных деятелей Кабарды и Балкарии не был удостоен такого внимания ученых и путешественников, как Урусбиевы. Это объясняется отнюдь не тем, что они жили у подножия Эльбруса, как пытаются представить некоторые исследователи.

По дореволюционным статьям и заметкам, путевым очеркам и зарисовкам можно узнать не только имена исследователей Кавказа и их заслуги в изучении ущелий Балкарии, но и составить достаточно достоверную картину жизни, деятельности Исмаила Урусбиева, его семьи и родственников, особенности их быта вплоть до таких деталей, как, например, строилась кунацкая Исмаила, ее расположение, этапы ее строительства, интерьер, планировка и т. д.² Эта литература освещает историю Урусбиевых на протяжении более ста лет — начиная с первых десятилетий XIX века. Авторами книг и статей, посвященных покорению и изучению Эльбруса, Баксанскому ущелью, баксанцам и Урусбиевым, были русские и европейские ученые. И неизменно все они отмечали прогрессивную деятельность представителей фамилии Урусбиевых, их вклад в исследование

Северного Кавказа, Грузии, подчеркивали широту их взглядов, благотворное влияние на жизнь соплеменников...

С середины XVIII века на Баксане сложились особые условия для развития ущелья. Потомки Урусбиа Суюнчева, взявшие имя предка в качестве фамилии, отмечали, возможно, тем самым начало новой жизни, новой патронимии. Фамилия Урусбиевых начинает встречаться в исторической литературе в связи с Чепелеу Кучуковичем Урусбиевым-Суюнчевым³. Он и явился первым ее носителем. По преданиям, в отличие от своих близких родственников Суюнчевых, оставшихся в Безенги, Урусбиевы с первых лет своего управления Баксанским ущельем стремились к обновлению горской жизни, усовершенствованию хозяйственной деятельности, насколько это было возможно в условиях патриархального общества, были более внимательны к нуждам подвластных. Возможно, этим объясняется тот факт, что к 1867 году, ко времени освобождения крестьян Балкарии от крепостной зависимости, во всем Урусбиевском обществе насчитывался всего 21 двор зависимых (в то время как в Балкарском обществе их было 136 дворов, Чегемском — 111, Безенгиевском — 49, Хуламском — 29. Общее количество дворов в середине XIX века было: в Урусбиевском обществе — 110, Балкарском — 850, Чегемском — 300, Безенгиевском — 100 и Хуламском — 120)⁴.

В карачаево-балкарском устном народном творчестве среди парадных, величальных песен о князьях наибольшей популярностью отличались песни о выдающихся представителях фамилии Урусбиевых. Эта традиция берет свое начало с песни-восхваления отца Урусбиа — Баксанука Суюнчева⁵.

Оставил свой след в истории Балкарии и правнук Баксанука — Чепелеу Кучукович. В июле 1837 года состоялась встреча Хан-Гирея с представителями кабардинского, балкарского и осетинского народов и были избраны депутаты на встречу с царем. В состав депутации от балкарцев вошли: Хату Мисаков, Аслан хаджи Джанхотов, Асланбек Суншев (Суюнчев), Актуган Шакманов, Кантово (Каншау) Кунчуков (Кучуков), Ибрагим Келеметов, Шамполо (Чепелеу) Урусбиев⁶.

Свидетельством народной памяти и любви соплеменников является дошедшая до наших дней в активном фольклоре песня об Исмаиле Чепелеуовиче Урусбиеве, жившем в конце XVIII — начале XIX века. О том самом Исмаиле, который является внуком Урусбиа Суюнчева, сыном Чепелеу Урусбиева, отцом Мирзакула и дедом Исмаила-млад-

шего, известного общественного деятеля Балкарии и Карачая второй половины XIX века. Исмаил Чепелеуович (именно его популярность породила традицию фамилии Урусбиевых давать старшему сыну имя Исмаил) жил в драматический период существования Урусбиевского общества. «Чегемские таубии и князья Атажукины, часть земель которых находилась в Баксанском ущелье и которые потеснили в свое время карачаевцев, принялись за новых жителей верховьев Баксана. Особенно непримиримым к насильникам был средний из сыновей Чепелеу — Кандаур... Он постоянно устраивал захватчикам засады, принося им большие неприятности. После смерти Кандаура его жена Убабиче, боясь за жизнь своих сыновей Алхаса и Эльмырзы, вместе с подвластными крестьянами уехала в Карачай. Туда же переехал родоначальник четвертого атаула Магомет с сыном... Произошло это в начале XIX века», — пишет А. Мусукаев⁷. Как известно из архивных источников, Атажукины в 1804 году были вынуждены покинуть место своего постоянного расселения — район Пятигорья в связи с утверждением Кавказской линии. Вытесненные царскими войсками, Атажукины вместе со своими сюзеренами и подвластными заняли выходы из Баксанского и Чегемского ущелий, что неизменно порождало приграничные конфликты между кабардинцами и балкарцами. В данном случае Атажукины и чегемские князья объединились против баксанцев.

Однако сыновей Кандаура — Алхаса и Эльмырзу, а также последовавших за ними баксанцев, переселившихся в карачаевский аул Эльжурту, постигло большое несчастье — большинство переселенцев умерло во время эпидемии чумы. Среди умерших — Алхас и Эльмырза. Этому трагическому событию посвящена широко известная и поныне песня «Эмина».

После переселения сыновей Кандаура и семьи Магомета на Баксане остались два старших сына Чепелеу — Али и Исмаил. Исмаил продолжал дело своего брата Кандаура, он не только защитил свои земли от притязаний соседних феодалов, но и расширил владения Урусбиевых, о чем свидетельствует дошедшая до нас песня об Исмаиле Чепелеуовиче:

О-орайда-райда, старший (большой) Исмаил из Урусбиевых, ой,
У твоих служанок глаза черные, брови — подковой, ой,
В великой России, говорит, напечатанными в газетах выходят,
Большого Исмаила в молодости сказанные слова, ой,
У-о-о-о-ой!

ждают некоторые ученые, никаким образом не мог быть Исмаилом Урусбиевым... Четверо Урусбиевых носили имя Исмаил, но все они жили или до Лермонтова или после него»¹⁰.

Однако это мнение более чем спорно. Третий, известный нам Исмаил Урусбиев родился в 1829 году, а дед его Исмаил Чепелеуович жил именно в конце XVIII — начале XIX века. По утверждению Н. Г. Волковой, он родился в конце XVIII века¹¹. Таким образом, Исмаил Урусбиев вполне мог жить в те годы, когда Лермонтов находился на Кавказе, и мог встречаться с ним в Пятигорске.

Исмаил упоминается и в песне «Эмина» («Чума»), в которой описывается смерть Алхаса и Эльмырзы:

Исмаилны къатыны обур Джаннетхан
Эминаны Бахсаннга къоймады хыйны бла, жек бла,
Бизни бу хапарыбызны эштсе, келир эди
Чепелеуно анасы Даулетхан булут бла, кёк бла.

Жена Исмаила ясновидящая Джаннетхан
Не пустила чуму на Баксан заговором,
Если бы знала эту нашу повесть, прилетела (пришла) бы к
нам
Мать Чепелеу — Даулетхан на облаках по небу.

(Подстрочный перевод)

События и люди, упоминаемые в песне, реальные. Чума в Карачае имела место до 1809 года, а в это время могли проживать названные в песне жена Исмаила Урусбиева Джаннетхан и мать Чепелеу Кучуковича — бабушка Исмаила.

Судя по тексту лермонтовской поэмы, Исмаил Чепелеуович рассказал поэту не только трагедию Джамагата, население которого погибло во время чумы, унесшей жизнь его племянников, но и основной сюжет поэмы. Исмаил был знатоком карачаево-балкарского устного народного творчества. Он также прекрасно был осведомлен о борьбе народов Северного Кавказа против царской армии, о нескончаемых распрях между горскими князьями, что облегчало царским войскам завоевание Кавказа.

В пользу данного тезиса можно привести и другой фольклорный источник — песню о юношеских годах Исмаила Урусбиева, в которой имеются такие строки: «Исмаил Урусбиев — кумир русских офицеров»¹².

Интерес к древней истории Кавказа, к ее легендам и

преданиям был в семье Урусбиевых непреходящим. Тому свидетель и венгерский ученый Ж.-Ш. де Бесс, которому Мирзакул Исмаилович Урусбиев «рассказал несколько преданий о происхождении балкарцев от болгар»¹³. Мирзакул Урусбиев — первый из известных нам интервьюеров европейских ученых-ориенталистов. После смерти отца он избирается старшиною (олием) Баксанского ущелья. Его имя упоминается также во многих официальных документах первой половины XIX века. Мирзакул был широко известен и за пределами Балкарии как общественный деятель прогрессивных взглядов. Он вместе с наиболее влиятельными князьями Балкарии Асланом-хаджи Жанхотовым, Кельмаметом Баймурзовым, Магомедом Шакмановым от имени балкарского народа присягнул на верность России в 1827 году, в ставке генерала Э. Г. Эмануэля в Ставрополе. Этот политический акт повлек за собой более тесные контакты Балкарии с Россией. В том же году была осуществлена отправка детей балкарских князей в аманатские школы¹⁴. Одним из первых аманатов был и десятилетний племянник Мирзакула, сын его двоюродного брата Орусбия Алиевича — Шаухал. Он, пожалуй, первым на Северном Кавказе получил высшее медицинское образование. Непростая биография Шаухала нашла отражение в рассказе В. А. Гиляровского «Восходящая звезда». Этот рассказ входит в цикл «Люди театра» и посвящен восходящей звезде русского театра — М. Н. Ермоловой. Работая над этой частью своих этюдов, Гиляровский увлекся романтикой Кавказа. Впоследствии, при первом издании «Людей театра», рассказ «Восходящая звезда» был исключен из книги, в связи с этим Гиляровский писал: «Всю романтическую и поэзию, которой полна первая глава, моя любимая глава, над которой я особенно увлеченно работал, — долой! От Ермоловой остается очень мало, «Ага» совсем не пойдет, это изменит план книги. Все-таки я ничуть не раскаиваюсь, что написал Ермолову — Ага, которые приходится выпустить из этой книги: я их писал с удовольствием, писал и радовался»¹⁵. В самом деле, рассказ о приключениях в горах Балкарии и встречах с загадочными персонажами Агой и Саматом, являясь увлекательнейшими страницами повествования, не «вписывался» в общий замысел «Людей театра». Глава «Восходящая звезда» впервые полностью напечатана в «Избранных» В. А. Гиляровского, вышедших в 1960 году.

Каждое поколение Урусбиевых передавало последующему опыт общения с передовой русской культурой, свою

мечту о просвещении народа, о выходе его на просторы культуры.

В литературе, касающейся генеалогии Урусбиевых, существуют противоречивые суждения о сыновьях Мирзакула Исмаиловича Урусбиева. Наиболее известны имена Исмаила и Хамзата. По сообщению информатора из Верхнего Баксана (бывшее Урусбиево) Абу Джуртубаева (1887 г. р.), у Мирзакула было четверо сыновей: Исмаил, Хамзат, Махай (Магомет), Асланбек¹⁶. Князь Махай был убит своими односельчанами после многолетних распрей. Асланбек поступил на царскую службу и якобы не вернулся на родину.

Если имена Исмаила и Хамзата не вызывают сомнений и во всех источниках встречаются без изменений, то в отношении остальных членов семьи Мирзакула Урусбиева допускается ряд неточностей. По некоторым литературным источникам, у Исмаила было два брата — Хамзат и Магомед¹⁷, Е. Баранов пишет о двух братьях Исмаила — Хамзате и Александре¹⁸. Александр в царской армии дослужился до чина полковника. Можно предположить, что имя Александр Алексеевич было дано Асланбеку после крещения¹⁹, перед женитьбой на Клавдии Матвеевне. Ко времени путешествия Е. Баранова по Балкарии Магомеда уже не было в живых и естественно, что Баранов о нем не пишет. Асланбек (Александр Алексеевич) Урусбиев был малоизвестен в Балкарии и не оставил значительного следа в архивных источниках. Известно только по документам, что он, будучи подполковником, участвовал в 1884 году в депутации Кабарды и Балкарии на коронации царя Александра III в Москве²⁰. С именем же сына Александра Урусбиева Исмаила связано значительное событие в жизни Кабарды и Балкарии — открытие в 1908 году первой типографии. Ввиду того, что никто не занимался этим вопросом, сведения о первом издателе Кабардино-Балкарии весьма скудны; извлечены нами только из архивных источников и дореволюционной периодической печати. Исмаил Александрович Урусбиев родился 15 февраля 1874 года, окончил курс Владикавказского реального училища. Закончил ли он высшее учебное заведение — неизвестно. Из сохранившихся документов видно, что ко времени открытия типографии Исмаил Александрович имел звание штабс-капитана. Сохранилась также переписка по поводу открытия типографии. Разрешение на ее открытие было получено Исмаилом Урусбиевым 20 июля 1908 года. В типографии И. А. Урусбиева издавалась малообъемная печатная про-

дукция — тисненные изделия, открытки, брошюры. Так, в этой типографии была напечатана в 1911 году небольшая книга «Торжество закладки здания для Нальчикского реального училища — 13 июня 1911 г.». В ней — информация о торжествах, напечатаны речи выступавших, сведения о будущем училище²¹. Как известно, в 1911 году было заложено основание будущего здания реального училища (ныне медфак КБГУ).

В 1910 году начальник Нальчикского округа доносил Главному управлению по делам печати: «В слободе Нальчик существует одна типография, которую содержит отставной штабс-капитан Измаил Александрович Урусбиев, в остальных же населенных пунктах Нальчикского округа типографий не имеется, а также не имеется литографий и иных заведений, производящих и продающих принадлежности тиснения, равно не имеется книжных магазинов, лавок и книгоиздательских фирм»²².

Судя по официальным документам, переписке с Главным управлением по делам печати, у Исмаила Урусбиева были большие замыслы, он планировал издавать в своей типографии книги и газеты. Но он не смог осуществить свои планы. Он умер молодым, так и не сумев добиться разрешения издания газеты. После его смерти типография была продана женой Исмаила Екатериной Константиновной в 1912 году К. М. Львову²³.

Исмаил Александрович был известен и как музыкант. Он прекрасно играл на флейте, руководил музыкальным кружком в Нальчике. На страницах северокавказских газет начала века имя Исмаила Урусбиева неоднократно упоминается как исполнителя и музыканта. О музыкальном вечере И. А. Урусбиева в 1905 году писала газета «Пятигорский листок»²⁴. А «Терские ведомости» в том же году сообщали о создании И. Урусбиевым музыкального кружка в слободе Нальчик²⁵. Музыкальный кружок состоял из 18 музыкантов — гитаристов, балалаечников, мандолистов и др. Исмаил играл на флейте, дирижировал на концертах, руководил кружком.

Младший сын Мирзакула — Хамзат (род. в 1832 г.) окончил Ставропольскую гимназию. Служил в царской армии. Выйдя в отставку в чине поручика, Хамзат решил заняться устройством сыроваренного завода. Имя Хамзата Урусбиева как первого предпринимателя в области сыроварения широко известно в дореволюционной печати. Газета «Терские ведомости» в 1875 году писала, что Хамзат Урусбиев, «изучавший сыроварение в Швейцарии, и приглашен-

ный им оттуда же, через г. Верещагина, мастер» открыли на Баксане сыроваренный завод, выработавший «в прошлом году от 150 до 400 пудов швейцарского сыра... Затрудняет это дело, по словам Прокопова и Урусбиева, отсутствие выгодного рынка...»²⁶.

Помимо отсутствия выгодного рынка сбыта, сыроваренный завод Хамзата встречал и другие трудности. В 1880 году одновременно от эпидемии погибло 200 коров. Сыроваренный завод перестал функционировать. Инициатива Хамзата была подхвачена его братом Александром, и в 1887 году завод вновь начал работать. В 1889 году на промышленной и сельскохозяйственной выставке в Тифлисе завод Александра Урусбиева за хорошие показатели был награжден серебряной медалью. Несмотря на ряд трудностей, сыровария Урусбиевых функционировала до 1897 года, о чем сообщали те же «Терские ведомости»²⁷.

Хамзат Урусбиев известен также как человек, поддерживавший все начиная «Общества по распространению знаний и технических сведений среди горцев Нальчикского округа». Он был активным членом общества, поддерживал его материально. В 80-е годы Хамзат являлся членом Хозяйственного комитета Нальчикской горской школы. Известный собиратель и публикатор фольклора Северного Кавказа Евгений Баранов дает такую характеристику Хамзату: «Урусбиев по-европейски развитый человек, начитанный, новый тип горца-интеллигента. Несколько лет он проживал в Швейцарии»²⁸.

Хамзат Мирзакулович приложил немало усилий для того, чтобы дать детям светское образование. В архивах Нальчика и Владикавказа сохранилось множество прошений Хамзата о предоставлении сыновьям Далхату, Жанхату, Ибрагиму стипендии. Ибрагим и Далхат (умер в 1908 г.) окончили Нальчикскую горскую школу. В 1885 году Ибрагим поступил во Владикавказское реальное училище стипендиатом гр. Лорис-Меликова. После окончания Владикавказского реального училища в 1892 году Ибрагим решил поступить в Московский технологический институт. На прошение Хамзата Урусбиева о предоставлении Ибрагиму возможности для обучения его в вузе съезд доверенных Нальчикского округа 23 мая 1892 года вынес положительное решение²⁹. Однако через год назначенную стипендию перестали выплачивать, о чем свидетельствует отчаянная телеграмма Ибрагима: «Сообщите, пожалуйста, немедленно в ректорат технологического института о назначении мне стипендии»³⁰. Хамзат не имел возможности

обучать сына за свой счет, и Ибрагиму пришлось покинуть институт и поступить на военную службу. 12 августа 1893 года Ибрагим зачисляется в 88-й Кабардинский полк князя Барятинского. До февраля 1917 года Ибрагим служил в различных воинских подразделениях царских войск, дослужился до капитана. В период установления Советской власти в Кабарде и Балкарии Ибрагим входил в различные демократические организации Нальчика, работал в Дагестане. В 1927 году был арестован вместе с Назиром Катхановым, Паго Тамбиевым и другими по обвинению в буржуазном национализме. В августе 1928 года расстрелян. Решением Верховного суда РСФСР от 9 января 1960 года реабилитирован «за недоказанностью предъявленного обвинения». Как и другие Урусбиевы, Ибрагим играл на музыкальных инструментах, чутко относился к народному творчеству. В 1924 году украинские ученые во главе с М. Гайдаем в период фольклорной экспедиции записали от Ибрагима несколько нартских и исторических песен. Ибрагим унаследовал от своих родственников не только любовь к устному народному творчеству, стремление к его собиранию и публикации, к его сохранению для будущих поколений, но и, как большинство Урусбиевых, виртуозно владел пером. Об этом свидетельствуют недавно обнаруженные письма Ибрагима из тюрьмы, наполненные чистой и нежностью, любовью и преданностью своей семье. Сохранились в архиве дочери Ибрагима и письма его жены Сафият — старшей дочери Мисоста Абаева, которые через десятилетия забвения доносят до нас живой голос, тонкие чувства и настроения Ибрагима Урусбиева, его готовность к самопожертвованию ради торжества справедливости. Утешая свою дочь Фатиму, Сафият Мисостовна писала ей: «В мире, конечно, несмотря на все усилия людей, еще много несправедливостей. Мне нечего говорить тебе об этом. Твой папа — лучший из людей, погиб жертвой этой кошмарной неправды, и, конечно, нам с тобой больно, обидно за него. Но, девочка моя, все-таки лучшие люди борются с этим злом, с этой неправдой. И папа твой еще в начале революции говорил мне: «Может быть, в процессе этой революции я погибну, погибнут дети, семья вся, погибнем без вины, но я з н а ю, что через все это, через все эти ужасы мир идет к чему-то прекрасному, лучшему, и мне не жалко погибнуть во имя этого прекрасного будущего»³¹.

Как ясно из письма Сафият, Ибрагим Урусбиев был не случайным человеком в революции, он был убежденным борцом, разделял идеи равенства и справедливости, со-

циальных преобразований. К сожалению, на сегодняшний день участие Ибрагима Урусбиева в революционных событиях не выяснено. Ни в одной из книг о революции и гражданской войне в Кабардино-Балкарии ни слова не сказано о его деятельности. Установленным на сегодняшний день можно считать тот факт, что он был тесно связан с шериятистами. Дело историков прояснить значение этого движения, пользовавшегося большой популярностью в народе в период революции. Актуальным остается и вопрос о роли вождей шериятского движения во главе с Назиром Катхановым прежде всего потому, что и сегодня не преодолены в исторических исследованиях стереотипы, порожденные ложной теорией вульгарного социологизма.

Наиболее известный представитель фамилии Урусбиевых — Исмаил Мирзакулович, с его именем связано зарождение и развитие просветительского движения в Балкарии и Карачае, а также научное освоение отрогов Большого Кавказского хребта. В истории развития общественно-политической мысли и духовной культуры карачаевцев и балкарцев он остался как умный и дальновидный политик, неутомимый подвижник развития культуры и просвещения горцев.

Первое упоминание об Исмаиле Урусбиеве относится к 1848 году, когда «молодой, привлекательной наружности горец, сын урусбиевского старшины» присоединяется к русским путешественникам, искавшим кратчайший путь из Хурзука (Карачая) в Урусбиево³³. С этого года не было путешественника, ученого, альпиниста, приезжавшего в Баксанское ущелье и не нашедшего самого радушного приема в кунацкой Исмаила Урусбиева, а затем и его сыновей.

В 1853 году в благодарность за теплый прием и помощь в восхождении на Эльбрус англичанин Дуглас Фрешфильд подарил Исмаилу Урусбиеву переплетенную кожей тетрадь, сделав в ней первую запись. В этой записке Фрешфильд описал свое восхождение на Эльбрус. Более полувека велась запись в тетрадях Урусбиевых. Их страницы — это увлекательный рассказ о покорении вершин Главного Кавказского хребта русскими и иностранными альпинистами, об изучении флоры и фауны Приэльбрусья, этнографических, геологических, географических, антропологических экспедициях³⁴.

Судьба Исмаила Мирзакуловича Урусбиева была полна ярких событий, добрых дел и неутомимого труда. В молодости, в свите своего родственника сванетского князя

Отара Дадешкелиани, он едет в Санкт-Петербург³⁵. Миссия поручика Отара Дадешкелиани имела целью установить более тесные контакты Вольной Сванетии с Россией. За участие в посольстве в октябре 1851 года И. Урусбиев был награжден Золотой медалью на Анненской ленте. Скупые строки послужного списка, составленного в октябре 1870 года, рассказывают о том, что Исмаил Урусбиев находится на военной службе с 40-х годов, в 1868 году ему присвоено звание подпоручика. Место службы указывается весьма неопределенно — «регулярные и иррегулярные части войск, расположенные в Терской области»³⁶.

После выхода в отставку в 1871 году И. М. Урусбиев был отмечен еще одной наградой — орденом Святого Станислава 3-й степени. Годы службы в царской армии — невыясненный период биографии И. М. Урусбиева. Нам неизвестно, в каких военных кампаниях он участвовал, где были дислоцированы те «регулярные и иррегулярные части войск Терской области», на которые указывает послужной список И. М. Урусбиева. Но несомненно одно: служба его не носила постоянного характера.

Ввиду того, что научная биография И. М. Урусбиева не написана, многие даты его биографии указываются исследователями противоречиво. В «Очерках истории балкарской литературы» об Исмаиле Урусбиеве пишется как «о молодом тогда прапорщике», имея в виду 1829—1830 годы³⁷. Во-первых, как явствует из послужных списков, чин прапорщика был присвоен И. М. Урусбиеву 11 января 1853 года³⁸. Во-вторых, о молодости Исмаила пишет почти через 20 лет анонимный автор «Поездки к южному склону Эльбруса»³⁹. М. М. Ковалевский во время поездки в Баксанское ущелье в 1885 году зафиксировал: «Исмаилу Урусбиеву 54 года, но смотрится он гораздо моложе»⁴⁰.

Еще одно свидетельство о дате рождения Исмаила Мирзакуловича — сообщение грузинского историка Нажарадзе: «В 1878 году Исмаилу было 47 лет»⁴¹. И, наконец, в посемейных списках Урусбиевского общества, составленных в 1886 году, задокументировано: «Подпоручику Исмаилу Мирзакуловичу Урусбиеву лет к 1 января 1886 года — 56»⁴². Таким образом, И. М. Урусбиев родился в 1829 году.

Исмаил получил образование в медресе — читал по-арабски. Знал, помимо родного, кабардинский, сванский, осетинский, русский языки. С юных лет Исмаил живо интересовался жизнью, бытом, культурой соседних народов.

Исмаил Мирзакулович Урусбиев неоднократно изби-

рался членом Горского словесного суда в слободе Нальчик. Многие годы Исмаил исполнял обязанности старшины Урусбиевского общества, на территории которого находились аулы Баксанского ущелья⁴³.

Исмаил был прекрасным знатоком фольклора, истории, культуры народов Северного Кавказа и придавал исключительно большое значение ознакомлению других народов с духовным богатством карачаевцев и балкарцев. Эти цели он и преследовал, когда, услышав о приезде на воды известных деятелей культуры России, встречался с ними, знакомил их с музыкой, песнями, легендами Балкарии, Карачая, Кабарды.

Не менее важной является практическая деятельность И. Урусбиева, направленная на улучшение материального благополучия, социально-экономического положения балкарцев. Практическая деятельность И. М. Урусбиева была направлена на улучшение жизни соплеменников. В исторической литературе иногда встречаются сентенции, что Исмаил те или иные действия предпринимал якобы с целью личной наживы. Такие утверждения исходят от поверхностного отношения к реалиям жизни Балкарии, от нежелания вникнуть в сущность деятельности Урусбиевых. Некоторые ложные постулаты ученых проникли даже в туристические путеводители. Так, в книжке В. А. Зведре «Путеводитель по Кабардино-Балкарии» (Нальчик, 1987), пишется: «Несмотря на свою просветительскую деятельность, таубин Урусбиевы как представители господствующего класса полностью выражали его интересы и везде стояли на его позициях»⁴⁴. Эта сентенция — почти дословное воспроизведение тезиса историка Т. Х. Кумыкова: «Но эти элементы просветительства в деятельности Урусбиевых не могут заслонить главное — они прочно стояли на позициях своего класса»⁴⁵. И такое пишется о человеке, который в 1869 году, когда закончилась казенная субсидия, принял на свой счет окончание строительства колесной дороги от аула Урусбиево до «Донгуз оруна»⁴⁶. Нет необходимости объяснять, что значило строительство дороги в горном ущелье, какими трудностями оно было сопряжено. Помимо больших материальных затрат, такое предприятие требовало многие годы напряженного труда. Однако осознание того, что дорога из ущелья — это дорога в большой мир, не останавливало Исмаила перед трудностями. Деятельность И. Урусбиева, направленная на улучшение жизни жителей Урусбиевского общества, была поистине самоотверженной. Не имея практически движимого имущества,

Исмаил был вынужден неоднократно обращаться за помощью в «Кабардинскую общественную сумму»⁴⁷. Он числился в ее должниках многие годы⁴⁸. После смерти отца Науруз и Сафарали на протяжении многих лет погашали его задолженности.

Исмаил известен в литературе как деятель культуры. Менее известна читателю его хозяйственная деятельность. Он был реформатором традиционного уклада горской жизни. Это проявилось, как отмечалось, в заботах по устройству колесной дороги в Баксанском ущелье. Как известно, вторая половина XIX века, пореформенный период для Балкарии, — один из тяжелейших в социально-экономическом отношении. Малоземелье и безземелье ставили карачаевских и балкарских крестьян в безвыходное положение. Традиционное скотоводство и переработка его продуктов не могли создать необходимых условий для дальнейшего развития сельской общины. Понимая это, передовые общественные деятели Карачая и Балкарии искали выход из создавшегося положения. Исмаил Урусбиев считал наиболее верным путь дальнейшего развития животноводства на основе достижений европейского производства и применения передового опыта в практике балкарских скотоводов. С этой целью он решает открыть сыроваренный завод в Баксанском ущелье. В сентябре 1871 года Исмаил обратился к начальнику Терской области с просьбой о разрешении на открытие сыроваренного завода на общественных землях. Для устройства завода Исмаил просил отвести ему участок из общественных земель — «Буру-кол» и «Малый Лашкут». Им были заказаны и подробные чертежи устройства сыроварни.

Администрация Терской области передала прошение И. Урусбиева на рассмотрение «Представителей Большой и Малой Кабарды и пяти горских обществ». Доверенные отказали Исмаилу, и строительство завода дали на откуп австрийцу Гаштелю (в 1874 г.), но он так и не сумел построить завод и падавшие сыроваренное производство.

Хотя попытка Исмаила окончилась неудачей, как отмечалось выше, его идею подхватили младшие братья, и в 1874 году сыроваренный завод был пущен Хамзатом Урусбиевым. А когда Хамзат был разорен, производство вновь наладил Асланбек (Александр Алексеевич) Урусбиев.

Большую эрудицию и глубокий ум Исмаила Урусбиева неоднократно отмечали исследователи Кавказа. Так, в очерке И. Иванюкова и М. Ковалевского «У подошвы Эльбруса» сообщается, что Исмаил несколько раз побы-

вал в Москве и Петербурге, во время своих поездок он старался полнее узнать о развитии научной мысли, приобрести к великой культуре России. В названной работе авторы отмечают, что у Исмаила глубокие познания по истории и фольклору Кавказа. «Память у князя феноменальная,— писали авторы очерка,— однажды, беседуя с нами о русской литературе, в доказательство своей мысли, цитировал несколько мест у Добролюбова»⁴⁹.

Такую же характеристику Исмаилу дает и знаменитый русский композитор С. И. Танеев: «Он человек во многих отношениях замечательный, знающий весь Кавказ, обычаи разных народов, музыку старинную и новейшую (понятно, кавказскую), знающий историю и географию, Бокля, Дарвина»⁵⁰.

Этнографические, исторические, географические сведения, рассказанные Исмаилом и записанные М. М. Ковалевским, легли в основу его трудов «У подошвы Эльбруса» и «В Сванетии» и содержали в себе первые сообщения о наблюдениях М. Ковалевского над семейными и правовыми отношениями у кавказских народов, вошедших впоследствии в его работы. Монография М. Ковалевского «Очерк происхождения и развития семьи и собственности» вышла в 1891 году в Стокгольме. Впоследствии она послужила одним из научных источников Ф. Энгельсу при написании им работы «Происхождение семьи, частной собственности и государства»⁵¹.

М. М. Ковалевский в своих статьях и письмах неизменно подчеркивал, что успехом своей этнографической экспедиции был обязан Исмаилу Урусбиеву. Исмаил, по его словам, был не только ценным информатором, но и оказал большую практическую помощь в организации экспедиций. Благодаря усилиям Исмаила, оказавшего ему «неисчислимую помощь», Ковалевский и его спутники «глубоко изучали быт балкарцев Баксанского ущелья, смогли перейти через величайший Кавказский хребет в Сванетию и везде встречали радушное гостеприимство»⁵².

Известный кавказский журналист, собиратель и издатель балкарского фольклора Е. Баранов, посетивший Урусбиево в 1891 году, в своем очерке «Поездка в Урусбиевское общество горских татар», опубликованном в газете «Терские ведомости», писал: «...недавно умерший, Исмаил среди горцев пользовался таким всеобщим уважением и почетом, что теперь про него поются песни и сложились легенды, как о человеке, горой стоявшем за интересы всего общества. Среди иностранных и русских туристов он был

известен как радушный хлебосол и неутомимый помощник в их трудных по горам ученых экспедициях; он был замечательно умный человек, но, к сожалению, не получил среднего образования»⁵³.

В литературе, посвященной Урусбиевым, встречается много спорных, порой неверных утверждений. Одно из них проникло и на страницы книги О. Опрышко «По тропам истории», где автор пишет: «Науруз увиделся с Сергеем Ивановичем Танеевым и в июне 1891 г., когда тот лечился в Пятигорске. Урусбиев приехал к нему и прежде всего сообщил печальную весть о том, что несколько месяцев тому назад скончался его отец Исмаил Мирзакулович»⁵⁴.

Между тем в рапорте начальника Нальчикского округа Терской области, поданном в мае 1888 года, сообщается: «Житель Урусбиевского общества подпоручик Исмаил Урусбиев, получающий от Пятигорского казначейства пенсию, 8 числа текущего месяца от продолжительной болезни умер»⁵⁵.

Исмаил Мирзакулович был женат на Наго Бийнёгеровне Балкароковой и имел пятерых детей. Старшая из детей — Мисирхан родилась в 1856-м, Сафарали — в 1858-м, Науруз — в 1863-м, Забида — в 1866-м, Сафият — в 1869 году. О жизни дочерей Исмаила Урусбиева сведений сохранилось мало. Известно, что старшая дочь Мисирхан была замужем в карачаевском ауле Карт-Джурт за князем Крымшамхаловым и умерла вскоре после рождения ребенка. По сообщению жительницы сел. В. Баксан Искендеровой Ханифы Хажиевны (82 года), дочь Мисирхан Ельмесхан после смерти мужа вышла замуж за ногайского мурзу. Она же сообщила, что у Ельмесхан было двое детей от первого мужа — Пахат и Азиза. У Забиды и Сафият личная жизнь не сложилась. Об этом Ханифа Искендерова рассказывала: «Забида умерла в глубокой старости в Алма-Ате. Пережив все унижения, выпавшие на их семью после установления Советской власти, Сафият сошла с ума и умерла в начале 1943 г., в ту ночь, когда немцев выгнали с Баксанского ущелья»⁵⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хутуев Х. И. Становление и развитие социалистической культуры советской Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1985; Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1981; Сафарян С. Н. Султан-Бек Абаев. Нальчик, 1988.

² В рамках данной работы невозможно привести все источники по Урусбиевым. Вот некоторые из них: Хорлон Е. М. Восхождение на

Эльбрус в 1849 г. Кибенхава, 1855. — На гол. яз.; *Грабовский Ф.* Свадьба в горских обществах Кабардинского округа. ССКГ. Тифлис, 1869. Вып. 2; *Динник Н. Я.* Поездка в Балкарию // Записки Кавказского отдела Русского географического общества. Тифлис, 1887; *Давидович С. Д.* Восхождение на Эльбрус // Исторический вестник. СПб., 1887. Т. 28. № 5; *Баранов Е.* Поездка в Урусбиевское общество горских татар // Терские ведомости. 1891. № 55, 56; *Тенцов В. Я.* По истокам Кубани и Кавказа. СМОМПК. Тифлис, 1892. Вып. 14; *Фрешфильд Д.* Исследования Кавказа. Лондон, 1896; *Мерцбахер Г.* По высокогорному Кавказу. Лейпциг, 1901; *Поггенполь Н. В.* Через Сванетию в долину Баксана. ЕРГО. М., 1904. Вып. 2; *Мориц фон Деши.* Кавказ. Путешествие и исследования на вершинах Кавказских гор. Берлин, 1905—1907; и т. д.

³ В Хуламском памятнике (в настоящее время находится в фонде Государственного объединенного музея КБР), датированном Л. Лавровым 1711 годом, встречается имя Исмаила Урусбиева, неизвестного в последующей литературе. В тексте памятника встречается необъяснимый на сегодняшний день факт. Это упоминание об Исмаиле Урусбиеве (или сыне Урусбия). Как известно из генеалогических схем Урусбиевых и Суюнчевых, в начале XVIII века не было Исмаила, тем более Урусбиева, т. к. патронимия Урусбиевых начинается с середины XVIII века и обязана своим рождением Чепелеу Кучуковичу, внуку Урусбия. Возможно, что генеалогические схемы не сохранили имя Исмаила, который мог быть сыном Урусбия и братом Кучука. Вполне возможно и такое, что Кучук — это второе имя Исмаила, что нередко встречалось у горцев. Нельзя исключить вероятность того, что тукум Урусбиевых сложился раньше середины XVIII века, как принято считать в историографии Балкарии.

Дата составления надписи не может вызвать больших сомнений, ибо остальные участники определения границ, приведенные в памятнике, жили именно в этот период. Так, например, Болака (Булабек) Биттиров, по сообщению Ш. Б. Биттирова, является его предком в седьмом колене. (Болака — Зуппай — Ийналукъ — Ибакъ — Жанболат — Эрту — Биязуркъя). Это и Асланбек Кайтукин — кабардинский феодал, известный в легендах и преданиях своими притеснениями балкарских и осетинских (дигорских) крестьян.

⁴ ЦГВИА, ф. 38, оп. 30/286, св. 854, д. 14, л. 2—3.

⁵ Песня о Баксануке Суюнчеве широко распространена в карачаево-балкарском устном поэтическом творчестве, она была опубликована в работе Н. П. Тульчинского «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области» в 1903 году с пометой: «Займствовано из тетради Науруза Урусбиева». Другие варианты, по существу, повторяют сюжет опубликованной песни.

⁶ ЦГВИА. Рукосписный фонд, ф. 1, оп. 2, д. 17, л. 125—127.

⁷ *Мусикаев А. И.* Балкарский тукум. Нальчик, 1978. С. 13.

⁸ Архив КБНИИ, ф. 655-ф/8.

⁹ *Попов А. В.* Поэма Лермонтова «Хаджи-Абрек» // Материалы по изучению Ставропольского края. Ставрополь, 1964. Вып. 2. С. 238.

¹⁰ Коммунизмге жол. 1977. 29 октября.

¹¹ *Волкова Н. Г.* Этнический состав населения Северного Кавказа в XVIII — нач. XX в. М.: Наука, 1974. С. 99.

¹² Архив КБНИИ, ф. 622-8.

¹³ Новое о Шоре Ногмове // Кабардино-Балкарская правда. 1983. 1 сентября.

¹⁴ Азаматов К. Г. Русско-балкарские отношения в XVII—XVIII вв. // Коммунизмге жол. 1979. 27 октября.

¹⁵ Гиляровский В. А. Избранное. М.: Московский рабочий, 1960. Т. 1. С. 580.

¹⁶ Архив КБНИИ, ф. 622-ф/1.

¹⁷ Грове. Холодный Кавказ // Природа и люди. СПб., 1879. Т. 6.

¹⁸ Баранов Е. Поездка в Урусбиевское общество горских татар // Терские ведомости. 1891. № 55, 56.

¹⁹ Ср. документы из ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 748 (л. 144); д. 197 (л. 226); д. 85 (л. 45) и др.

²⁰ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 29, л. 37.

²¹ Там же, ф. н-46, оп. 1, д. 4, л. 3.

²² Там же, ф. 6, оп. 1, д. 748, л. 61.

²³ Там же.

²⁴ Пятигорский листок. 1905. № 272.

²⁵ Терские ведомости. 1905. № 11.

²⁶ Терские ведомости. 1897. № 76.

²⁷ Там же.

²⁸ Баранов Е. Поездка в Урусбиевское общество.

²⁹ ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 158. л. 149.

³⁰ Там же, л. 152.

³¹ Из личного архива внучки М. К. Абаева — Дауты Измаиловны Алмазовой.

³² Архивный фонд Института Украинского фольклора АН Украины. Собрал А. Рахаев.

³³ Г — д. Поездка к южному склону Эльбруса // Библиотека для чтения. СПб., 1849.

³⁴ История поиска тетради изложена в книге: Опришко О. Через века и судьбы. Нальчик, 1990.

³⁵ ЦГА КБР, ф. 12, оп. 4, д. 109, л. 39.

³⁶ Там же, оп. 2, д. 322, л. 27 об.

³⁷ Очерки истории балкарской литературы. Нальчик, 1982. С. 36.

³⁸ ЦГА КБР, ф. 12, оп. 4, д. 103, 199, 322.

³⁹ Г — д. Поездка к южному склону Эльбруса // Библиотека для чтения. СПб., 1849.

⁴⁰ Иванюков И. И., Ковалевский М. М. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. СПб., 1888. Т. 1. Кн. 1. С. 94.

⁴¹ Архив КБНИИ, ф. 658-ф/в.

⁴² ЦГА КБР, ф. 9, т. 1, д. 33.

⁴³ Олий, что соответствовало, по принятому царской администрации чину, старшине, выбирался на Тёре.

⁴⁴ Зведре В. Путеводитель по Кабардино-Балкарии. Нальчик, 1987. С. 62.

⁴⁵ Кумыков Т. Х. Экономическое и культурное развитие Кабарды и Балкарии в XIX в. Нальчик, 1965. С. 406.

⁴⁶ ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 158, л. 44—45.

⁴⁷ «Кабардинская общественная сумма» — название фонда отчислений кабардинских и балкарских сельских обществ на удовлетворение общественных нужд.

⁴⁸ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 29, л. 12, 21; д. 85, л. 29 и др.

⁴⁹ Вестник Европы. СПб., 1886. Т. 1. С. 94.

⁵⁰ Переписка Чайковского и Танеева. Изд. Юргенсона, 1901. С. 140—141.

⁵¹ Беляев В. По поводу записей музыки кавказских горцев С. И. Танеева // Памяти Танеева. М.; Л., 1947. С. 212.

⁵² Там же.

⁵³ Терские ведомости. 1891. № 56.

⁵⁴ Опрышко О. По тропам истории. Нальчик, 1979. С. 283.

⁵⁵ ЦГА КБР, ф. 12, оп. 2, д. 1132; л. 103.

⁵⁶ Архив КБНИИ, ф. 656-ф/8.

САФАРАЛИ УРУСБИЕВ

Старший сын балкарского просветителя Исмаила Мирзакуловича Урусбиева — Сафарали родился в 1858 году¹.

Огромна была тяга Исмаила Урусбиева к образованию и культуре. Обстоятельства не позволили ему получить систематическое образование, и он делал все возможное, а порой и невозможное, чтобы дать его своим сыновьям и племянникам. Трудность заключалась в том, что у Исмаила не было достаточно денег, чтобы платить за обучение детей. Порой ему приходилось несколько раз обращаться к съезду «Доверенных Кабарды и Балкарии» для назначения им стипендии. И не всегда эти доверенные с должным пониманием относились к его прошениям.

С малых лет Сафарали обучался вместе с двоюродными братьями в медресе Урусбиевского поселка у ученого богослова из Дагестана Искандера-эфенди. Исмаил Мирзакулович нанял также для обучения сыновей и племянников русского учителя. К сожалению, имя этого подвижника осталось неизвестным. Благодаря этому педагогу в середине 70-х годов в Урусбиево было немало таких, которые «умели писать хорошо и скоро»².

В 1872 году Сафарали поступает во Владикавказское реальное училище. Учился Сафарали успешно, старательно овладевал курсом реального училища, которое давало солидное по тем временам среднетехническое образование. Осталось свидетельство о встрече путешественника Грове с Сафарали-реалистом в 1874 году: «В деревне находился и представитель главного рода — прелестный юноша пятнадцати или шестнадцати лет — старший сын и наследник Исмаила. «Сударь,— сказал он однажды Муру³, когда последний заговорил о путешествии из Урусбиево в Учкулан,—если бы мой отец был здесь, то он не только счел бы за честь принять вас в своем доме, но и проводил бы вас до Учкулана». Слова его были совершенно искренни, если и не были лишены восторженности. Мальчик этот воспитывался в русской школе, впоследствии чего весьма естественно старался подражать одежде и обычаям побе-

дителей, хотя в нем и сохранились некоторые лучшие черты национального характера, и таким образом он был очарованным представителем Урусбиевых, самых образованных и приветливых из жителей Северо-Западного Кавказа»⁴.

Годы учебы во Владикавказе определили дальнейшую судьбу молодого горца. Ведь Владикавказ второй половины XIX века был не только административным, но и культурным центром Северного Кавказа. В 70-х годах XIX века здесь были созданы подпольные революционные кружки рабочих, передовая часть горской интеллигенции была объединена в народнические кружки. Среди кружковцев реалисты Владикавказа занимали видное место. В документах расследования деятельности Владикавказского кружка народников несколько раз упоминаются и имена балкарцев—учащихся владикавказских училищ Мисоста и Кайтука Абаевых. Несомненно, что и Сафарали не оставался в стороне от деятельности кружка. Сафарали и Мисоста Абаева связывала многолетняя дружба. Они не потеряли связи и тогда, когда Сафарали был вынужден более двадцати лет находиться вдали от родины. Столица Терской области — Владикавказ XIX века жил напряженной жизнью. Здесь выходили газеты, на заседаниях окружного суда слушались дела крестьян, взбунтовавшихся против помещиков, выносились обвинительные приговоры против рабочих, участников революционного движения.

Зарождающаяся интеллигенция горских народов пыталась наладить дело народного просвещения, была озабочена повышением жизненного уровня своих народов... В этой обстановке формировалось мировоззрение молодого Сафарали Урусбиева.

Нам неизвестно точно, в каком году закончил училище Сафарали. Но если учесть, что во Владикавказском реальном училище обучение было шестилетним, а для тех, кто собирался поступать в высшее учебное заведение, имелся седьмой, дополнительный или, как его называли, приготовительный класс, то Сафарали закончил училище в 1880 году. В 1879 году он подготовил к публикации «Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области». Предстоит еще выяснить историю публикации учащимся Владикавказского реального училища Сафарали Урусбиевым «Сказаний о нартских богатырях...» На замыслы Сафарали указывает сообщение П. Острякова в «Вестнике Европы»: «Им (Наурузу и Сафарали.— Т. Б.) дороги памятники родной поэзии, и они с прискорбием боются, что не найдется человека, который бы хотя бы в рус-

ском переводе сохранил заветные песни. Желание их и любовь доходят до того, что оба брата наперерыв предлагали мне быть переводчиком и комментатором...»⁵

Сафарали с ранней юности выбрал профессию. Он решил стать ученым лесоводом. Не последнюю роль в его решении сыграло, видимо, состояние Баксанского леса, хищнически истребляемого, начиная с середины XIX века. После окончания училища Сафарали ждет освобождения стипендии гр. Лорис-Меликова, учрежденной для обучения студента в Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии. До конца 1880/81 учебного года стипендию гр. Лорис-Меликова получал Тавкешев, после ее освобождения она была присуждена Сафарали Урусбиеву, и он становится студентом академии. На сегодняшний день существуют два противоречащих друг другу документа о дате окончания Сафарали академии. В «Годичном акте Петровской земледельческой и лесной академии на 21 ноября 1885 г.» имя Сафарали Урусбиева записано в списке утверждаемых «в звании действительного студента»⁶. Третьим мая 1885 года датировано заявление Исмаила Урусбиева начальнику Нальчикского округа о предоставлении единовременного пособия для изучения практического садоводства в Крыму «сыну, студенту Сафару Урусбиеву, окончившему курс в Петровско-Разумовской академии по агрономическому отделу...»⁷. В академии был четырехлетний срок обучения. Сафарали поступил на лесоводческое отделение академии, но в 1883 году в связи с постоянными волнениями студентов отделение было закрыто. Часть студентов была уволена, другая часть переведена на агрономическое отделение. Возможно, этим объясняется продление срока учебы Сафарали в академии.

Петровско-Разумовская сельскохозяйственная академия, где учился Сафарали Урусбиев, была создана в 1865 году по инициативе Московского общества сельских хозяев, в разные периоды она меняла свою структуру, название, сроки обучения. «Петровская академия была хорошо оснащена высшим учебным заведением и готовила специалистов широкого профиля. Здесь функционировала образцовая ферма, опытное поле, ботанический сад, пасека, оранжерея, лаборатория, многочисленные учебные кабинеты»⁸. В годы, когда в академии учился Сафарали, здесь обучалось большое количество студентов-кавказцев. Среди них широко известны имена участников подпольного революционного движения во Владикавказе народовольцев Индриса Шанаева, Ефима Газданова, Д. Голиева и др.

Будучи студентом Петровско-Разумовской академии, Сафарали не забыл своих просветительских задач. Во время каникул собирает фольклор, занимается также составлением грамматики, для чего «применяет русскую азбуку к выражению его звуков». Об этом сообщают Миллер и Ковалевский после своего первого путешествия по Северной Осетии и Балкарии в 1883 году⁹. В том году Сафарали оказал большую помощь ученым не только как проводник и переводчик, но непосредственно и в сборе полевого материала. В экспедиции ученых, кроме Сафарали, принимал участие студент той же академии, где учился Сафарали,— Соломон Туккаев из Осетии. «Имея по всем аулам родственников, аталыков и кунаков, Сафарали мог открыть нам самый широкий доступ к горскому гостеприимству»,— писали исследователи Кавказа. В. Миллер и М. Ковалевский оставили нам любопытную характеристику взаимоотношений Сафарали и его земляков: «Женщин гораздо больше, чем мужчин, огорчал европейский костюм Сафарали и его отпущенные волосы. В оправдание себе он должен был прибегать к довольно неправдоподобному объяснению, что в Москве так холодно, что нельзя ходить бритым. Одна из кузин заметила о нем с иронией: «Ведь вот русский, а недурно говорит по-горски»¹⁰.

Исмаил Урусбиев внимательно следил за учебой сына, оказывал ему всяческую помощь. После окончания академии в 1885 году, как отмечалось выше, Сафарали должен был изучить практическое садоводство в Крыму. Так как в то время Исмаил Мирзакулович был стеснен в средствах, то он обращается к начальнику Нальчикского округа с просьбой о выдаче пособия для продолжения занятий¹¹. При условии, если в просьбе будет отказано, И. М. Урусбиев просит выдать двести рублей взаймы.

После окончания занятий по практическому садоводству в Крыму в 1887 году Сафарали был направлен для работы лесничим в слободу Воздвиженская Грозненского округа. 9 февраля 1891 года, «причисленный к корпусу лесничих губернский секретарь Урусбиев» был назначен на должность лесничего 2-го ветлужского II разряда лесничества Костромской губернии¹². Через год он был переведен в Угличское лесничество Ярославской губернии.

Мы пока не располагаем достаточным количеством документов о периоде жизни Сафарали с 1892-го по 1911 год. Можно только предположить, что Сафарали не остался в стороне от революционных событий рубежа XIX и XX веков. Еще предстоит уточнить, за что царская админи-

страция «пожизненно сослала инакомыслящего горца в г. Углич Ярославской губернии»¹³. Судя по некоторым источникам, живя на севере, Сафарали не порывает связи со своими земляками-кавказцами. Доктором филологических наук Р. Х. Хашхожевой в 1966 году были разысканы материалы, свидетельствующие о близком знакомстве Сафарали Урусбиева и адыгского писателя начала XX века Кази-Бека Ахметукова¹⁴. Обнаруженные ею документы свидетельствуют: в 1898 году Ахметуковым была предпринята попытка издания журнала «Кавказ и народы Востока». Соиздателем журнала, готовым внести 35 из нужных для субсидирования журнала 50 тысяч, Ахметуков называет Сафарали Урусбиева. Необходимо выяснить все причинно-следственные связи этой истории. Знакомство Ахметукова и Урусбиева подтверждается и повестью Ахметукова «На черный материк»¹⁵, опубликованной в том же 1898 году. Судя по повести, Ахметуков весьма поверхностно знал и Урусбиева, и урусбиевцев. Баксанское ущелье он называет Баксановским и еще пишет: «Товарищи мои были балкары (ногайского племени)...

По выявленным на сегодняшний день документам трудно судить, за что и на какой срок был сослан Сафарали на север. Анализ обнаруженных документов дает основание и для такого вопроса: а был ли Сафарали сослан вообще? Ибо при этом он не был ни в чем ущемлен. Иначе чем объяснить, что он неоднократно был избираем в органы земской управы, носил свой почетный титул князя, в 1907 году даже был награжден орденом св. Станислава 3-й степени? К 1915 году Сафарали Урусбиев имел чин надворного советника.

В 1911 году Басият Шаханов, будучи юрисконсультom Нальчикского округа, возбудил ходатайство о возвращении Сафарали в Балкарию. Но ходатайство это не было удовлетворено.

К сожалению, мы почти не располагаем сведениями о последних годах жизни Сафарали Урусбиева, не знаем точной даты его смерти. Последнее известие о Сафарали Урусбиеве мы находим в очерке В. В. Дубянского «К портрету князя Н. И. Урусбиева», написанном в 1917 году. В нем вскользь упоминается, что брат Науруза «служит по корпусу лесничих в министерстве земледелия и государственных имуществ»¹⁶.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ ЦГА Северной Осетии, ф. 12, оп. 4, д. 103, с. 39; ф. 12, оп. 5, д. 199.

² Грове. Холодный Кавказ... С. 131.

³ Мур — ученый, сопровождавший Грове по Кавказу.

⁴ Грове. Холодный Кавказ... С. 131.

⁵ Остряков П. Народная лирика кабардинцев и ее образцы // Вестник Европы. 1879. Кн. 8. С. 701. Необходимо внести ясность. Работа Острякова никакого отношения не имеет к кабардинскому фольклору. Публикуя образцы карачаево-балкарского фольклора, П. Остряков допустил ошибку в определении этнонима балкарцев, что было распространением явления в XIX веке.

⁶ ЦГА Московской области, ф. 228, оп. 1, д. 351, л. 5.

⁷ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 85, л. 29.

⁸ Очерки школы и педагогической мысли народов СССР. Вторая половина XIX века. М.: Педагогика, 1976. С. 179.

⁹ В горских обществах Кабарды. Из путешествия Вс. Миллера и М. Ковалевского // Вестник Европы. 1884. Кн. 4.

¹⁰ Там же.

¹¹ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 85, л. 29—32.

¹² Приказы по корпусу лесничих. СПб., 1892 // ЦГВИА, ф. 243, оп. 3, д. 1, л. 18.

¹³ Кабардино-Балкарская правда. 1981. 9 июня.

¹⁴ Кабардино-Балкарская правда. 1966. 11 ноября.

¹⁵ Вокруг света. 1898. № 13.

¹⁶ Кавказские курорты. 1917. № 10. С. 118.

СКАЗАНИЯ О НАРТСКИХ БОГАТЫРЯХ У ТАТАР-ГОРЦЕВ ПЯТИГОРСКОГО ОКРУГА ТЕРСКОЙ ОБЛАСТИ

Несколько слов от собирателя и переводчика

В горах Пятигорского округа Терской области живет племя татарского, или монгольского, происхождения, населяющее несколько аулов; оно говорит татарским языком. На плоскости этого же округа живут кабардинцы, язык которых не имеет никакого сходства с языком означенного татарского племени.

Долгое время обращаясь в среде последнего и сам принадлежа к нему по своему происхождению, я задался мыслью записать устные предания, сохраняющиеся у этого народа от глубокой древности. В числе таких преданий первое место принадлежит сказаниям о нартских богатырях; это богатырский эпос татар-горцев, сохранившийся в их песнях, распеваемых ими до настоящего времени. Подобные сказания сохранились у всех горских племен, живущих на Кавказе, составляя общее их наследство от времен самой глубокой древности. Конечно, переходя из уст одного поколения к другому, они претерпевали некоторые изменения в частности, но ни у одного из этих племен не сохранилось преданий, восходящих к более отдаленным временам, чем эти.

До сих пор как самое название «нарты», так и смысл этих глубоко поэтических сказаний о них остаются неразъясненными. Тем не менее некоторые поговорки, употребляемые в настоящее время татарами-горцами и кабардинцами, хотя немногими, но яркими чертами намечают образ нарта. «Он храбр, хитер, силен — он молодец, как нарт», — говорят о каком-нибудь благородном уздене; «он строен, статен, как нарт», — говорят горцы про человека, отличающегося между другими величественной и привлекательной наружностью и прославившегося подвигами благородства, бесстрашия и силы. Таким образом, название нарт в устах народа стало нарицательным и употребляется

как синоним «удалого доброго молодца». Равным образом, и сказания, записанные мною, гласят, что нарты были народ огромного роста и необъятной силы, народ закаленный в перенесении трудностей и лишений. Они проводили жизнь свою, главным образом, в поисках опасностей и приключений, в набегах с целью добычи, а также в особых странствованиях, называвшихся джортуулами¹. Отправляясь на подвиги, они говаривали: «Ах, если бы нам довелось поглотить и встретиться с затруднениями и опасностями!» Все, что доставалось без особенного труда, не соединялось с опасностями, было им противно; они искали таких приключений, в которых им можно бы было во всю ширь выказать свою удаль и силу.

Наряду с нартами предания упоминают о великанах-эмегенах, отличавшихся, как и те, огромной физической силой и гигантским ростом и вместе с этим глупостью; у которых не было никакой сообразительности и хитрости. По некоторым сказаниям, у них было много голов и один глаз во лбу. Между нартами и эмегенами велась постоянная борьба, в которой, благодаря своему умственному превосходству, нарты всегда оставались победителями, несмотря на то, что эмегены обладали несравненно большим ростом и физической силой. Нарты питали к ним постоянную ненависть за то, что эмегены ели человеческое мясо и, когда попадал к ним кто-нибудь из нартов, старались не выпускать его живым из своих рук.

В свободное от джортуулов время нарты устраивали увеселительные собрания, на которых предавались богатырским играм и танцам. Собрания их всегда происходили в доме Алиговых, у которых постоянно висел над огнем большой котел, вмещавший в себя мясо сорока бугаев².

Местом действий нартов служила по преимуществу Кубанская область и вообще весь Северный Кавказ до реки Волги, которая очень часто упоминается в этих сказаниях под именем Эдиля, через который нарты переправлялись иногда, с целью набегов на своих врагов и угона к себе их табунов. Памятников, свидетельствующих о существовании нартов в Кубанской области, очень много. Мне рассказывали очевидцы, что при впадении реки Теберды в Кубань, близ Хумаринского укрепления, находится на одной высокой скале большой замок, носящий и поныне название «Чуана». По преданиям, в нем некогда жил нарт Гиляхсыртан злоязычный. На левом берегу Теберды также есть другой замок — «Сынты», по красоте превосходящий «Чуана».

Близ Чуана лежит большой камень, называемый камнем нарта Сосруко³. По одному сказанию, Сосруко въехал на этот камень на своей лошади, и она оставила на камне следы своих копыт. Там же виднеются следы собаки, которая тоже взошла на камень, и даже мочи лошади Сосруко. Все это подтверждает, что главное местопребывание нартов было в Кубанской области, на Северном Кавказе, откуда они во время своих воинских странствований доходили также до Эдила.

Вот имена тех нартов, про которых сложены песни у горцев: Урызбек⁴, Сосруко, Шауй, Ширдан, Хмыч, Батрез⁵, Рачикау, Сибильчи, Гиляхсыртан злаязычный, Деуэт, Алауган. Каждому из этих нартов посвящена особая песня; мотивы песен довольно однообразны. Но с течением времени песни эти постепенно приходят в упадок, и в настоящее время певцов, поющих их с умением, очень мало, можно сказать, почти совсем нет. Они по преимуществу пелись знаменитыми в свое время в Кабарде бродячими певцами-поэтами, называвшимися гегуако⁶.

Эти гегуако были люди, не имевшие никакой собственности, не занимавшиеся решительно никаким хозяйством; они не носили оружия и разъезжали по Кабарде исключительно с целью присутствовать на народных собраниях, битвах, разных увеселениях и плясках, погребальных и иных процессиях, вообще искали всегда какого-нибудь народного сборища. Здесь-то они и пели свои песни о временах давно минувших, или воспевали какие-нибудь важные современные события, прославляли современных героев. Таким образом, гегуако были баянами (певцами) родного племени и заменяли в свое время письменную литературу. Как странствующие певцы, они сами разносили свои произведения по Кабарде. Так, собирався народ в поне⁷ (сбор народа) для решения каких-нибудь общественных вопросов на каком-нибудь открытом, возвышенном месте за аулом, молодые люди показывали здесь свое искусство в джигитовании, борьбе и разных играх, а пожилые люди занимались рассуждениями об общественных делах; непременно появлялись тут и гегуако. Они зорко следили за всем происходящим здесь и если замечали между молодыми людьми особенно выдающихся своим удальством и ловкостью в джигитовании, то старались поощрить их похвалой, разнося весть о них по всем аулам — ближним и дальним — и прославляя их доблесть в своих песнях. Обращал ли кто на себя общее внимание мудрыми советами и речами в народном собрании, гегуако немедленно слагал песнь, ко-

тору и пел тут же в присутствии собравшихся. Но горе было тем, которые запятнали себя злым делом или обнаружили вредное намерение: неподкупная, как совесть, песнь гегуако привлекала на них позор и всеобщее осуждение.

Умирал ли человек, уважаемый за мудрость и храбрость, народ собирался к его могиле, приглашал нескольких гегуако и просил их сложить песню про умершего на память потомству, чтобы и грядущие поколения славили его имя и доблестную жизнь.

В таких случаях один из гегуако брался воспеть одну сторону деятельности умершего, другой — другую и т. д. После этого гегуако на некоторое время удалялись от света в безлюдные, уединенные места и, ведя там самую тихую жизнь, слагали свои песни. По истечении некоторого времени они объявляли об окончании своей работы, и тогда народ стекался со всех сторон на определенное место, куда являлись и гегуако. Обыкновенно в том месте, где проходили гегуако, замечалось некоторое движение: один поправлял свою папаху, другой кинжал, третий газыри, словом, каждый обнаруживал боязнь, как бы гегуако не подметил какого-нибудь недостатка в нем и не осмеял его в резкой остроте. Один из гегуако всходил на возвышенное место среди толпы и пропевал сначала только голосовой мотив песни, ударяя при этом харсом⁸: все с нетерпением ждали минуты, когда он начнет петь самую песню. Настроив свой голос под харс, первый гегуако пропевал свое произведение, за ним пел другой и так до последнего.

Толпа внимала, затаив дыхание; только в перерывах можно было расслышать шепот: «Откуда они берут такие чудные слова?»

По окончании пения раздавался взрыв восторженных криков и начинался пир: угощение народа и награждение певцов-поэтов. Родственники умершего дарили им платье, лошадь, оружие и проч. Гегуако жили исключительно подобными подаяниями.

Они также сопровождали воинов и воспевали подвиги их на поле брани, в своих песнях являясь раздатчиками наград доблестным героям и карателями трусов. Во время битв они располагались на каком-нибудь закрытом месте, откуда было удобно наблюдать не только за общим ходом дела, но и за действиями отдельных воинов, и внимательно наблюдали: кто идет впереди всех, храбрее сражается, как умирает тот или другой пораженный воин, — и песни

их скоро извещали всех остающихся дома об исходе битвы и подвигах храбрых воинов.

Из сказанного видно, что гегуако в свое время имели громадное значение в среде своего народа и приносили большую пользу. В своих свободных песнях они, как древние пророки, восхваляли добродетель и карали порок и проливали свет на самые глубокие вопросы народной жизни. Понимая, или лучше, чувствуя пользу, приносимую гегуако, народ уважал и любил их и обеспечивал им неприкосновенность и полную свободу: они могли смело говорить во всеуслышание обо всем и обо всех, предавать все-народному порицанию и посмеянию все, что они признавали того достойным.

Заходила ли речь о знатном князе или о нищем бедняке, гегуако с суровым беспристрастием высказывал правду. Доказательством того, какими любовью и уважением пользовались гегуако у народа, служит уже то, что родители, даже из знатных князей, замечая в своих детях особенные духовные способности, отправляли их на воспитание к гегуако, у которых молодые люди и проводили по нескольку лет.

Ни одно пиршество, ни одно народное собрание не обходилось без гегуако, и при них каждый старался держать себя чинно, как бы боясь попасть им на замечание; голосу их все привыкли придавать важное значение.

Но с распространением магометанской религии гегуако впадают в немилость у мулл. Имамы⁹ начинают их преследовать, находя их дело грешным, противным новой религии. Приведу здесь один разговор, который может характеризовать отношения между гегуако и муллами.

Обратившись к гегуако, мулла говорит:

— Ты — человек, находящийся вне религии; ты вреден для общества, таких, как ты, пушно гнать и убивать.

— Нет, не меня надобно преследовать, а скорее тебя. Это ты находишься вне всякой религии, вне всего честного, доброго. Твое дело только грабить, обирать народ. Ты с нетерпением ждешь той минуты, когда мы теряем какого-нибудь человека, в особенности знатного и богатого, чтобы после смерти его завладеть какою-нибудь его дорогою вещью. Ты человек наивреднейший, ты грабитель и обманщик. А я живу честным трудом и приношу посильную пользу народу. Я одним словом своим из труса делаю храбреца, защитника свободы своего народа: вора превращаю в честного человека. На мои глаза не смеет пока-

заться мошенник; я — противник всего бесчестного, нехорошего.

— Скажи мне, что ты считаешь основанием религии? — спрашивает мулла.

— Я? По моему мнению, основанием религии должно служить просяное зерно...

Смысл последних слов гегуако будет понятен, если мы примем во внимание, что просо в той местности составляет одно из распространеннейших хлебных растений, и до сих пор употребляемое в пищу в виде каши, а в старину оно господствовало, так как тогда не сеяли никаких других хлебных растений, кроме проса и нартуха *. Вследствие преследований со стороны представителей магометанской религии, а равно и многих других причин, певцы-гегуако постепенно начали сходить со сцены и в конце концов совершенно исчезли. Последний из них, по имени Таяир, заслуживший всеобщую известность, умер в Малой Кабарде в 50-х годах настоящего столетия. Песни гегуако, заключающие в себе сказания о нартах, кажутся на первый взгляд не имеющими между собою ничего общего, но при ближайшем рассмотрении нельзя не заметить внутренней связи между ними, как бы между частями одной эпической поэмы. Уже недалеко то время, уже наступает оно, когда и эта старая поэма будет изглажена из народной памяти. Всему положен свой предел.

С. УРУСБИЕВ

Сел. Урусбиево.
1879

Сказания о нартских богатырях

І. Урызмек

Урызмек принадлежал к простому сословию из фамилии Схуртуковых и был сыном Схуртука. При рождении ему было дано это имя, и рос он между храбрыми нартами. С малых лет он обращал на себя внимание всех, отличаясь всегда в детских играх со своими юными сверстниками, и нарты всегда при виде его говорили, что из этого юноши выйдет настоящий нарт.

* «Пища нартов» — кукуруза.

Однажды во время игры с товарищами Урызбек увидел, что все жители нартских селений идут по одному направлению, неся с собой разные съестные припасы: один ведет барана, другой несет копченое мясо, третий — кувшин с напитком и т. п. В особенности же его поразило, когда одна бедная женщина несла в чашке что-то съестное, и за нею бежали оборванные, голодные малютки, с плачем крича: «Мама, мы голодны, дай немного!»

Урызбек забыл об игре, оставил своих товарищей, побежал к толпе взрослых и пристал к ним с вопросами: «Куда несут все это? Зачем?» От всех он услышал одно и то же, именно, что нарты несут дань своему князю «Пуку»¹⁰.

Эти слова произвели на Урызбека глубокое впечатление. Он оставил игры, ходил некоторое время молчаливый и печальный и даже изменился в лице.

На общественные игры, устраиваемые нартами в свободное от джортуулов * время, собирались и нартские дети для упражнений в бегании взапуски, в борьбе между собой, в играх в альчики, в бросании камня и других. Все привыкли видеть на этих играх Урызбека первым между детьми, поэтому отсутствие его было сразу же замечено; начали спрашивать о причине его отсутствия и опасались, не болен ли он. На расспросы о том, что с ним случилось, Урызбек отвечал так: «У меня нет никакой телесной болезни, но меня смущает то, что храбрые нарты платят дань козлинобородому, трусливому Пуку и считают его каким-то божеством». Урызбек выражал свои мысли сперва только между близкими к нему людьми, а потом и в народе. «До тех пор, — говорил он, — пока нарты не прекратят эту постыдную для них дань, я не могу оставаться среди них: сердце мое не может переносить мысли о том, что храбрые нарты подчиняются козлинобородому, трусливому Пуку, и я не успокоюсь до тех пор, пока не сделаю нарт-тов свободными».

Родители и родственники Урызбека были сильно перепуганы такими речами его. Они со слезами уговаривали его выкинуть из головы эти мысли, указывая ему на то, что если Пук узнает об этом, то всех их сотрет с лица земли. Но на Урызбека не действовали ни увещевания, ни советы родителей: он остался непреклонен в своем намерении. И вот он собирает однажды нарт-ов и во всеуслышание объявляет им: «Не будь я молодым нартом, если не отрублю голову этому трусливому, козлинобородому Пуку,

* Странствования с целью искания приключений и добычи.

если не сделаю всех нартов свободными и не стану сам во главе их».

Нарты не придали важного значения его словам и думали только о том, какое наказание наложит на них Пук, когда проведает о намерениях Урызмек. Храбрый молодой Урызбек, не обращая ни на что внимания, приступил к исполнению своих замыслов. Прежде всего он явился к отцу своему Схуртуку и сказал: «Отец! Я твердо решил исполнить свои намерения относительно Пука; и не думай уговаривать меня, а лучше подай совет, как мне совершить все, мною задуманное: нет у меня и лошади, и вооружения».

— Если уж так твердо решился ты на свое предприятие,— сказал Схуртук,— то возьми мою пегую лошадь, скрытую в подземелье; там же в черном сундуке ты найдешь седло с металлическими подпругами и мой меч сырпын¹¹.

Урызбек вывел из подземелья пегого коня, оседлал его и, надев меч сырпын, уехал из дому.

При первом ударе плетью пегий конь три раза поднялся с ним на небо и опустился на землю; Урызбек сидел, не шевельнувшись.

Затем он направился по той самой дороге, по которой жители нартских поселений носили Пуку дань. Засев на этой дороге, Урызбек отнимал у проходящих все, что несли к Пуку, и возвращал их назад в селения, никого не пуская вперед. Бедные нарты, боясь, с одной стороны, Урызмек, с другой — Пука, стали ходить к последнему тайком, окольными дорогами, и донесли ему о том, как молодой Урызбек не пропускает их прямой дорогой и отнимает все, что они несут ему в дань. Нарты в страхе ждали, что всемогущий Пук уничтожит Урызмек, каким-нибудь чудом, но, к их удивлению, Пук ничего не сделал с Урызбеком.

Последний продолжал отнимать все, что нарты несли к Пуку, и, собрав своих товарищей, угощал их. Наконец, видя, что Пук не обращает на него внимания, Урызбек решился сам явиться к нему. Подъехав к дворцу, он грозным голосом стал вызывать Пука.

Когда донесли об этом Пуку, то он притворился больным и велел сказать о том Урызбеку. А этот, услышав такой ответ, направился к дверям со словами: «Если он болен, то я совершенно здоров» — и, войдя прямо в покои, обратился к Пуку с приветствием: «Добрый день, князь наш Пук!»

— Ай кюнюн яман болсун *,— ответил тот.

При этих словах Урызбек схватился за свой сырпын, чтобы отсечь голову Пуку, но тот успел выпрыгнуть в окно и пустился бежать. Урызбек за ним. Пук, видя, что от Урызбека не укрыться ему на земле, улетел на небо и остался там жить, построив себе стеклянный дворец.

Так как Пук был бог, то он, разгневавшись на нартов, задержал дожди; произошла засуха, хлеба перестали цвести, деревья стояли без листьев, животные не плодились, женщины не рожали. Наступило для нартов тяжелое время, и они стали упрекать молодого Урызбека, говоря ему:

— Вместо добра ты сделал нам одно только зло, рассердив Пука: ну, как мы будем жить теперь? Сам и поправляй теперь беду!

Урызбек был в затруднительном положении, не зная, каким образом поправить дело, и наконец решился обратиться за советом к всеведущей Сатаной ** 12.

Он рассказал ей обо всем случившемся, о ропоте нартов и затруднительном своем положении.

Вещая Сатаной дала ему такой совет: чтобы достали пушку, которая хранилась в доме Алиговых, засыпали в нее сорок сапеток пороху, чтобы сам он залез в жерло вместо ядра, и чтобы затем из пушки выпалили.

Все это было в точности исполнено; пушка была заряжена, как сказано, но никто не решался выстрелить.

Тогда Сатаной сама взяла горящую головешку и приложила к припалу. Раздался громовый выстрел, и Урызбек полетел на небо. С шумом влетел он в стеклянный дворец Пука и обратился к нему с обычным приветствием:

— Добрый день, князь наш Пук!

— Ай кюнюн яман болсун,— отвечал Пук,— не дал ты мне покою на земле, неужели и на небе не оставишь в покое? Неужели ты хочешь моей крови?.. Что я тебе сделал?

— Мне без тебя было скучно на земле,— сказал Урызбек,— и я пришел побеседовать с тобой о наших храбрых подвигах. Самый славный из совершенных мною подвигов следующий.

Однажды, выехав из дому, с целью сразиться с первым же встречным, я наткнулся на сто белых всадников, в белых одеждах и на белых лошадях; сразившись с ними, я убил всех их до одного и, привязав к седлам доспехи уби-

* «Ах, чтобы твой день был недобрый (несчастливым)».

** Нарты считали Сатаной ведуньей, т. е. приписывали ей знание прошедшего, настоящего и будущего, и всегда в важных делах искали ее советов.

тых, пригнал к себе на двор сто белых лошадей. Расскажи же ты самый замечательный в своей жизни подвиг.

Пуку было не до рассказов: у него сердце замирало, чуя грозу, и он торопливо рассказал:

— Я отправился раз на охоту, встретил сто оленей и убил в один день тоже всех до одного.

Как только Пук кончил свой крошечный рассказ, Урыз-мек, посмотрев из окна вниз, на землю, с ужасом вскрикнул:

— О, боже мой! Что это за громадное войско приближается к нартским селениям? Взгляни-ка вниз, на землю, князь наш!

Пук, на этот раз ничего не подозревая, подошел к окну и начал смотреть вниз. А Урызмек только того и ждал: он выхватил свой сырпын и, со всего размаху ударив им Пука в затылок, разом отсек ему голову.

После этого семь недель лился дождь с кровью; на земле опять наступил берекет — довольство¹³: хлеба начали цвести, деревья — приносить плоды, животные — размножаться, женщины — рожать детей. А Урызмек за свой подвиг был сделан главою нартов, стал общим любимцем и женился на прекрасной, всезнающей княжне Сатаной.

II. Шайай

Золотой Деует имел девятнадцать сыновей. Следуя вновь заведенному им обычаю, братья женились по очереди, начиная с младшего, а оружие надевали по старшинству, т. е. кому скорее наступало совершеннолетие. Старшего из них звали Алауган. Пока дошла до него очередь жениться, он незаметно для самого себя успел уже составить.

У нартов по поводу этого сложилась даже поговорка, употреблявшаяся в смысле поношения: «Дай бог тебе остаться без жены, как Алаугану!» Последний, впрочем, и не подозревал о существовании такой поговорки.

Но вот, однажды, находясь на общественных играх, он невольно обратил внимание на двух рассорившихся мальчиков, которые, играя в альчики, заспорили о выигрыше.

— Я выиграл этот альчик, — говорил один.

— А нет, не ты, а я: пожалуйста, не спорь! — говорил другой.

— Нет, врешь: не ты, я выиграл! — кричал первый.

— Пусть я останусь без жены, как Алауган, если я вру!

На Алаугана, все время наблюдавшего ссору мальчиков, так подействовали последние слова, что он поднялся со своего места и ушел домой печальный, понутив голову. Теперь только узнал Алауган, что он состарился без жены, и состарился до того, что стал посмешищем даже у детей.

«Если уж так,— сказал сам себе Алауган,— то я жёнуюсь во что бы то ни стало!» — И немедленно начал собираться в отъезд для отыскания себе невесты.

Он вывел свою лошадь Гемуду, которая обладала способностью говорить человеческим голосом и принимать вид всякого другого животного и которую он до этого времени держал в подземелье, кормя железными опилками.

Оседлав коня и надев на себя оружие, Алауган выехал из нартских селений. Долго ехал он по красивым нартским землям и, наконец, завидел вдали какое-то черное пятно, которое, по мере приближения его, постепенно все увеличивалось.

Когда Алауган подъехал к нему на довольно близкое расстояние, то глазам его представилась громадной величины женщина-эмегена с откинутыми назад чрез плечо персями: она зачинаяла трещины земли при помощи иглы, которая была величиной с хорошее бревно, а нитка — как аркан.

При виде такой громадины Алауган совершенно оробел и не знал, на что решиться. «Если пуститься бегом,— рассуждал он,— то эмегена догонит и, наверно, убьет, а не бежать и подойти к ней — страшно». Думал, думал и, наконец, решился он потихоньку подойти к ней сзади и тотчас взять ее перси себе в рот и таким образом сразу стать ее молочным сыном.

Так он и сделал. Эмегена быстро обернула голову и, увидев Алаугана, проговорила: «Ах, как жаль, что ты так скоро сделался моим ребенком, а то был бы для меня сладким кусочком...» Алауган, желая показать себя не трусом, ответил ей на это: «Ах, как жаль, что ты так скоро сделалась моей матерью; а то послужила бы отличной пробой для моего сырпына».

Затем эмегена спросила у Алаугана о том, куда и зачем он едет. Тот рассказал ей, что он до старости оставался холостым, а теперь едет отыскивать себе невесту.

— Ах, как это кстати! Я тоже вышла из дома как раз для того, чтобы найти жениха для своей единственной, прекрасной дочери; вот, право, какое счастливое совпадение! Пойдем к ней; увидев ее, ты, конечно, полюбишь ее!

Бедный Алауган с досады кусал себе губы, но делать

было нечего; из опасения за свою жизнь он должен был волей-неволей согласиться на предложение эмегены, и они вместе отправились к ней на дом. Вскоре пришли они к громадной скале, в которой была большая пещера, заложенная тяжелым каменным засовом. Эмегена одной рукой отодвинула засов, и они вошли внутрь скалы. Долго шли они, то опускаясь, то поднимаясь, по тесным проходам, наконец Алауган увидел впереди мерцающий огонек. Когда приблизились к нему, послышался чей-то радостный крик: «Слышу людской запах,—вот-то будет славная закуска!» Это был голос эмегениной дочери.

Мать остановила ее, сказав, что это она ей привела жениха. Каково же было изумление Алаугана, когда он увидел громадную и страшно уродливую деву: зубы у ней были так велики, что нижние клыки доставали до носа, а верхние опускались до подбородка. Увидев ее, Алауган сильно опечалился: «Вот тебе на,—думал он,—хотел похвалиться перед нартами своей женитьбой, и приходится вот взять такую уродину!» Но делать было нечего, и он сидел опечаленным.

Сварив целого бугая, эмегены дали Алаугану несколько кусков мяса, а остальное все съели сами. После ужина все улеглись спать.

Путру Алауган взял свою невесту, посадил ее на лошадь, а сам сел позади нее. Едва отъехали несколько шагов, как у Гемуды согнулась спина от тяжести и живот опустился чуть не до земли. Вследствие этого Алаугану пришлось слезть и, ведя лошадь за узду, идти впереди. Долго ли, коротко ли ехавши таким образом, наконец, увидели они нартские селения. Алауган остановился и, обратившись к невесте, сказал: «У нас, нартов, таков обычай, что, когда невеста подъезжает к селению, то навстречу ей выходят женщины и девушки, и невеста, слезши с лошади, уже вместе со всеми ими входит в селение*. Поэтому я должен теперь пойти вперед и дать знать нартам, а ты пока побудь здесь».

Оставив свою невесту, Алауган пошел домой и объявил, что он женился, и просил женщин и девушек выйти на встречу жены его. Это известие мигом разнеслось по всем нартским селениям, и все с удивлением возглашали: «Алауган женился! Алауган женился!» Собрались молодые люди верхами, женщины и дети и пестрой толпой двинулись на встречу невесты Алаугана. Но каково же было удивле-

* Обычай, существующий у горцев до настоящего времени.

ние и испуг всех, когда они увидали ужасную эмегену и когда она тут же принялась глотать детей, из любопытства подходивших близко к ней, одного за другим! Невольно у всех вырвалось восклицание: «Так вот эта самая и есть жена Алаугана!»

Кое-как, уже не подпуская близко детей, привели ее, наконец, в дом Алаугана; так он и зажил с женой. Когда же эмегена сделалась беременной, то Алауган и его родные пришли в ужасное беспокойство, потому что у нартов издавна существовало убеждение, что эмегены съедают первого своего ребенка, и они боялись, чтобы не съела своего ребенка и жена Алаугана. Не зная, как предотвратить беду, Алауган обратился за советом к вещи Сатаной.

Последняя дала ему такой совет: «Когда наступит время родов, то скажите эмегене, что-де у нас существует обычай, требующий, чтобы женщины во время родов становились на трубу так, чтобы новорожденный мог упасть вовнутрь дома, на очаг. А ты,— сказала она Алаугану,— приготовь к этому времени свою Гемуду и, как только жена твоя родит, возьми ребенка и увези куда-нибудь подальше; а для матери приготовь двух щенков и, прежде чем она спустится с кровли, подбрось их на шесток. Сойдя с крыши, она направится к очагу, чтобы съесть своего ребенка, и вместо него, ничего не подозревая, съест щенков».

Следуя в точности этому совету, когда наступил срок родов, посадили эмегену на трубу, и она родила мальчика, которого Алауган тотчас же взял и увез, а вместо ребенка положили, как сказано, двух щенков. Эмегена, спустившись с крыши, вошла в дом и, схватив щенков, мигом проглотила их. Между тем Алауган привез ребенка к горе Эльбрусу и положил его в трещину ледника. «Пусть эта трещина будет люлькой, а жизнь ребенка я поручаю охранять вам, тысячи салымщиков Мингитауа¹⁴ (Эльбруса)!»

Произнеся эту просьбу, Алауган положил младенца в трещину ледника и возвратился домой. Через неделю ему захотелось посмотреть на своего сына; поехал он к Эльбрусу и видит: его ребенок лежит в трещине и сосет ледяные сосульки. Алауган не трогал его и оставил в таком же положении до следующего приезда.

Приехав опять чрез месяц, Алауган был очень удивлен, увидев, что сын его за это короткое время так вырос, что, сделав из деревянных прутьев и травы солтанжии *¹⁵, охотился за птицами и оленями и даже из шкур последних

* Род стрел.

приготовил себе кой-какую одежду. Завидев отца, мальчик прицелился в него солтанжею, но Алауган, быстро подбежав к нему, схватил и насильно привел его домой.

Мальчику дали имя Шауай, он рос очень скоро. Алауган подвел Шауая к матери и сказал: «Видишь ли, вот какой молодец вышел из твоего ребенка, которого ты хотела съесть, да хорошо, что я тогда увез его от тебя». Осмотрев мальчика, она схватила его и начала ласкать, обнимать; но при этом как-то вышло, что голова мальчика попала к ней в рот...

Мальчик в одно мгновение схватил мать за горло и сдавил его с такой силой, что эмегена тотчас выпустила его голову.

Видя, что, несмотря на свой еще очень нежный возраст, Шауай обладает нечеловеческой силой, Алауган показал ему все свое добро и, между прочим, сводил его в подземелье, где находился конь его, Гемуда, причем рассказал ему о чудесных свойствах коня, именно, что он понимает человеческую речь и сам может говорить, что он может принимать вид всякого животного и пр.

— Пусть с этого часа Гемуда будет твоею лошадью! — закончил Алауган.

Увидевши друг друга, Шауай и Гемуда тут же произнесли клятву в том, что они пребудут всегда верными один другому.

Шауай сказал:

— Клянусь во всю свою жизнь ни разу не обратить внимания ни на какую другую лошадь, кроме тебя, и никакую другую не предпочту тебе!

— Клянусь, — ответила Гемуда, — что никогда, во всю жизнь не пожелаю себе другого всадника, кроме одного тебя!

После этого Шауай с отцом вернулись домой. Но вот чрез несколько времени разнесся слух о том, что храбрые нарты собираются на джортуул. Как только узнал об этом Шауай, немедленно же пристал к отцу своему с просьбой — позволить и ему поехать с нартами, чтобы набраться храбрости и ловкости в джигитовке.

— Ничего ведь не приобрету я, ведя жизнь между женщинами! — так закончил Шауай свою просьбу.

Отец скоро согласился исполнить эту просьбу своего сына, и Шауай начал собираться в путь.

Нарты перед джортуулами собирались у Урызмека и уже оттуда отправлялись в странствования, под его предводительством. Шауай оделся в оборванное платье и, сев

на Гемуду, принявшую на этот раз вид некрасивого, хромого «маштака»¹⁶, выехал из дому и направился к Урыз-меку. По пути он завернул в нартский ком ^{*17}, чтобы немного закусить.

Когда Шауай поел кое-чего, пастухи начали просить его поскорее уезжать, так как, говорили они, скоро придет со скотом нартский бугай и, как только увидит его хромую клячу, непременно распорет ей рогами живот.

Но Шауай отвечал, что он поедет не раньше, как поедет свежий ветерок и сделается немного попрохладнее.

Пастухи всячески пытались уговорить его ехать, но он отвечал шутками на все их предостережения и под разными предложениями дождался вечера. Когда скот начал собираться со всех сторон, бугай отделился от стада и с грозным ревом, топая о землю ногами и разбрасывая комья земли во все стороны, с заносчивой отвагой мчался к Гемуде, привязанной к дереву, близ кома. Пастухи, смотря на это зрелище, хлопали в ладоши и хохотали, говоря Шауаю:

— Посмотри, посмотри на свою клячу, как она сейчас взлетит на воздух, потом треснется оземь и разобьется на куски!

— Посмотрим! — отвечал Шауай, — пусть будет, что будет.

Бугай тем временем подбегал к Гемуде все ближе и ближе. Все ожидали, что вот сейчас, поддев на рога, бугай подбросит в воздух клячу Гемуду. Не тут-то было: в то мгновение, когда он грозно взмахнул рогами, кляча Гемуды с такой силой ударила его в лоб задними ногами, что копыта вонзились в его череп, и бугай повалился, как глыба сырой земли. Шауай тут выскочил из кома, мигом сел на Гемуду и, хлопнув плетью, исчез вдали. Пастухи притихли и с разинутыми ртами глядели вслед удалявшемуся Шауаю, лошадь которого, уж вовсе не хромая, неслась, как стрела.

После этого Шауай без приключений приехал к Урыз-меку, у которого нарты уже собрались и готовы были к джортуулу.

Оборванный Шауай слез со своей хромой клячи у кунацкой¹⁸ и в тот же день, не долго думая, приступил к своему делу. Выбрав удобную минуту, он подошел к Урыз-меку и начал так:

— Урызмек! Я слышал, что нарты, с тобою во главе,

* Хутор.

скоро отправляются на джортуул, и приехал просить тебя позволить и мне поехать с ними. Я сын бедной, одинокой старушки и очень беден; я буду всюду следовать за нартами и прислуживать им во всем; на местах, где они будут останавливаться, я буду строить ком и стеречь в нем вещи нартов; буду готовить им пищу, мыть посуду — одним словом, буду делать все, что прикажут нарты: буду нести какую угодно службу. За мои труды со временем вы уделите мне какую-нибудь ничтожную часть из того, что приобретут нарты, собственно для моей матери-старушки, терпящей крайнюю бедность.

Услышав такую просьбу от оборванного молодого Шауая и окинув его с ног до головы своим взором, Урызбек сказал с состраданием:

— Ах, бедный юноша! Тебе трудно ездить с нартами: сам ты еще очень молод и не имеешь лошади, кроме этой хромой клячи; а нарты ездят шибко и подолгу, перенося многие трудности, которых ты не в состоянии будешь переносить; им приходится иногда продолжительное время ездить без пищи и питья, в сильные морозы и жару. Ты не перенесешь лишений во время джортуулов, должен будешь остаться где-нибудь на дороге и пропадешь ты, бедняга, ни за что. Лучше тебе будет остаться здесь; я дам тебе кое-что, и ты, не трудясь, можешь поехать к своей матери и привезти ей мой подарок.

— Ай ауруунг алаим! * — отвечал Шауай, — если ты желаешь добра моей матери и мне, то я прошу: позволь мне ехать вместе с нартами! Почему? Ты спросишь, — вот, что я скажу: подаяния, которое ты дашь мне теперь, хватит только на короткое время, а, прожив его, чем потом я буду содержать себя и мою бедную старушку-мать? Нет, мне не доставит особенной выгоды то, чего ты желаешь мне, по-видимому, от души. А побывав на джортууле, я научусь переносить всякие трудности, страдания, насмотрюсь, как мужественные люди идут навстречу всяким опасностям, приобрету опытность и не буду даром пользоваться чужим добром, как это ты предлагаешь мне теперь: я научусь сам добывать кусок хлеба. Итак, если ты хочешь оказать мне добро, то позволь мне поехать вместе с нартами!

Слова Шауая так понравились Урызбеку, что он тотчас, не говоря больше ни слова, изъявил свое согласие взять его, когда нарты выступят на джортуул.

* «Ой, приму твои болезни!»

В день отъезда нарты собрались у Урызмека, — в их числе были Сосруко, Рачикау, Сибильчи и др., — и после небольших приготовлений выступили из селений.

Никто и внимания не обратил на Шауая, который пустился в путь, когда уже нарты скрылись из виду. Когда он уселся на свою хромую Гемуду, то обратил на себя внимание всех детей, находившихся на улице.

Окружив его Гемуду, с длинными хворостинами в руках, они начали подшучивать над лошадьёю и им самим. Один засовывает хворостину в уши Гемуды, другой — под живот, третий начинает бить ее и т. д. Вследствие этого Гемуда начала брыкаться и этим вызвала сперва смех, а потом громкий хохот детей.

Шауай бьет Гемуду плетью, желая поскорее вырваться из толпы и ускакать; но Гемуда, вместо того чтобы идти вперед, упрямится и пятится назад, к дому Урызмека. Упрямество Гемуды возрастало с каждым ударом; но мальчишки принялись немилосердно бить ее хворостинами и наконец-таки вывели ее за ворота. Отовсюду слышались восклицания: «Вот так наездник нартский!.. Да он не догонит теперь нартов и вернется, вероятно, назад». Отъехав немного, Гемуда опять упрямится, пересиливает Шауая и несет назад, обратно в селение...

«Держите, не пускайте, не пускайте!» — кричат все, хоча; мальчишки весело приступают опять к Гемуде с хворостинами и, вновь избив ее, выводят далеко вон из селения. Пока Шауай ехал в виду мальчиков, Гемуда подвигалась медленно и хромая, но как только они скрылись из виду, она, приняв свой настоящий вид, полетела, как ветер, и мигом догнала нартов; приближаясь к ним, она опять начала хромать и опять превратилась в некрасивого маштака. Нарты совсем было забыли про своего шапа * Шауая, и, увидев его, Урызбек с удивлением спросил:

— Каким образом ты, бедный, догнал нас на своей кляче? Мы, кажется, тоже ехали не совсем тихо.

— Ай ауруунг алаим, Урызбек! — ответил Шауай, — измучил я совсем моего маштака, колотил изо всех сил по обоим бокам и насилиу-то догнал вас.

— Отлично, отлично, милейший, что ты не отстал от нас! — сказал Урызбек.

Гемуда же, вся в поту, с опущенными книзу ушами, своим жалким видом убеждала нартов в справедливости слов Шауая.

* Слуга.

Долго ли, коротко ли они ехали таким образом, но, подъехав к одному месту, нарты нашли нужным остановиться. Все послезали с лошадей, снимали вещи свои и сложили в кучу. После короткого совещания они опять сели на лошадей и, поручив Шауаю выбрать удобное место для постройки кома, сами отправились на добычу. Шауаю было сказано также, чтобы он развел огонь и ждал их возвращения.

Как только нарты удалились, Шауай приступил к исполнению того, что было ему поручено. Он сломал несколько деревьев и, найдя в лесу поляну, скоро построил хороший ком и развел в нем огонь.

Затем сел на Гемуду и как стрела полетел в лес на охоту. Ему пришлось недолго искать дичи: тотчас он выследил огромное стадо оленей, ворвался в его середину, ударами дубины повалил нескольких из них и привез на Гемуде к тому месту, где построил ком. Мигом, как подобает удалцу, он снял с них шкуры, положил в котел половину мяса, а из остальных сделал шашлыки и поставил их вокруг очага со всех сторон. Приготовив все таким образом, Шауай посиживал, поджидая возвращения нартских молодцов.

Наступил вечер. Нарты возвращались с джортуула усталые и совершенно с пустыми руками. При виде же кома, покрытого оленьими шкурами, дымящегося котла над огнем и жарящихся вокруг очага шашлыков, они были приятно удивлены и спросили:

— Чей это ком? Откуда и каким образом ты достал столько добра?

— Нарты! — сказал Шауай. — Все это досталось мне на ваше счастье! Когда вы, оставив меня, уехали, я начал искать места, удобного для постройки кома, и нечаянно во время поисков наткнулся на готовый ком, в котором сидело несколько человек и было много убитых оленей и готовых шашлыков. Увидев меня, они пригласили зайти в ком, на что я, конечно, согласился. После закуски они начали с участием расспрашивать меня: откуда и каким образом, один и притом такой молодой, попал я в такую глушь. Я ответил, что я шапа нартов, которые отправились на джортуул, а меня оставили для постройки кома.

Затем они попросили меня назвать имена нескольких нартов, и как только мною были произнесены имена Урызмека, Сосруко, Рачикау и др., они все до единого вскочили и разбежались, оставив мне все, что теперь вы видите. Ви-

дите, нарты,— закончил Шауай,— что все это дано вам вашим счастьем, вашей славой и силой.

Нарты легко поверили словам Шауая: эти гордецы и подумать не могли, чтобы все это мог сделать оборванец Шауай с его клячей Гемудой.

«Уж если самим нам не удалось ничего достать,— думали они,— то Шауаю и подавно ничего не удалось бы сделать!»

Как бы то ни было, но нарты были чрезвычайно обрадованы такой находкой и с мыслью, что все это — их счастье, живо начали угощаться вкусными шашлыками.

Насытившись вдоволь, усталые нарты легли спать. На следующее утро они переехали на другое место и, оставив Шауая для постройки кома, сами опять отправились на джортуул. Шауай, выбрав удобное место, построил ком, набил опять оленей и приготовил из них пищу еще лучше, чем прежде. Нарты же, еще более усталые и утомленные и опять без всякой добычи, поздно вечером возвращались в ком. Глазам их опять представилось зрелище, подобное вчерашнему, т. е. ком, покрытый оленьими шкурами, развешанная по деревьям оленина, жарящиеся вокруг костра шашлыки; посреди такого довольства посиживает Шауай, а в стороне бродит его кляча Гемуда. Шауай рассказал им ту же самую историю, что и вчера, и нарты, ничего не подозревая, поверили вполне его словам. Так продолжалось три дня, и самодовольные гордецы-нарты были уверены, что всем этим они обязаны своему счастью, славе и силе.

На четвертый день нарты опять поехали на джортуул. На этот раз их слуга, оставшись один, поддался раздумью и ясно понял, что если так вести дела и дальше, то гордые, чванные нарты, ничего не поняв, так и будут продолжать думать, что все дается им их счастьем, славой и силой, и решил раскрыть им глаза, чтобы они узнали, наконец, его силу и свое ничтожество. Обратясь к салымщикам Эльбруса, Шауай произнес следующую молитву: «Тысячи салымщиков Эльбруса! Прошу вас послать «боран» (бурю), холод, чтобы испытать и проучить этих гордых чванных нартов!»

И вот поднялась страшная буря, настал холод... Шауай, без всякого теплого платья, на холоду, как ни в чем не бывало, построил ком, развел большой костер, набил оленей, словом, приготовил все нужное и, сев около костра, поджидал нартов. Но уже был вечер, а они все не возвращались; холод был страшный. Наступала ночь... Вдруг он слышит конский топот: он сразу догадался, что едут нар-

ты, но притворяясь, будто ни о чем не знает, взял громадную дубину и, когда нарты подъехали близко, закричал: «Кто смеет сюда идти? Это ком храбрых нарттов; я никого не пушу сюда без их позволения; а кто подъедет, того уложу на месте!» От его громкого голоса лошади нарттов остановились, а сами они от холода окоченели до того, что не могли ни слова произнести, ни править своими лошадьми; бороды у них были покрыты ледяными сосульками, и они казались седобородыми стариками. В таком положении Шауай заставил их стоять некоторое время и пристально осматривал их, будто не узнавая. Наконец, он как будто признал Урызмека и, как бы в испуге, громко воскликнул: «Да это, кажется, пегая лошадь Урызмека. Ах, что я наделал!»

Произнеся это, он подбежал к Урызмеку и, схватив за узду его лошадь, привел к огню. Урызбек не мог ни говорить, ни слезть с лошади, так как ноги его замерзли и пристали к седлу. Тогда Шауай, немедленно отвязав подпругу, снял Урызмека вместе с седлом с лошади и положил его около костра. Других же, просто хватая как попало, кого за ноги, кого за руки, сбрасывал с лошадей и рассаживал вокруг огня. Нарты были до того изнурены, до того замерзли, что сидели, как неживые.

Шауай наскоро угостил их вкусным шашлыком; прибавил дров в огонь, а нарты все еще ничего не говорили и только посматривали то друг на друга, то на Шауая, который в глазах их стал кем-то иным. В первый раз явилась у нарттов мысль о том, что это не простой смертный; но никто не высказал своей догадки, и все они сидели печальные, молча. Шауай воспользовался этим состоянием нарттов и обратился к ним с просьбой, чтобы они позволили ему пасти в эту ночь лошадей, так как сами очень устали.

— Только,— сказал Шауай, обращаясь к Урызмеку,— дай ты мне своего пегого коня, чтобы я мог ночью скорее подъезжать к огню отогреться; иначе, пока доеду до огня на хромой кляче, пожалуй, замерзну.

— Ах ты, бедняга! — сказал Урызбек,— ведь у тебя нет никакого теплого платья, и ты пропадешь в такой холод! Можешь, конечно, ехать и на моей пегой, лишь бы только ты остался целым: лошадь мне не дороже тебя!

Шауай скорехонько собрался, сел на пегую Урызмека и, взяв Гемуду за уздцы, погнал остальных лошадей вперед и исчез в темноте. Отъехав в сторону, Шауай оставил нартских лошадей, сам сел на Гемуду, а пегого коня взял за узду и поскакали все по одному направлению.

Пегий конь Урызмека насилу поспевал за Гемудой, которая неслась, как ветер.

Шауай скоро переправился чрез Эдиль и там, по ту сторону реки, встретил бесчисленный табун коней. Тут Гемуда человеческим голосом сказала Шауаю: «Ты слезай с меня и сядь на пегую, а я погоню весь этот табун назад». Шауай так и сделал.

Гемуда, освободившись, бросилась на табун с ужасным ржаньем и, поворотив его в одну сторону, загнала весь табун в реку Эдиль. Табун переплыл на другую сторону. Шауай, переправившись за ним на Гемуде, потом опять сел на пегую, а Гемуду отпустил, чтобы загоняла табун; Гемуда тут же перекусила самых лучших и красивых лошадей в табуне.

— Это я сделала с той целью,— сказала она,— чтобы, когда нарты будут производить дележ, и тебе, как слуге, дадут самых худых, пораненных лошадей, то на самом деле ты получил бы не худших, а, напротив, самых лучших лошадей.

Таким образом, в ту же ночь перед рассветом Шауай подскакал с табуном к нартскому кому. Нарты, услышав конский топот, в испуге, сонные, повыскакали, думая, что на них нагрянуло какое-нибудь войско. Но Шауай подошел к ним, чтобы их успокоить, и сказал: «Когда я пас ваших лошадей, вдруг увидел, что стая волков гонит большой табун лошадей; как только волки заметили меня, тотчас же все разбежались в стороны, а табун присоединился к нашим лошадям. Гул, который вы услышали и который так встревожил вас, был не что иное, как топот их копыт». Нарты очень обрадовались этому и в веселом расположении духа легли опять спать.

Утром нарты увидели громадный табун, в котором некоторые лошади были поранены, и поверили, что раны эти произошли, как уверял Шауай, от укусов волков. Это обстоятельство совершенно убедило нартов в справедливости выдуманного Шауаеом рассказа.

«Все это — наше ырысхы*, — говорили они, — не пришлось нам много трудиться!»

Нарты после этого уже отдумали продолжать джортуул и решили возвратиться домой подобру-поздорову. Шауай задумал тут расстаться с нартами; поэтому он обратился к ним с такими словами:

— Путь мой, храбрые нарты, будет другой; мне пора

* Счастье.

возвратиться к своей бедной матери-старушке. Если бы вы дали мне за мои труды хоть вот тех лошадей, которых поранили волки, то я был бы очень доволен и поехал бы своей дорогой; мне не за чем тащиться до нартских селений.

Но на такую его речь нарты отвечали уклончиво, указывая на то, что нет места, удобного для дележа, и что они исполнят его желание, когда приедут на то место, где обыкновенно совершают дележ.

Услышав такой ответ, Шауай потерял терпение и закричал: «Если так, то я сам постараюсь отделить свою часть!»

И тут же, на глазах нартов, оседлал свою Гемуду, которая на этот раз приняла свой настоящий вид, подтянул металлические подпруги, обложенные ивовой корой, — чтобы не было заметно металла, — и, сев на нее верхом, направился к табуну. В один миг он вырвал несколько деревьев, построил большую перегородку полукругом, куда и вогнал весь табун. Затем, посмотрев на нартов и пересчитав их, построил тут же несколько других меньших загоронок, или отделений. Все это делал он, сидя верхом на Гемуде. Когда же были готовы все загородки, он вошел в середину табуна, и, хватая лошадей, как попадется, одну за ноги, другую за шею, начал поочередно бросать их во все отделения. В одно же отделение он загнал исключительно раненых лошадей. Таким образом Шауай разделил весь табун по числу душ на несколько гуртов так, чтобы в каждом гурте было по одинаковому числу как хороших, так и дурных лошадей.

Окончив дележ, он объявил нартам, что берет себе, как шапа, только одних раненых лошадей, и затем — «До приятного свидания!» — погнал своих лошадей вперед и скоро исчез вдаль.

В течение всех этих распоряжков нарты смотрели с разинутыми от удивления ртами на Шауая, не проронив ни единого слова. Они опомнились только тогда, когда Шауая уже и след простыл. Теперь им ясно стало, кто был строителем всех этих загадочных комов, крытых оленьими шкурами, и жирных шашлыков, и откуда взялся табун. Но не смотря на то, они все разом закричали, что неизвестный молодой человек унизил их, осрамил, а они отпустили его, даже не узнавши, кто он такой.

— Нужно непременно, чтобы кто-нибудь из нас погнался за ним и спросил бы его, от имени всех нартов, кто он

такой, как его имя и фамилия,— говорили они между собою.

Решив таким образом, они послали в погоню Сибильчи. Этот, догнав Шауая, спросил его, от имени всех нартов, кто он такой. Но вместо ответа Шауай повернул свою лошадь назад и, накинувшись на Сибильчи с ругательствами и отстегав его плетью, прогнал назад к нартам; своего же имени не сказал ему. Сибильчи, возвратясь, рассказал нартам все, что случилось.

Вторично был послан в погоню Ширдан, с которым Шауай поступил еще позорнее.

Наконец, решил поехать сам Урызбек, говоря, что он ни за что не отпустит своего гостя, не узнавши, кто он такой. Измучив своего пегого коня, Урызбек, наконец, зашел впереди Шауая и закричал ему издали:

— Куда ты так спешишь, дорогой мой гость? Даю тебе слово: если ты скажешь мне, кто ты такой, то я выдам за тебя мою прекрасную дочь Агунду без калыма. Неужели, наконец, не остановишься ради моей седой бороды?

Услышав это, Шауай остановился и проговорил: «Отец мой — Алауган, а мать — Эмегена; я вырос в трещине Эльбрусского ледника, а зовут меня Кенжокаев — Кара-Шауай».

— Ты обещал сейчас,— продолжал Шауай,— выдать за меня твою дочь Агунду, но я не хочу взять ее без калыма; поэтому возьми теперь же всех этих лошадей: пусть они будут частью моего калыма.

Сказав это, он ударил свою лошадь плетью и ускакал, оставив всех своих лошадей старику Урызбеку. Этот же последний, взяв лошадей, возвратился к нартам и рассказал им обо всем случившемся. После этого нарты направились к месту дележа; там они разделили лошадей и потом разъехались по домам. На другой день, после приезда домой, Урызбек рассказал жене своей Сатаной о джигите Шауае и о своем обещании выдать за него дочь свою Агунду.

«Этот Шауай,— добавил Урызбек,— может приехать к нам во всякое время и при этом будет стараться, чтобы не быть узнанным. Поэтому ты должна теперь прилагать все заботы, чтобы принимать как можно лучше всякого гостя, какой только к нам явится, кто б он ни был,— богатый или бедный, оборванный или роскошно одетый».

С этого дня Сатаной действительно старалась принимать и угощать как можно лучше всякого приезжего гостя. В таких заботах прошло несколько лет; Шауай все-

таки не являлся. В течение этого времени опустели кладовые Сатаной, и она уже потеряла всякую надежду иметь зятя. Вот в таком разочарованном и несколько обидном положении Сатаной сидела раз с Агундой за работой в отоу*. Заходит в это время к ним какой-то молодой человек, очень бедно одетый, и, сделав приветствие, садится около очага. Сатаной не обратила на него особенного внимания и, положив перед ним кусок хлеба с обедками мяса, спокойно продолжала свою работу¹⁹. Молодой же человек, после еды, увидел висящую на стене балалайку Урызмека (который удивительно хорошо играл) и, не говоря ни слова, снял ее со стены и заиграл, и запел звучным голосом.

Между прочим, он пел: «Ах, как хорошо и красиво устроен этот отоу, да жаль только, что труба немного крива!..»

Услышав это, Сатаной отвечала: «Это ничего, молодой человек: хотя труба и крива, но дым выходит очень прямо»**.

Сатаной тут уже догадалась, что имеет дело с храбрым Шауаем, и тотчас выслала свою дочь в другую комнату.

Но, к крайнему огорчению хозяйки, Шауай тоже исчез из отоу и скрылся куда-то; его начали везде разыскивать, но не могли нигде найти, даже ничего не могли разузнать о нем. В недоумении все спрашивали друг у друга: «Шайтан он или человек?»

А Урызбек и Сатаной с тех пор потеряли всякую надежду выдать свою дочь за этого загадочного жениха.

III. Рачикау

Некогда Бедене, русский переселенец, пришел к нартам; те радушно его приняли и выдали за него невесту без калыма. Бедене поселился в аул Кинте и занимался исключительно рыболовством. Когда он ходил на ловлю, его всегда сопровождали собаки «ызчи-самырла»***, и за ним тащился всегда обоз в сорок повозок. В руках он постоянно держал медный крючок.

Одна княгиня имела сорок служанок и одну из них очень любила. Эта служанка вставала рано и каждый день

* Женская половина в доме.

** Нужно здесь заметить, что, по преданию, у Агунды глаза были немного искоса; молодой человек, заметив это, делал намек на ее счет. Сатаной, догадавшись об этом, и дала такой ответ.

*** *Биз* — след, *самырла* — собаки особой породы, вероятно, водолазы.

ходила за водой к джаным суйлары²⁰ (к водам джаным). Однажды она, по обыкновению, рано утром пошла за водой. Но тогда уже были короткие дни зимы, и воды оказались замерзшими; поэтому служанка принуждена была отправиться за водой к Эдилю-реке. Следом за нею бежала собачка Канчик. Со всех сторон к последней начали приставать другие собаки, и набралось их сорок собак. Окружив Канчика, они кидались на него; но Канчик, ощерившись и скрежеща зубами, бросался на них и разгонял в стороны. Служанка заметила это и промолвила: «Отдать бы вас всех волкам на съеденье! Не стыдно ли: всех вас одолевает один Канчик. Впрочем,— прибавила она,— если бы и ко мне начал приставать немилый мне мужчина, то и я также прогнала бы его».

Бедене, ловивший в это время рыбу, слышал ее слова и подумал: «Посмотрим, правду ли говоришь ты или нет, не будь я Бедене, если не испытаю тебя!» С этим намерением он стал поджидать, когда служанка, почерпнув воды, будет возвращаться назад. И вот, когда она приблизилась к Бедене, тот подошел к ней, говоря: «Дай мне напиться, хорошая девушка!» — и схватил ее. В завязавшейся между ними борьбе победил однако ж Бедене. Служанка возвратилась домой на этот раз позднее обыкновенного, и княгиня, увидев ее, сказала сердито: «Я тебя зарежу и внутренности твои отдам Канчику; вся ты переменялась с лица и с распущенными волосами,— где ты шаталась так долго?»

— Ай ауруунг алаим, моя княгиня! Я расскажу все, что со мною случилось... Утром я пошла за водой к джаным суйлары; но они замерзли, и я принуждена была идти к реке Эдилю. Только что я ступила на лед, чтобы достать воды, как лед подо мной проломился, и я провалилась в воду, из которой с трудом могла выбраться. Вот отчего так долго замешкалась я и переменялась в лице.

Спустя некоторое время после этого служанка забеременела. Узнав об этом, княгиня накинулась на нее:

— Я тебя зарежу,— говорила она,— и внутренности твои отдам аульным собакам, если ты не скажешь, от кого забеременела.

— Во мне, право, княгиня, нет того, что ты подозреваешь,— отвечала служанка. — Несколько дней тому назад я пошла убирать постели в кунацкой после отъезда гостей. Там я скинула шаровары и стала искать в них в... В это самое время на живот мне упал солнечный луч *, от этого

* В подлиннике: «солнечная палка».

я и стала беременеть; а больше со мной ничего не случилось.

Так оправдывалась служанка. Но приблизилось и время родов: и служанка, боясь княгини, пошла в кустарники и там родила хорошенького мальчика. Затем она заказала у известного кузнеца Деуета самый крепкий железный ящик и внутренность его выложила ватой. Накормив хорошенько своего ребенка молоком, она положила его в ящик и отнесла к Эдилю. Постояв здесь на берегу несколько времени, любуясь своим ребенком, она сказала:

— Бог, который послал мне тебя, да пошлет тебя к отцу твоему Бедене! — И бросила ящик в реку, и ушла домой.

Как нарочно, в этот самый день рыболов Бедене ловил рыбу в Эдиле. Приблизившись к тому месту, где служанка бросила ящик, Бедене, конечно, ничего не зная, опустил свои медные крючья в воду, и они зацепились за что-то тяжелое. Потянув, Бедене вытащил ящик, открыл его и увидел внутри заснувшего под плеск воды красивого мальютку, мальчика. Он чрезвычайно обрадовался такой находке, потому что не имел детей: тотчас же побежал к своим товарищам, рыболовам, и попросил у них позволения отправиться домой, под предлогом нездоровья.

Придя домой, он в радости рассказал о находке жене и велел ей притвориться больной, а чрез несколько времени объявить, что без особенного труда и мучения она родила сына. После мнимых родов соседние женщины говорили между собой:

— Я тебе говорила, что она беременная, а ты все не хотела со мной согласиться, утверждая, что у ней только ожиренье.

Как только сделалось известно, что жена Бедене родила, со всех сторон начали приводить кто баранов, кто коз, чтобы зарезать их в честь такого события, так как жену Бедене считали каратоном *²¹.

Бедене же в свою очередь наварил пива и других напитков, собрал нартов, чтобы угостить их и дать имя новорожденному. И дано было младенцу имя Рачикау.

Рачикау рос скоро и сделался славным нартом; вести про его джигитство разнеслись по всем нартским селениям. Услышал про него и храбрый нарт Сосруко, живший на плоскости.

Рачикау, жившему в горах, также доводилось слышать

* Бесплодная женщина.

о героических подвигах Сосруко. И эти два лица, не выдавшие друг друга, сделались заочно друзьями.

Они всегда клялись именем друг друга. Сосруко постоянно говорил: «Да не умрет в горах Рачикау!» Рачикау же наоборот: «Да не умрет на плоскости Сосруко!» Живя таким образом, молодой Рачикау попросил, наконец, позволения у отца своего Бедене поехать повидаться с другом своим Сосруко и вообще посмотреть на свет. Но когда отец не хотел исполнить его просьбы, то он задумал было уехать тайком. Узнавши об этом, отец позвал его к себе и сказал: «Если уж ты не хочешь оставаться дома, по крайней мере, не заезжай к Схуртуковым».

Обрадовавшись позволению отца, Рачикау, без долгих сборов, приготовился выехать из дому.

Через несколько дней молодой Рачикау подъезжал к тому селению, в котором жил глава нартов Урызмек с женой своей вещей Сатаной. Служанка последней, Кюлюмхан, идя за водой, увидала едущего всадника и, вернувшись назад, сказала, обращаясь к Сатаной:

— Благодаря вашему величию и силе, я имела возможность видеть много славных наездников; но такого, как сегодня, я никогда не видала: впереди его идет облако, в котором летают звезды и вороны; у него спереди светит солнце, а сзади луна; под лошадью прыгают белые зайцы. Такого чуда я никогда не видала.

Вещая Сатаной, услышав это, сейчас же догадалась, в чем дело, и сказала служанке:

— Я слышала, что Шубадиев Рачикау считается самым блестящим и лучшим наездником: вероятно, всадник, про которого говоришь ты, и есть он самый, друг нашего Сосруко. То, что тебе показалось облаком, это — пар из ноздрей его лошади; вороны — это комья грязи, летящие вверх из-под копыт его лошади; звезды — это искры, вылетающие из его трубки; светящее спереди солнце — его кюбе *; а луна сзади — такая **; наконец, зайцы, прыгающие, по твоemu, под лошадью, — не что иное, как широкий шелковый конец его плети. Теперь ты должна идти поджидать его на дороге, а то иначе, пожалуй, он и не заедет к нам. Когда он приблизится к тебе, то вежливо скажет: «Добрый день!» — и проедет дальше. А ты ответь ему: «Да будет счастлива твоя жизнь!» — и потом сейчас же прибавь: «Что так скоро едешь, добрый молодец: убегаешь ли от кого или

* Панцирь.

** Шлем.

за кем гонишься? Мы-де живем на дороге и для приезжающего и отъезжающего любим приготовить еду (ашау-быз), — утолить его жажду и голод. Дом этот Схуртуковых; заезжай, отдохни; а там и отправишься дальше в добрый час!» Если только ты так скажешь, он вернется, а иначе — нет.

Служанка Кюлюмхан, выслушав и запомнив слова госпожи, вышла на дорогу и, когда Рачикау подъехал, сказала ему все так, как велела ей вещая Сатаной. Рачикау, действительно, заехал к Схуртуковым. Он въехал во двор, слез с лошади и вошел в кунацкую, где двое слуг сняли с него стрелу и повесили на железный гвоздь. Но стрела была до того тяжела, что гвоздь переломился, и стрела упала на землю. Тогда Рачикау воткнул свой гебох * в землю и повесил на него стрелу.

Сатаной велела сделать из целых четырех мешков муки один хлеб, разделила его на четыре части и, положив на круглый, треножный стол, послала к гостю в кунацкую. Трое слуг принесли туда в огромном тенчеке ** питье. Стол поставили перед Рачикау, а тенчек дали ему в руки и сказали: «Это обыденная еда твоего друга Сосруко».

Рачикау выпил разом все питье из тенчека, который едва могли поднять трое слуг, и сказал: «Ах, если бы я выпил еще тенчек, то, пожалуй, утолил бы свою жажду».

Четыре куска хлеба он съел в четыре приема.

Пока Рачикау закусывал, Сатаной послала гонца к нартам, собравшимся в доме Алиговых, сказать, что к ним приедет Рачикау. После закуски Рачикау, севши на лошадь, направился к пирующим нартам. На дороге он увидел одного человека, который только что окончил работу новой арбы и, с топором в руке, надевши шапку набекрень, важно и самодовольно стоял около арбы, хвастливо озираясь вокруг. Подъехавши к нему, Рачикау спросил: «Добрый молодец, где тут пируют нарты?» Хозяин новой арбы, небрежно указав ему концом топорща в одну сторону, сказал: «Вон там!»

Это взбесило Рачикау, и он, поднявши новую арбу, так ударил ее о землю, что она разлетелась в щепки. Владелец арбы, пораженный этим, ничего не сказал и, почесывая затылок, пошел к обломкам арбы, которою так недавно гордился; а виновник всего этого далеко уж скрылся из виду.

Наконец Рачикау приехал к дому Алиговых. Сторожем

* Железная палица.

** Большая чаша, употребляемая на пирах.

у ворот стоял злоязычный Гиляхсыртан, который ни за что не хотел впустить Рачикау. Но тот три раза ударил плетью свою лошадь, и она мигом перепрыгнула чрез забор и очутилась во дворе. Рачикау слез с лошади и, воткнув свой гебох в землю, повесил на нем свою тяжелую стрелу одним мизинцем. Когда же он вошел в дом к пирующим нартам, его приняли очень вежливо и как гостя посадили на почетное место.

После обычных приветствий нарты продолжали прерванную беседу. Они считались своими подвигами. Каждый рассказывал про самый замечательный подвиг, совершенный им в своей жизни. При этом у них был бочонок «агуна», который наливался до половины питьем, и если рассказ о подвиге, совершенном рассказывавшим, был правдив, то после рассказа этот бочонок сам собой наполнялся и три раза переливался через край. Когда дошла очередь до Рачикау, то и он рассказал свой подвиг; по окончании его рассказа бочонок три раза наполнился, и три раза через край перелилось из него питье.

После всего этого нарты принялись за танцы. Первый начал Сосруко. Он велел привезти на девяти арбах речных камней, разбросал их по полу и затем танцевал на этих камнях до тех пор, пока не обратил их в песок. Окончив танцы, он спросил нартов, кому передать элию*. Те велели передать ее другу его Рачикау.

Этот последний велел привезти девять ароб чигона**²². Когда это было сделано, Рачикау снял с себя чувяки и танцевал босиком, пока не обратил чигона в золу. По окончании он тоже спросил, кому может передать элию. Нарты назначили элию злоязычному Гиляхсыртану. Но Гиляхсыртан, услышав это, поспешил отказаться, сказав:

— Пусть лучше я умру, чем приму элию от урожденно-го русского.

Рачикау на это ответил:

— Чего я больше всего боялся, то пришлось мне теперь услышать: не могу больше оставаться здесь! — Сказав это, он вышел на двор. Хотя нарты успокаивали его и просили остаться, но он не захотел и, сев на свою лошадь, выехал со двора.

После его отъезда нарты все накинулись на Гиляхсыртана и начали бранить его за то, что он оскорбил их гостя.

* Танцор, кончив свой танец, должен подойти к кому-нибудь из присутствующих и, отнеся поклон, пригласить его танцевать. Этот обычай и называется «элия».

** Колючий кустарник.

«Мы переносили от тебя,— говорили они,— всякие ругательства и колкости, терпели их; за что же ты не оставил в покое нашего гостя? Хоть бы на этот раз придержал ты свой язык!» Наконец, довели Гиляхсыртана до того, что он принужден был сказать: «Если вы вернете его, то за оскорбление, которое я нанес ему, я выдам за него свою сестру, белозубую Агунду».

Тут друг Рачикау, Сосруко, пустился за ним в погоню. Когда Сосруко издали увидел скачущего Рачикау, то закричал ему вслед: «Рожденный у нартов, воспитанный в Кинте, друг мой Рачикау, куда ты скачешь так скоро?» После этих слов Рачикау остановился, и Сосруко еще прибавил: «Атны джарлылыгин эр алады: кызны джарлылыгин а ким алады?»*

Он рассказал Рачикау все то, что случилось после его ухода, и Рачикау согласился вернуться.

Таким образом они приехали назад вместе. Но тут вышла еще большая неприятность. Злоязычный Гиляхсыртан отказался от своих слов и опять оскорбил Рачикау, говоря: «Лучше провалиться сквозь землю, чем выдать свою сестру за оруслудан туйган оруслуга»**.

Сказав это и боясь Рачикау, он убежал и скрылся в замке Чуана***. Сосруко и Рачикау погнались за ним. Но так как внутрь замка трудно было войти, то Рачикау решил ждать около дверей, с намерением убить его, как только он спустится оттуда. В течение трех месяцев он стоял около дверей как вкопанный, но на четвертый повалился на землю с своею лошадью, и тело его начало уже гнить.

Служанки Гиляхсыртана, спускавшиеся из замка и ходившие за водою, по возвращении говорили злоязычному, что Рачикау умер и тело его уже подверглось гниению и что следовало бы взять прекрасный панцирь, который был на нем. Но Гиляхсыртан все-таки не соглашался выйти, говоря: «Надует колдун!» Служанки опять ему передают: «Из колец панциря выглядывают черноголовые черви: неужели и теперь не веришь? Сними хоть его панцирь, а то, пожалуй, еще кто-нибудь чужой возьмет».

Наконец, Гиляхсыртан согласился спуститься. Он подошел к труп Рачикау и со словами: «Лежи теперь, паршивый!» — хотел снять панцирь. Но в это время, к ужасу

* Бедность лошади берет муж, кто же возьмет бедность девушки?

** За русского, рожденного русским.

*** Этот замок находится на Кубани; сохранился до настоящего времени.

Гиляхсыртана, Рачикау ожил, вскочил с земли и, схватив свой меч, сказал: «Ну, куда ты уйдешь теперь от меня?» Гиляхсыртан пустился бежать по направлению к дверям своего замка. Рачикау же, надеясь, что не упустит своего врага, хотя и бежал за ним, но не очень быстро и только тогда опомнился, когда злоязычный уже приближался к дверям. Тут Рачикау размахнулся мечом и отсек Гиляхсыртану полчерепа.

Злоязычный Гиляхсыртан, чтобы никто не знал о случившемся, вбежавши в замок, начал кричать, что его ударила молния и что надобно скорее петь «чоппа»*. Услышав это, Рачикау сказал: «Ну, если у меня нет столько силы, сколько у молнии, то пусть я здесь же и умру!»

Он упал и тут же скончался. Злоязычный Гиляхсыртан после этого происшествия еще очень долго жил, сделав из меди другую половину черепа. Но вот однажды он отправился в путь во время сильной жары, и медная половина его черепа до такой степени накалилась, что злоязычный Гиляхсыртан умер в ужасных мучениях**.

IV. Сосруко

Жил некогда пастух по имени Соджук. Вот однажды он пас баранов на берегу реки Эдиля и увидел на противоположной стороне прекрасную княгиню вещую Сатаной, которая мыла белье. Соджук прислонился к одному камню и любовался на ее ослепительно белые руки и соблазнился ее красотой. Вот на камне, к которому он прислонился, появился зародыш младенца. Вещая Сатаной и сама почувствовала это и была очень обрадована, потому что была бездетна. С величайшей заботой она начала высчитывать срок, когда ребенка можно будет вынуть из камня.

В течение этого времени Сатаной заказала кузнецу Деуету шестьдесят молотов. Когда наступил последний день срока, она, пригласив с собой шестьдесят молодых людей и захватив множество напитков, пошла к известному ей камню, на котором уже образовался большой нарост. Молодые люди немедленно принялись за дело: с большой ос-

* По преданию, нарти, когда кого-нибудь поражала молния, пели всегда какую-то песню «чоппа».

** По уверению горцев, медный череп Гиляхсыртана сохраняется до настоящего времени в одной пещере в Кубанской области. Мне приходилось встречать лиц, утверждавших, что они сами видели этот череп.

торожностью они обтесали нарост со всех сторон. Когда же Сатаной увидела, что остается очень тонкая оболочка, то во время отдыха напоила всех молодых людей, вследствие чего все они скоро заснули; затем она осторожно обтесала оставшуюся оболочку и без особого труда вынула ребенка с хохлом на голове наподобие гребня и ногами, тонкими, как вертел. Сатаной отдала его на воспитание джинам*, которые закалили все его тело, как сталь, исключая двух колен. Так рос ребенок по имени Сосруко, у духов, которые каждую ночь приносили его Сатаной, чтобы она видела его. Это продолжалось до тех пор, пока он не сделался большим.

В это время Урызбек, глава нартов, находился на старости лет, и они начали высказывать недовольство, что во главе их находится старик. Наконец, они составили против него заговор с целью умертвить его и решили привести в исполнение свой замысел на пиру, в доме Алиговых. В назначенный день заговорщики собрались все на пир. Когда уже все было приготовлено и когда повесили на огонь котел о сорока ручках**, положив в него сорок бугаев, то стали советоваться, кого послать за Урызбеком, чтобы позвать его на пир. Никто из нартов не решался сходить за ним. Вдруг вышел какой-то мальчик, с стоячим гребневым хохлом на голове и тонкими вертелоподобными ногами. Он пришел посмотреть на веселье нартов. Этот мальчик выскочил на середину и сказал:

— Если вы мне дадите ноги сорока бугаев, которые варятся в котле, то я схожу, позову Урызбека.

Нарты, вовсе не ожидавшие от этого мальчика такой смелости, сначала не обратили на него внимания, приняв его слова за шутку. Но мальчик повторил свой вызов еще раз, и нарты, видя, что тот говорит серьезно, тотчас согласились на предложение и послали его за Урызбеком. Мальчик скоро очутился у Урызбека, который сидел в волчьей шубе на дворе и, подошедши к нему, сказал:

— Урызбек, меня послали к тебе нарты; они приглашают тебя на пир в дом Алиговых; хочешь — иди, а не хочешь — так не ходи; мне кажется, что они зовут тебя скорее на зло, чем на добро; но поступи по своему усмотрению.

На это Урызбек сказал:

— Неужели нарты не нашли лучшего посла, чем ты?—

* Дух.

** Котел с сорока ушками.

И, рассердившись, с ругательствами прогнал мальчика.

Но жена Урызмека Сатаной, услышав разговор мальчика с мужем, выбежала из комнаты и крикнула мальчику, чтобы тот вернулся. Когда мальчик подошел к ней, она с лаской сказала ему, что Урызбек пойдет к нартам.

— Я его одену сейчас же, а ты пока выведи из конюшни его пегую лошадь, вычисти и оседлай ее!

Сказав это мальчику, она вместе с Урызбеком пошла в комнату и там сказала ему следующее:

— Нарты составили против тебя заговор и зовут тебя теперь с намерением убить; но ты нисколько не опасайся и иди к ним, они тебе ничего не смогут сделать. Только предупреждаю тебя: когда ты приедешь к нартам и они все встанут и предложат тебе сесть на почетное место, то этого не делай, а скажи, что, как старик, сядешь на пуховики, которые лежат на полке около стены. Затем тебе будут подносить всевозможные напитки, чтобы ты опьянел. Ты же пей только хорошие напитки, и то лишь столько, чтобы быть веселым. Остальные же напитки, которые тебе будут предлагать, пропускай чрез эту трубку в пуховики, чего нарты, наверно, не заметят.

И тут Сатаной пропустила чрез горло Урызмека медную трубку, конец которой выходил наружу, так что напитки могли выливаться в пуховики.

Урызбек согласился отправиться на пир, вышел из дому и, сев на свою лошадь, оседланную мальчиком, поехал. После того, как он немного отъехал, мальчик, шедший впереди его, предложил ему от скуки пускать по дороге стрелы: чья дальше улетит. Урызбек на это согласился и первый пустил свою стрелу; за ним пустил и мальчик. На некотором, не очень большом расстоянии, Урызбек нашел свою стрелу, но стрелы мальчика не было. Урызбек, подсмеиваясь по этому поводу над мальчиком, сказал:

— Бедный ты, бедный! Отчего не вернешься назад и не поищешь там своей стрелы, ведь не улетела же она дальше моей. Право, лучше вернись и поищи ее позади, а то пропадет, пожалуй.

Мальчик на это отвечал:

— Пускай пропадает, что за важность; не стоит возвращаться из-за такой дряни!

Вскоре после этого они приехали в дом Алиговых, где около дверей собралась целая толпа народу, стараясь вынуть стрелу, вонзившуюся в перекладину над дверьми. Когда Урызбек подъехал к этому месту, то мальчик, сопутствовавший ему, подбежал к дверям и воскликнул:

— Да это моя стрела! — Затем дернул и выдернул ее одной рукой.

Как только Урызбек вошел к пирующим нартам, они все встали со своих мест и предложили ему почетное место; но он отказался и сел на пуховики, лежавшие около стены.

«Эчки куйруклы нарт барз»^{* 23}, обязанность которого состояла в том, чтобы разносить чашу с напитками и проносить тосты, поднес Урызбеку чашу с напитком, заранее подготовленным из змей, лягушек и разных других гадов.

Но Урызбек преспокойно пропустил весь напиток чрез трубку в пуховики, показывая вид, будто пьет на самом деле. Сначала пили худшие напитки, а потом принялись за лучшие, которых Урызбек действительно отпивал немного, чтобы быть веселым. Так продолжалось несколько времени, и пуховики, наполняясь вином, поднимались все выше и выше. Когда нарты считали Урызбека уже опьяневшим, то, чтобы как-нибудь взять у него меч, начали его упрашивать показать им его знаменитый сырпын. На такую просьбу их Урызбек отвечал:

— Я должен вас предупредить, что мой сырпын имеет то свойство, что если раз выйдет из ножен, то уже не войдет обратно даром!

— Все равно, — сказал сын Пука, молодой Батыр-мырза, — какое бы свойство он там ни имел, нам в высшей степени желательно посмотреть на него.

Тогда Урызбек вынул свой сырпын и, не отдавая его в их руки, а держа за рукоятку, подносил его к каждому. Те удивлялись красоте оружия и говорили, что ни у кого нельзя найти такого железа; жаль только, что в одном месте на лезвии кусок отлетел.

— Да! — сказал Урызбек Батыр-мырзе. — Это все чрез твоего поганого отца Пука: когда он, скрываясь от меня, улетел на небеса, то я, поднявшись туда, отрубил ему голову этим мечом, но задел при этом один его зуб, который был из стали; от этого и отлетел у сырпына кусок железа.

Произнеся эти слова, он размахнулся и одним ударом перерубил цепь, на которой висел котел с варящимися сорока бугаями. Котел опрокинулся, и все находившееся в нем вылилось на пол. Дом наполнился кипящим взваром, а Урызбек начал рубить направо и налево и уложил на месте нескольких нартов, а иные просто задохнулись. Сам Урызбек чуть было не сварился, да, разломав двери,

^{*} *Козлинохвостый старый барз* — должность виночерпия.

вбежал к нему на помощь тот самый мальчик, который ходил за ним, и вытащил его оттуда на чистый воздух.

Урызмек, возвратившись домой целым от угрожавшей ему опасности, благодаря неизвестному мальчику, рассказывал своей жене Сатаной обо всем случившемся и о чудесном мальчике, избавившем его от смерти.

— Ах! — говорил Урызмек, — если бы этот...

— Что? Если бы... — перебила его Сатаной, — ты, может быть, желал бы, чтобы этот мальчик был твоим братом?

— Эх! — ответил Урызмек, — что касается брата, то это кровный враг.

— Ну, а что же? Может быть, ты желал бы, чтобы он был твоим сыном?

— Где мне дожить до такого счастья? — произнес Урызмек.

— Так поверь мне, — сказала Сатаной, — что этот мальчик — твой сын!

И Сатаной тут рассказала Урызмеку, как она воспитала этого мальчика. Неизвестный мальчик был молодой Сосуко, рожденный от камня и воспитанный джинами.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Милостивый государь! Господин редактор!

В февральской книжке вашего журнала появилась «заметка» г. Абрамова по поводу статьи проф. Ковалевского о кавказских горцах, помещенной в журнале «Русская мысль»¹.

Из этой заметки видно, что г. Абрамов имеет совершенно неверное представление об источниках, послуживших г. Ковалевскому для изображения быта кавказских горцев, и ради восстановления истины, мы, бывшие спутники г. Ковалевского на Кавказе, следовательно, близко знакомые со всей обстановкой его путешествия и исследований, просим вас напечатать нижеследующее наше заявление, имеющее единственную целью исправление фактических ошибок, заключающихся в заметке г. Абрамова.

1) Прежде всего г. Абрамов упрекает проф. Ковалевского в том, что он не делал личных наблюдений, так как ограничился посещением только одного аула.

Заявляем, что г. Ковалевский посетил не один, а девять больших аулов, помимо отдельных поселков и таких

центров, как Владикавказ и Нальчик, где можно найти изрядное количество туземцев, могущих дать много ценных сведений исследователю. Из девяти упомянутых аулов, три (Хулам, Чегем и Озроково) принадлежат горцам-балкарцам и составляют как раз половину всех аулов балкарского племени ².

Что касается осетин, то г. Ковалевскому было известно, что Осетия распадается на три общества: Тагуарское, Дигорское и Алагирское, из коих каждое имеет свои особенности и свою историю. Для исследования осетин в целом наш путешественник посетил все упомянутые три общества. Четыре больших аула, выбранные здесь для исследования, были: Владикавказско-Осетинский, Христиановский, Салу Гарданский и Ардонский ³.

Остальные из исследованных аулов (Верхний Атажукинский и Нижний Атажукинский) принадлежали Кабарде. Сверх того, с Кабардой г. Ковалевский познакомился в Нальчике и в окраинных маленьких аулах (Шалушка, Барамта ⁴ и др.).

2) Дальнейшее заблуждение г. Абрамова состоит в том предположении, что г. Ковалевский отбирал сведения у одних высших сословий горцев и, далее, что он не обратил внимание на другие источники, как, например, на народные предания.

Если бы г. Абрамов был с нами во время путешествия г. Ковалевского, он не сказал бы ничего подобного. Он увидел бы, с какой осмотрительностью и обстоятельностью вел г. Ковалевский свои расспросы. Эти последние касались, главным образом, обычного права и земельного строя горцев. Сведения отбирались у лиц самого разнообразного общественного положения, но преимущественно у низших сословий. В каждом ауле г. Ковалевский приглашал к себе стариков — не двух, не трех, а человек двадцать и более — и расспрашивал он каждого порознь, по одному и тому же вопросу. Это делалось с той целью, чтобы проверить показания одних показаниями других и выяснить кажущиеся или действительные противоречия в ответах. Таким путем нашему путешественнику удалось собрать весьма значительное количество материала для издания обычного права, земельного строя и сословных отношений у горцев. Вместе с тем г. Ковалевский расспрашивал о преданиях, сказаниях, в записывании которых, по просьбе профессора, принимали участие и мы, пишущие эти строки. (Например, предания о Баделе, о трех древних родах в Дигории и др.).

3) Переходим к последнему заблуждению г. Абрамова. Автор заметки полагает, что г. Ковалевский не пользовался архивными источниками.

Нам хорошо известно, что г. Ковалевскому, благодаря любезности начальника Терской области г. Юровского, был открыт доступ во все местные архивы, и что наш путешественник энергично воспользовался этой любезностью. Он немало рылся во всех канцеляриях Владикавказа, преимущественно же в канцелярии начальника области и в областном правлении. При этом г. Ковалевский, на наших глазах, пересмотрел громадное количество дел из практики горских словесных судов, как во Владикавказе (осетинские дела преимущественно), так и в Нальчике (балкарские и кабардинские дела). Точно так же им пересмотрены в аулах и сделаны выписки из книг, куда заносят решения сельских судов по обычному праву.

Пользуемся случаем засвидетельствовать вам, г. редактор, наше глубочайшее уважение.

Студенты Петровской академии, уроженцы Кавказа

С. Туккаев⁵,
С. Урусбиев

4 марта 1884 г.

НАУРУЗ УРУСБИЕВ

В журнале «Кавказские курорты» в 1917 году появился большой очерк «К портрету князя Науруза Исмаиловича Урусбиева». Чем была вызвана необходимость его написания? И почему свой очерк посвятил именно Наурузу Урусбиеву известный русский альпинист В. В. Дубянский, дважды покоривший вершины Эльбруса? Как бы отвечая на эти вопросы, автор пишет: «Мы не знаем ни одного капитального труда среди посвященной высокогорному Кавказу и району Эльбруса отечественной и иностранной литературы — английской, итальянской, немецкой, французской, где бы не упоминалось с признательностью о покойном князе Исмаиле, свидетеле времен покорения Кавказа, или об его достойном наследнике, ныне здравствующем князе Наурузе Исмаиловиче, никогда не отказывавших в радушном гостеприимстве и просвещенном содействии заброшенным в самое сердце Центрального Кавказа ученым путешественникам»¹.

После смерти отца хозяином гостеприимного дома Урусбиевых становится Науруз Урусбиев. Было ему тогда 25 лет.

Н. И. Урусбиев родился в 1863 году. Как и старший брат Сафарали, он поступает во Владикавказское реальное училище и в 1885 году заканчивает его. Одновременно с Наурузом во Владикавказском реальном училище учились его двоюродные братья — Ибрагим Хамзатович, Сергей и Исмаил Александровичи (Асланбековичи) Урусбиевы. В год окончания реального училища, летом 1885 года, Науруз вместе с братом Сафарали и его товарищем из Осетии Соломоном Туккаевым сопровождает экспедицию М. М. Ковалевского и В. В. Миллера из Балкарии в Сванетию до аула своего родственника князя Дадешкелиани. Науруз Урусбиев неоднократно бывал в Москве, Санкт-Петербурге, Тифлисе... Он часто встречался с С. И. Танеевым, познакомился с Петром Ильичом Чайковским, посещал театры и музеи Москвы, участвовал в работе научных обществ. Из переписки С. И. Танеева и П. И. Чайковского известно,

что последний хорошо знал Науруза. В 1888 году Науруз вместе с Танеевым в Большом театре слушает «Евгения Онегина». В 1891 году Танеев в Пятигорске вновь встречается с Наурузом и едет с ним в Урусбиево. Перед этой поездкой Танеев пишет П. И. Чайковскому: «Науруз будет в восторге, если ты его посетишь. Когда он приехал 3 года назад, я его повел на «Онегина». Это была первая опера, которую он увидел в своей жизни. И музыка, и декорация, и оркестр, и песни — все это произвело на него необыкновенно сильное впечатление, и он до сих пор вспоминает об этом представлении. Я уверен, что впечатление, которое произведут на тебя его аул и путешествие, будет несколько не слабее, чем то, которое испытал дикий горец, увидев «Онегина»... Я собираюсь выезжать первого августа, обдумай и решись»².

С. И. Танеев в этот свой приезд посетил, кроме Урусбиево, и аул Хасаут, где жили карачаевцы и балкарцы. На этот раз им были записаны старинные горские песни, танцевальные мелодии и инструментальные наигрыши.

Поселившись до конца жизни в родовом ауле Урусбиево, Науруз с большим энтузиазмом принялся собирать и готовить к публикации образцы карачаево-балкарского устного творчества. В кунацкой Науруза, где могли уместиться до 30 человек, был устроен своеобразный музей балкарских музыкальных инструментов, описание которых дает С. И. Танеев в статье «О музыке горских татар»³. Записи карачаево-балкарских фольклорных текстов, сделанные С. И. Танеевым и Н. П. Тульчинским⁴, пестрят ссылками: «заимствовано из тетради Науруза Урусбиева», «продиктовано Н. Урусбиевым». О тетрадях Науруза Урусбиева с записями текстов карачаево-балкарского фольклора пишет и Евгений Баранов⁵. К сожалению, до сих пор они не расканы.

Науруз Урусбиев по своему социальному происхождению стоял выше простых балкарцев — создателей образцов фольклора. Но он не был замкнут на интересах своего класса, как стараются представить Науруза некоторые авторы. Тому свидетельство — антифеодалное содержание записанных им народных песен: «Песни по поводу освобождения холопов», «Кайсыны», «Баксанук» и др.

Кроме того, вся практическая деятельность Науруза была направлена на улучшение социально-экономического положения балкарского крестьянства. У себя в ауле Науруз занимался внедрением прогрессивных методов ведения сельского хозяйства. В 1895 году он разводит в Урусбиево

крупный рогатый скот швицкой породы, который был намного продуктивнее местных пород. Он пытается культивировать виды овощей, ранее неизвестных в Баксанском ущелье, добивается больших успехов в разведении лошадей карачаевской породы, что было отмечено серебряной медалью на выставке 1910 года в ст. Прохладной⁶.

Следуя начинаниям отца, Науруз улучшает проложенную по инициативе деда и отца, и частично на средства отца, колесную дорогу от Урусбиево «до крайних северных границ горско-татарских урусбиевских земель»⁷, принимает у себя многочисленных альпинистов, ученых, художников, приезжающих в Приэльбрусье.

Долгие годы Науруз выполнял обязанности старшины Урусбиевского общества, которое избирало его много раз на новые сроки.

Семья Исмаила Урусбиева многие годы была в дружеских отношениях с художником-демократом И. А. Ярошенко, композиторами С. И. Танеевым, П. И. Чайковским, Н. А. Римским-Корсаковым, с учеными И. И. Иванюковым, М. М. Ковалевским, В. Ф. Миллером и многими другими. В 1911 году в доме Урусбиевых появился С. М. Киров. Его приветливо встретил и снарядил в дорогу Науруз Урусбиев⁸. С. М. Киров прибыл в Баксанское ущелье под видом альпиниста. На самом деле он хотел не только покорить вершину Эльбруса, но и поближе познакомиться с жизнью и бытом одного из самых малоизученных народов Кавказа. Возможно, эта поездка была предпринята и под влиянием статей Басията Шаханова, опубликованных в газете «Казбек» («Терек»). Как известно, активным сотрудником «Терека» был в то время и С. М. Киров. Статьи Басията Шаханова повествовали о невыносимых условиях, созданных царским правительством и администрацией округа для балкарцев. Среди сопровождавших С. М. Кирова был и сам Басият Шаханов. Киров со спутниками останавливался в доме тестя Басията — Дадаша Балкарокова. По свидетельству С. Синельникова, в группе Кирова был и адвокат Башир Далгат, который «достичь вершины не сумел, но пользу принес, не подозревая о том: накануне восхождения он ввел Кирова в дома ряда горцев»⁹. «Сергей Миронович и его товарищи некоторое время задержались в сел. Урусбиево, — пишут Р. Х. Гугов и У. А. Улигов, — по свидетельству активных участников гражданской войны М. Б. Зумакулова и И. А. Кумыкова, в Урусбиево с Кировым встречались и «много беседовали» Султан-Хамид Калабеков, Касым Искандеров, Исхак Муллаев и другие балкарцы,

известные уже тогда своими высказываниями «против существующего положения»¹⁰.

Нет прямых свидетельств о том, была ли известна Н. И. Урусбиеву истинная цель поездки Кирова и его сподвижников в Баксанское ущелье. Но неоспорим тот факт, что они нашли теплый прием и приют в кунацкой Науруза Урусбиева.

Науруз Урусбиев принимал самое активное участие в деятельности Абрамовской комиссии по землеустройству и по обсуждению ее проектов. Он был в числе представителей от Балкарии на особом совещании по рассмотрению выработанных проектов о поземельном устройстве жителей Нагорной полосы при генерал-губернаторе в г. Тифлисе в 1912 году¹¹.

Большую работу по просвещению горцев вели члены-учредители Нальчикского отделения «Общества по пространению образования и технических сведений среди кабардинцев и горцев Нальчикского округа» Науруз Урусбиев, Магомед и Исхак Муллаевы, Хаджимурза Акаев¹².

Документально не установлен год смерти Н. И. Урусбиева. Но в качестве гипотезы можно назвать 1927-й или 1928 год. В 1927 году известный географ Сергей Анисимов, повествуя о своей поездке к Эльбрусу, восторженно писал о традициях гостеприимного дома Урусбиевых, охраняемых «последним из могикан» Наурузом¹³.

Через годы были написаны «Кавказские рассказы» ростовского журналиста Петра Максимова, где он с нескрываемой враждебностью рассказывает о последних представителях рода Урусбиевых. «Так вот, спрашиваю у Джерахмата о судьбе этих Урусбиевых. Судьба обычная. Урусбиевых было два, и оба оказались контрреволюционерами: капитан Ибрагим Урусбиев и его двоюродный брат, этот самый интеллигентный Науруз. За свои контрреволюционные дела Ибрагим был арестован и затем расстрелян в Нальчике; то же, видимо, предстояло Наурузу, но он предупредил события.

— Сам себя застрелил Науруз,— рассказывает Джерахмат. — Гордый-прегордый был Науруз и такой грамотный, как профессор...»¹⁴.

Последний, трагический эпизод жизни Науруза подтверждает и собранный нами полевой материал. Абу Джуртубаев рассказывал: «Получил как-то Науруз из Нальчика какую-то бумагу от начальства. Всю ночь горела лампа в доме Науруза. Он все что-то писал, а потом сжег все написанное и все свои бумаги. А утром рано застрелился»¹⁵.

Почти то же самое повторяет другой свидетель трагедии, только в рассказе Ханифы Узденовой Науруз получил письмо от Ибрагима¹⁶.

Какую бумагу получил Науруз? И был ли он замешан в контрреволюционных делах? На последний вопрос известные нам архивные документы и литературные источники дают отрицательный ответ.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Кавказские курорты. 1917. № 10.

² Танеев С. И. Письма. М., 1951. С. 170.

³ Памяти С. И. Танеева. М.; Л., 1947.

⁴ Тульчинский Н. П. Пять горских обществ Кабарды. Владикавказ, 1903.

⁵ Баранов Е. Поездка в Урусбиевское общество горских татар.

⁶ Терские ведомости. 1900. № 112—114.

⁷ Дубянский В. В. Указ. раб. С. 118.

⁸ Терек. 1911. 9 августа.

⁹ Синельников С. Киров. М., 1964. С. 142.

¹⁰ Гузов Р. Х., Улигов У. А. С. М. Киров на Тереке. Нальчик, 1986.

С. 21.

¹¹ ЦГА Северной Осетии, и-26, оп. 1, д. 44, л. 174.

¹² Там же, ф. 193, оп. 1, д. 23, л. 2.

¹³ Анисимов С. От Казбека к Эльбрусу. М.; Л., 1928.

¹⁴ Максимов П. Кавказские рассказы. Ростов н/Д, 1928.

¹⁵ Архив КБНИИ, ф. 622/1.

¹⁶ Там же.

ДОКЛАД НА ЗАСЕДАНИИ АНТРОПОЛОГИЧЕСКОГО ОБЩЕСТВА

В большой аудитории Политехнического музея происходило 28 заседание отделов Антропологического и Этнографического императорского общества любителей естествознания¹ под председательством профессора этнографии В. Ф. Миллера². Присутствуют: члены общества и 30 сторонних посетителей.

Князь Урусбиев сообщил об условиях нахождения 4 представленных им деформированных черепов с Кавказа:

Всеволод Федорович Миллер просил меня сообщить вам некоторые сведения по поводу четырех черепов, представленных мною в Антропологическое отделение. Выполнить это я не мог по обстоятельствам, тотчас же по получении письма. Черепа эти найдены в двух различных местностях, именно: два из них около аула Урусбиево, а остальные два — в местечке Отлук-кала³. Расстояние между ними не более 30—40 верст. Как аул Урусбаев⁴, так и Отлук-кала находятся в Нагорной полосе (близ Эльбруса), Терской области, там, где живут горцы-татары, которых обыкновенно называют балкарцами. Около аула Урусбиево найдены те два черепа, которые имеют более темный с виду цвет. Могила, из которых они вынуты, расположена на высокой горной площади, на которой, рядом с могилами, сохранились развалины древних каменных строений.

Собственно могилы с поверхности земли представляют вид квадрата: кругом могилы поставлены вертикально, на некотором расстоянии друг от друга, камни, верхушки которых едва выглядывают из-под земли; они-то и образуют квадрат, хотя и неправильный.

В вертикальном разрезе могилы замечаем следующее: самый верхний слой составляет черная, как бы обуглившаяся, земля. Затем следует слой песчаный, в котором, на глубине $\frac{1}{2}$ и $\frac{3}{4}$ аршина от поверхности земли, и находится скелет. Число этих последних от 1-го до 3-х, по крайней мере, в тех могилах, которые мною были раскопаны. Поло-

жение трупа — юго-северное, причем одни трупы обращены головою к Югу, а другие к Северу. Что касается вещей, то были найдены несколько бронзовых колец и пряжек. Вообще вещей сравнительно мало в этих могилах. Попадались обломки горшков, куски угля и обуглившейся березовой коры.

Перехожу теперь к тем могилам, которые находятся в Отлук-кала, где найдены другие два (более светлые) черепа. Эти последние вынуты из гробниц, резко отличающихся от вышеописанных и представляющих род подземных склепов, устройство которых следующее: земля выкопана до известной глубины и с четырех сторон заложены из плоских камней (песчаника) стены, причем, конечно, без всякого цемента. С одной стороны склепа оставлено четырехугольное отверстие, которое обыкновенно прикрыто одним плоским камнем. Иногда таких отверстий бывает два, с двух противоположных сторон, одно больше другого. Сверху склеп покрыт тоже одним или двумя большими плоскими камнями. Величина склепа следующая: длина — 4 аршина, ширина — 3 аршина и, наконец, высота — 2 аршина. Числа эти средние. Весь склеп, как я сказал, находится под землею. На поверхности земли нет никакого возвышения. В силу этого открыть склеп весьма трудно.

Расстояние крыши склепа от поверхности земли или толщина земли, покрывающей склеп, достигает от $1\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{12}$ аршина.

На языке местных горцев-татар эти склепы носят название Шиакы⁵. В них встречается по несколько скелетов. Положение трупа таково, что ноги обращены к четырехугольному отверстию. У изголовья поставлено несколько кувшинов. У ног тоже два-три кувшина.

Найденные вещи — бронзовые и железные. Черепа, привезенные мною, собственно взяты из двух склепов вышеописанного типа. В этой местности существует много других склепов или гробниц то под землею, то среди скал в трещинах и т. д.

ИЗ ТЕТРАДЕЙ НАУРУЗА УРУСБИЕВА

Каншау-бий¹

(Поэма)

Когда храбрый Каншау-бий родился в Тар-аузе²,
Для Тар-ауза отверзлись врата Бога.
Когда храбрый Каншау удалился из Тар-ауза,

Аул карачаевский, подобно орлиным перьям,
Рассыпался по камням и лесам.
Когда храбрый Каншау жил в Тар-аузе,
Были мы богаче Непе-базара³.
Теперь же, когда храбрый Каншау покинул Тар-ауз,
Пусть мировая язва не выходит из Тар-ауза.

* * *

У князя Бекмурзы родились четыре сына;
Старшего звали Эльбуздук.
Когда он встречался с неприятелем,
Был лев и становился в львиную позу.
Но пуля пробивает ему крестец,
И он разлучается с равными себе узденями.
Второй сын — князь Камгут
Преждевременно с жизнью расстался.
Третий сын — Каншау-бий.
Князь Каншау водил дружбу с плоскостными князьями;
Он улыбался без смеха,
С князьями и ханами разъезжал,
Он проникал в душевные тайны людей.

* * *

Княгиня Гошиах так сказала:
— Взглянувши в окно, я видела в тени равнины лисицу.
Ее карачаевские бродяги, гоняя и преследуя, в волка
превратили.

Да переведется весь род Атажукиных;
Они накормили Каншау ослиным мозгом,
Они моего милого Каншау с ума свели.
Мой милый Каншау ушел в Шемаху к казикам⁴.
Не желаю злейшим врагам и недругам
Довериться друзьям, подобно Атажукиным.
Да, пусть будет Атажукиным харамом и кровью
Бараны и пиво, приносимые карачаевцами.
Эльбуздук калека, ни на что не способен;
Гилястан еще молод,
Я же, женщина слабая, приношу одно несчастье;
Покуда мой Каншау вернется из цветущей Шемахи,
Кто же, как не он, Тар-ауз будет оберегать?
В крепости Эривани (Ириуани) горят огни без дыма.
Я отдам в замужество Кантин и Каз без калыма
Тому, кто сообщит верную весть о моем Каншау.

Пойдем, Карачеч⁵, к черному камню;
Посмотрим, не едут ли всадники с равнины Мухур;
Узнаем, жив ли мой милый Каншау-бий;
Если умер, памятник князю на черном камне поставим;
Будем плакать и рыдать,
Чтобы черный камень на две части распался;
Будем плакать и рыдать,
Чтобы трескалась земля и лопались камни.
Кто же из тысячи испытал
То, что мы извели, злосчастные?
Плача и рыдая, к черному камню пошли,
С равнины Мухур нескольких всадников приметили.
— То едут ли горцы, иль кабардинцы?
Нет ли среди них храброго Каншау?
Не похожа ли лошадь среднего на жеребчика Генже?⁶
Не носит ли всадник оружие, как мой Каншау?
Тронулись, пошли.
Каншау-бия на жеребчике Генже встретили;
Они друг другу несказанно обрадовались;
Радуюсь, обнялись и вошли в дом;
Там веселилась карачаевская молодежь.

* * *

Княгиня Гоших так сказала:
— По-прежнему, мы в Тар-аузе.
Жили мы с моим Каншау счастливо,
Теперь он опять возвращается в цветущую Шемаху;
Он не изменяет данному слову своему.
Лисьей шапки с незагнутыми полями
Князь Каншау не надел.
Княгиня Гоших, плача и жалуясь,
Поехала в Баташев аул,
Не в силах расстаться с Каншау-бием.
Блестят льды Минги-тау.
По берегу Терека обозначились следы,
То следы конной арбы князя Каншау.
Княгиня Гоших так сказала:
— Осталась я в ауле Баташева;
Полы дорогой шубы не разворачивала:
С выращенными мною детьми Кантин и Каз разлучена.
Да пусть, как я, плачут и рыдают
Девы Бибертовых, ныне беззаботно живущие.
В мире чего не видела, чего не испытала?
В горах видела местность, куда солнце не заглядывает;

Видела аул, где женщинам цепи надевают.
Козы поднялись над аулом и ушли в белые горы.
Почему же я, несчастная женщина,
Осталась охранять Тар-ауз?
Моему ли сану это пристойно?
Дом мой, где некогда веселились карачаевцы,
Превратился в стойло ослов и собак;
Нечесанные и невытые длинные волосы
Сделались убежищем гадких паразитов;
Глаза, сиявшие подобно предраассветной звезде,
Померкли от слез и страданий;
Они покрылись ржавчиной и не видят человека.
Я ни с кем не говорила и ни на кого не смотрела.
У подножия Тар-ауза скала, наверху лес,
Посреди идут следы туров.
Да, пусть рыдают, как Кантин и Каз,
Желтоволосые княжны Атажукиных,
Причинившие мне сии дела.
На плоскости шатающихся неукров,
Скручивая уши, в лошадей превращают.
Хану шемахинскому, играя в шахматы,
Храбрый Каншау мат дал.
Он, мой Каншау, утешитель шемахинского хана;
Пред очами шемахинских княжен — он светильник.

* * *

В тот день, когда через реку мост стлали,
Когда крепость Эривань гяурские войска взяли,
Лошадь Генже на мосту свалили
И князя Каншау пушечным ядром убили.
Могучие руки, некогда натягивавшие лук,
Теперь бессильно качаются в воздухе.

* * *

Дошла печальная весть до княгини Гошиах;
Княгиня Гошиах осталась с растерзанной душой.
— У Тар-ауза есть скалы с выступами:
Пусть они обрушатся друг на друга!
О, пусть те места, где убит мой Каншау,
Наполнятся в ладонь дождем, черной кровью и гноем:
На ноги надену чабуры горные,
В руки возьму железную палку,
Плача и рыдая, отправлюсь в те места,
Где умер мой храбрый Каншау-бий.

Плача и рыдая, я заставляю те места распасться на части.
Я жена хана ⁷ Каншау, невестка Крымшамхаловых,
Дочь князей Бибертовых.
Брат моей матери Баташев Эльджеруко
Хорошо поет грустные старинные песни
И играет на кабузе.
Почему мой хан Каншау
Нашел достойным завещать
Выйти мне замуж за Каражаева — слепую свинью?
Лишь только за его ловкое конокрадство.
Много одежды сшила я Каншау моему,
Она, неносимая, осталась в сундуках.
Семь целых лет прожила я в Эльтеркаче,
Не любя ленивого калеку Эльбуздука.
О судьба, сжался надо мною,
Освободи меня от немилого Эльбуздука,
Так же, как разлучила с Камгутом и Каншау.
Хотя славный Гилястан молод,
Но вышла б замуж за него.
Молодой Гилястан пошел послом за горы к Дадияну ⁸,
Он еще не возвратился.
Княгиня Гошиах плакала без слез.
Княжеских одежд не надевала,
Всю жизнь по Каншау носила траур.

К а й с ы н ы

(Балкарская поэма) ⁹

Жена Айдебула была бездетна.
Айдебул с женой расстался.
Князь Жабо Тазритов на ней женился.
У князя Жабо от нее родились два наследника;
Старший против младшего был живее.
Младшего звали Бекмурзой,
Старшего звали Кайсыном.
Храбром Кайсыну в день рождения,
Обернув его лицом в горы, отрезали пупок.
Как раз в день устыма ¹⁰
Ему покроили короткий горный костюм.
В возрасте менее пятнадцати лет
Кайсын добыл отцу Жабо двенадцать невольников,
Матери Жаратхан тюки с красным товаром подарил,
Да благословит бог княгиню Жаратхан, родившую его
И воспитавшую это дитя в неге и на воле.

Из Брагун ¹¹ ханские гости приехали,
 Их Тазритовы приняли, как самых почетных людей.
 Они у Тазритовых обильно угощались.
 Когда гостям настало время уезжать,
 Их спросили: что они желают?
 — Что нам нужно, мы вам скажем.
 Если не вовремя приехали,
 То вернемся домой до назначенного вами срока.
 Гостям дали срок, минуя зиму, к лету;
 С тем гости домой возвратились.
 Зима прошла, лето настало.
 К назначенному Кайсыном сроку гости вернулись.

В ущелье Дырха для сакли много лесу порубили,
 В том числе для средней балки белое дерево срубили.
 — Меньшой брат, маленький Бекмурза! —
 Так сказал старший брат Кайсын. —
 Гости наши приехали,
 Им нужно дать невольников и скот.
 Нужное число скота дома найдем,
 За невольниками же в какую страну сделаем набег?
 У нас лишних невольников нет:
 От отца Жабо остались два старых холопа;
 Если одного насильно отдадим,
 То другой холопом нам не будет.
 Кто расточает отцовское имущество,
 Тот недостойный наследник отцовского добра.

В одну темную ночь джигиты о горном походе
совещались.
 В ту же ночь они к горному перевалу пришли,
 У подножия перевала барана лысого зарезали.
 Урусбиев князь Кучук так сказал Кайсыну:
 — Я хоть и мал, но удальскую долю мне оставь.
 Несколько туров джигиты там увидели.
 Князь Бекмурза, счастливый охотник,
 Сделав выстрел, одного из них убил;
 От него для котла в кош принесли.
 Поев и напившись, джигиты спокойно легли.

Рано вставши, джигиты в путь собрались.

Бекмурза так сказал:

— Я ночью заснул и сон видел.

Во сне отца Жабо видел:

Был он в толпе кабардинцев, в волчьей шубе на плечах;

Два уса, как курпей.

У волчьей шубы от локтей нет рукавов;

В толпе не было ему ровесников;

Он не был тем цветущим, как прежде;

На меня он даже не взглянул;

Наше предприятие не по сердцу ему.

Кайсын так ответил:

— Сон есть ненужные отбросы сна,

Верующий снам — ничтожный человек.

Ты видел большое сражение;

Сражение для героев — выбрасывание пуль.

Бог даст, мы за горы перевалим,

А за труды ног девиц-невольниц возьмем.

Отсюда вернувшись без добычи,

Что мы скажем нашим женщинам?

Теневая сторона Лахума¹² не освещается солнцем;

С полными руками, с целой головой каждый раз

Возвращаться домой кто же не любит?

Молодцы! Двинемся по ту сторону гор!

Увидевши врага, не отворачивайте головы!

Тронулись в путь и вышли на Чиар.

С Чиара в Норичи спустились.

С высоты черный ворон зловеще прокаркал,

Кобылица из рук вырвалась,

В нее нечистая сила вселилась.

С этой кобылицей по Имеретии весть разнеслась.

Как чутки имеретины на тревогу!

За горами с Кайсыном кто же остался?

Как случилось, что за перевалом исчезли

У князя Жабо два русских наследника?

Как случилось, что за горами

У князя Жабо наследники — золотые альчики,

Кайсыны, Бекмурзы!

Куда им было деваться?

В плохом месте враг настиг;

Что не мог враг сделать, святой дух сделал.

Отправились, умных советов не спросили,

Отцу Жабо не сказались.

Вошли мы в нору, куда лисица не заходит.

Видел ли враг зловещий день нашего выхода?

Да пусть не вернутся живыми те гости,
Ради которых злосчастный набег затеян.
Если Нучес — сын Эндукку — выйдет живым из норы,
Он о храбрых и трусах на нагишах ¹³ будет сказки
говорить.

* * *

Герой Кайсын так сказал:
— Моя пороховница хозом ¹⁴ покрыта,
Она полна порохом.
Капая по каплям, к утру лужа скопилась.
С расчетом была кровавая битва.
Ноги мои поразились болезнью.
Когда друг к другу два врага приблизились,
Тогда мое мужество, крепкое, как крепость,
Сравнилось с ничтожеством мертвеца.
Мое ружье беглый холоп сломал;
Но абаевский Сари-куллан ¹⁵ наши души успокоил.
И что мы сделали живущему за перевалом
И свинину пожирающему зобатому Уяну.

* * *

В узком месте Дирха дерево срубили,
Но его снесло водою.
Да будет проклят ишкуланец Георгий,
Разнесший весть по Имеретии о джигитовском набеге.
От сестры рожденный Абаев Каспулат,
Когда эти вести услышит,
Один он пеший придет,
Свой синий шелк в воду превратит.
Тогда об убитых Кайсыне и Бекмурзе
Пойдут по Имеретии ложные слухи и толки;
На тенистой стороне рябой подтелок кажется белым.
Пусть исчезнут щеголи Абаевы!
Когда на плоскость выезжаем,
Они в товарищи нам не годятся,
А когда домой придут, в нагише говорить нам не дают.
Они, на кабузе играя и песни распевая,
На женской половине похваляются;
Ячмень смешают с пшеницей,
На целый месяц работу челюстям дают.
Когда на плоскость выезжают,
Их мужество, как у баб,

А дома свои талии серебром унижают.
Если спросят: «Кто они?»
Эндруковы — князья Алиевы.
Эндруковы, Курмановы,
Когда нас враг настиг,
Не удержались возле нас.
Сванет Мулаев из палок ношу сделал,
Трусы Абаевы, удирая, в горы ногами вписались;
Ногаев Индербей, убегая,
Ладони своих рук в шерсть превратил.
Желтошубые безенгиевские уздени там отличались;
Рохаев Токк,
Урусбиев Кучук в набеге были ли?
Кучук был товарищем Тутуровых:
В плохой день товарищем Кучуку Гекки сделался.
В день геройской битвы
Там Урусбиев князь Кучук
На гяуров, как лев, бросался;
Из десяти пальцев он двух лишился.

* * *

В ущелье Дирха дерево срубили, его водой снесло.
Не посчастливилось ишкуланцу Георгию,
Давшему весть имеретинцам о набеге.
На пальце убитого Кайсына
Был перстень княгини Дадипал ¹⁶.
Исчезли Кайсын и Бекмурза.
О, что же будем делать?
У князя Кайсына осталась сакля, соломой крытая,
Жена Кайсына осталась с босыми ногами и непокрытой
головой.

Ш о р и

(Балкарская песня)

Загаштоков Чепелеу
Во сне ночью сон видел;
Видел вещи убитых после битвы.
Утром рано вставши,
В Шаурдат поднялся,
Там Ульбашева героя Уччу он в товарищи взял
И, собравшись, в Большую Балкарию пришел,
Тамиева Жаза вторым товарищем взял.

Они на перевал Шорийский пришли.
С Шорийского перевала
Вокруг и на низовья его смотрели,
На горе двух охотников увидели,
Окружив их, изловили.
От них начали допытываться вестей;
Но вестей они не дали
И их за людей не сочли.
Из горного мха огонь развели,
Спиною охотников в огонь положили
И хороших вестей добились:
— Аул наш ушел на Лечхумскую поляну.
Очутились балкарцы в выгодном положении.
— В такой оплошности наш аул кто же увидит?
И кто бы осмелился сделать набег на аул?

* * *

— Тыкынаев Дебек,
В Большую Балкарию надо известие дать!
Ой, Тамаев Жаза
На свои две ноги надеется,
Утром с Рчивашки отправился,
На Кунюмский нагиш пришел,
Кунюмскому «нагишу» весть дал;
В нижние Чегеты перешел,
Чегетским «нагишам» весть дал.
Абаев-князь, Мусуков-богатеи
Начали собирать сопернические партии;
Чориева в Штулу нарочным послали;
Передовых на Айлям-таме задержали.
Посмотрели, там Бибо не видели.
Ой, Сакаев, молодой Маме!
За Бибо Маме послали,
Бибо в скорости явился.
Его прибытия многие невзлюбили.
Бибо направился на высоты,
Взяв на двоих араку.
Коротко засучив полы,
Он подгонял вперед
Лучших молодых джигитов.
Партию свою в круг рассадил,
Сам чашки разносил
И каждого чашкою араки наделял.
Пока хмель араки не рассеялся,

Он на солнечный Маргуш набег учинил.
Там на одного по два пленника пришлось.
Тотчас же на тенистый Маргуш напал.
Нападающий два раза живым не уйдет,
На одного по две раны пришлось.
Равнина, на которой не скатывалось яйцо,
Сделалась недоступной даже для туров.
Черная вода, которую собаки не лизали,
Превратилась в Терек, недоступный
Для перехода жеребцам.

Татархан Багатырев

(Карачаевская песня)

В местах нахитана расставили три вехи:
Из Даута раздался оглушительный крик,
И оттуда в Большой Карачай прилетела весть.
Весь Карачай собрался на Санчик.
Из трех ущелий партиями на тревогу вышли,
Вышел и Крымшамхалов доблестный Гилястан.
В день выезда князя Гилястана
Под ним конь сильно скакал,
Багатырев доблестный Татархан
Не ленись ходил и славу приобрел.
Ой, Мукаев доблестный Байчокку,
Он на ДAUDское плоскогорье поскакал
И там про Татархана осведомлялся,
Татархана в доме не нашел:
Татархан к осенним баранщикам пошел
Просить барана на зарез.
Ах, если бы мы настигли врага,
Татархана впереди бы поставили.
Настигнувши врага, мы над ним потешились бы.

* * *

Татархан домой пришел вечером.
— Мать, я бесконечно голоден,—
Так матери сказал Татархан.
— Присланного тобою барашка
Мы вчерашнюю ночь зарезали,
Тебе хорошую долю оставили.
С трех равнин твои три сестры приехали,
Твою долю они поели и уехали.

Пред ним поставила баранью лопатку и часть головы.
Он два раза содрал мясо и три раза вкусил,
Посмотревши на лопатку, он у матери спросил, что нового?
— Карачай находится в покое при косах и вилах,—
Так ответствовала мать.

— Мать, мы заснем, потом встанем и бывшие дела
увидим...

Тогда среди своих товарищей, не подымая головы, умрем.

— В таком случае, сообщу тебе вести, мой сынок.

Кызыльское войско аул Даутово разграбило,

Твою емчекскую мать увели.

Как корова, отбившаяся от телка, она оглядываясь,
ревела...

.....

— О, боже! А я свои чабуры отдал баранщику;
Да будут мои ноги крепки, как у домашнего катра ¹⁷!

Не мешкая долго, он схватил свое оружие

И направился на сховатскую дорогу ¹⁸.

Растянувшись, конь скачет, как скаковой шаулох.

Он, подобно древним нартам, достиг цели похода.

Карачай был задержан рекою Сховат.

Багатырев доблестный Татархан

Обвязал себя лошадиным арканом

И, как шаулохский конь, воду перешел,

Перешедши, закричал на манер бобра-самца

На лежащих длинношерстных баранов

И, как волчица, врезался в середину их.

По водам Сховата кровь потекла,

Ой, Кабаев трусливый Жулуй!

На тебе кровь есть, а раны нет;

Отдай отцу свиной кал.

Ой, Мукаев доблестный Байчокку

Вниз по хребту спускался.

И с товарищами на низ направился.

Боже, благословение доблестям Татархана!

Он карачаевское войско возвратил,

Которое в смятении назад бежало.

Разжевывая каржин ¹⁹ с кровью,

Крымшамхалов доблестный Гилястан

Сделал себе нарукавники из белого серебра.

Ой, Шакманов князь Тамма

С Чегема пришел, белый витязь;

У него трофей похода — два невольника.
Князю Тамма нужны невольники, а также и скот.

Алла-Гидай

(Горская песня)

Скот мой пал, взор мой обращен на Алла-Гидай.
Красавица, ласточка, Алла-Гидай!
Крылышком по бумаге пиши.

* * *

— Ой, если от него останусь, пошли боже,
Чтобы я досталась чернобородому мулле:
Чернобровый мулла пишет амулеты
Целых два месяца.
Если от него останусь, пошли, господь,
Чтобы я досталась утопающему в богатстве.

* * *

Джигит, я женщина бессильная,
Если сверху большую воду запрудить — водопад будет,
Когда на большой воде нет моста, — каюк бывает.
Джигит, шибко не ходи — непристойно узденю.

* * *

— К крылышку привяжу бумагу.
Была у меня милая, — она скрылась;
Теперь где найду?

* * *

— Подвязывая сафьяновую подвязку,
Спину утомила.
От души любимый друг
Не пришел, меня обидел.
Если не идешь, джигит, так не ходи,
Я сомневаюсь в твоей любви.
Кто нас отворожил в нашей любви?
Я есть плод яйца,
Светлее золота блещу.
Джигит, берешь меня, так бери,
Не берешь, — есть просители; за одного из них пойду.

* * *

— Ночи мои в тумане, дни во мраке.
С нетерпением жду желанного рассвета.
Милым другом приходишься. Гидай!
Я являюсь к тебе в пышности.
Твои жестокие и незаслуженные упреки
Холодом в моем сердце отразились,
Подобно холоду на подносе тузлука.
Не выйдя за меня,— меня обидишь.
Прекрасный друг, Алла-Гидай!

* * *

— Если бы превратилась я в синюю голубку,
Да улетела б в небо, что сделал бы джигит?
— Если бы, превратившись в желтого ястреба,
Поймал бы голубку, что сделала б Гидай?
— Если бы я превратилась в пеструю рыбку,
Да нырнула бы в воду, что сделал бы ты?
— Если, превратившись в удочку,
Поймал бы рыбку, что сделала б Гидай?
— Если бы я превратилась в просяное зерно,
Да рассыпалась по земле, что сделал бы джигит?
— Если, превратившись в курочку с цыплятками,
Поклевал бы зерна, что сделала бы Гидай?
— Если бы я превратилась в плуг
И вонзилась бы глубоко в землю, что сделал бы ты?
— Если я, превратившись в сильных быков,
Выдернул бы плуг, что сделала б Гидай?
— Если бы по воле бога я была бы больна,
Что сделал бы джигит?
— Если я, превратившись в Локман-Хакки ²⁰,
Исцелил бы тебя, что сделала бы ты?
— Если бы мне бог послал смерть
И я лежала бы мертвой, что сделал бы джигит?
— Я превратился бы в чистый белый саван
И обвинил бы свою милую Гидай.

* * *

— Видела орла с голубиной шеей,
Видела сон: мой милый благополучно вернулся.
У того красивого орла на крыле не было ничего,
А у вернувшегося милого цела была душа, а лица не
было.

Он с пальца золотого кольца не мог снять.
До рокового сна я была в покое,
Теперь тот сон в мою душу вселил беспокойство.

* * *

Много подарков милый привез,
А меня ими не удостоил.
Давно ушел, человека сгубил;
Домой к себе не возвратился.

* * *

Опять видела орла с голубиной шеей.
У него на крыле что-то было.
Когда дева идет за любимого,
Она пребывает в небесном сиянии.
Выше гор холмы не бывают.
Если дева не выходит за любимого человека,
В сердце той девы жара не бывает;
Такая дева, не выпивши амулетовой воды, не излечится.
— Зачем так вниз смотришь,
Что видишь там, Гидай?
Я не возьму тебя,— из-за меня зачем убиваться?

Л ю б о в ь

(Горская песня)

Мой милый ушел на гору Клис,
А про него пошла дурная слава.
Когда же вернется — явится с золотым подарком.
Не надо мне твоего подарка;
Пусть будет моим уделом
Твое душевное благополучие и твоя длинная ночь.

* * *

Голуби воркуют,— лето ли настало?
Душа, зачем меня упрекаешь?
Ведь в долгой разлуке с милым,
В тоске по нему красоту свою потеряла.

* * *

Ребята, трехлетнего жеребенка не оседлывайте!
Оседлаете — спина заболит.
Дурным словом в шутках милого не обижайте:
Его любящее сердце будет страдать.

* * *

В белой горе есть большие пещеры;
В ауле колдуньи и ведьмы:
Двух любящих сердец друг от друга разлучают.
Душа-девица! Если любишь, как я тебя люблю,
Я склоню голову на руку твою белее снега;
Я тебя люблю, но если ты меня не любишь,
Пусть поразит твое сердце пуля.

* * *

Шея голубая с синими пятнами;
Объятия милого дышат приятной прохладой.
Ночью, как в раю Фердауса,
У них — любящих — игры бывают.

* * *

Мой милый на плоскости разъезжает.
Желала бы я при сильном дожде
Превратиться в бурку и башлык,
Чтобы растянуться на плечах и обвить шею моего
милого.
Когда милый мой домой вернется,
Желала бы я очутиться в его прохладно-приятных
объятиях.

* * *

Мой милый ушел на летний покос.
Он косил на тенистой стороне;
Я на солнечной стороне жала ячмень,
Спрашивая прохожих о нем.

* * *

Мой милый-бравый ушел в аул,
Я испекла ему один пирог,
В масле его могли бы плавать русские кони.

Если такого героя не любить, так кого же любить?
Когда милый выезжает на плоскость,
Мне кажется, что может гнать гуськом конные арбы
И с корнем вырывать языки.

* * *

Мой милый гулять ушел по свету,
Мои глаза неустанно следят его возвращение.
Боже, такого молодца не любить, так кого же любить?
Очутиться в объятиях у милого — наслаждение,
Какое испытывает пастух, считая молодых барашков.

* * *

Плывет-стелется туман, охватывая низины,
Подобно рыбе, в большой воде плывущей.
У кого, отбивши, милую увозят,
Тот сравняется с трусливой девицей.
Любящих любящим отдавайте,
Нелюбящих на широких воротах распинайте.

* * *

Мой милый ушел на летний сенокос,
Я пошла жать ячмень.
О, если б у милого поломалась коса,
А у меня поломался б серп!
Пошли бы мы к кузнецу чинить косу и серп,
И пусть тот кузнец в болезни корчится.
О, наслаждались бы вдвоем наедине, успокоенные.

* * *

Мой милый ушел на гору Алис ²¹;
Отец разукрасил белую горницу.
Пусть эта горница огнем истребится,—
Готова жить с любимым в раскрытом сарае.
В чем кроется красота моего милого?
Он лучше, прекраснее богатства мира!

* * *

Трехлетнего жеребенка, глядя и чистя, не оседلывайте.
Бросившему милую, руку не протягивайте.

У милого глаза и брови черные «нала»²².
Бедному отцу и бедной матери
Помогайте своим состоянием.

* * *

На летнем покосе ременным поясом не подвязывайтесь,
Он затвердеет, высохнет, спину потрет.
После вечернего намаза на крышах не прохаживайся,
Посторонние люди, увидевши, будут подозревать.
Распевая-распевая, из кожи дикой козы уздечку сделал.
Играя и смеясь, я, малый, влюбился.
Кони, останавливаясь-останавливаясь, воду пьют.
Милые, наедине оставаясь, играют-играются, ночи не
замечают.

* * *

Сказала б милому слово, если исполнит его,
Дала б милому долгую отлучку,
Если б наше блаженство в этом мире было
продолжительно.

* * *

Плывет, стелется туман, охватывая низины,
Подобно рыбе, в большой воде плывущей.
Находя новых друзей, старых не отталкивай.
Душа-молодец, сердце мое тебе принадлежит;
Но если ты меня не любишь,
Пусть ногайские ружья продырявят твои пахи.

* * *

В бешмете коротком по колена
Ты сено косил на тенистой стороне,
Я жала ячмень на солнечной стороне,
И робко на тебя поглядывая, я статную шею искривила.

* * *

О, если б у милого поломалась коса,
А у меня поломался б серп!
Пошли бы мы к кузнецу чинить серп и косу.
Если б тот кузнец лежал 15 дней в болезненных корчах,
О, тогда наедине вдвоем наслаждались бы мы, успокоенные.

Я милой купил костяную гармонию,
Милая, дорогая моя, тебя я крепко люблю!
Но если ты меня не любишь,
Да будь на том свете черной свиньей.

Свадебные поздравления

У спокойного пусть не будет болезней;
У беспокойного пусть болезнь приключится.
«Аминь» кто скажет, пусть скажет;
Кто не скажет, пусть скорее умрет.
Да пусть к нам всегда такие невесты приходят.
Ой, чашу бузы— чашку меда
Возьмем и провозгласим
И на язык положим.
От дурных дел в стороне останемся.
Хорошие пожелания от нас не устроятся.
Дурные намерения пусть не достигают,
Пожелания дурного человека да не сбудутся в нашей
жизни.
Дурные намерения пусть устроятся.
Хорошие пусть сбудутся.
Кто не желает добра тому, кто хорош с соседями,
окрестными людьми и своей семьей,
и кто не любит их, пусть у него рождаются
дураки и в доме будут покойники.
Пусть у пришедшей невестки будут почести велики, как
горы.
Пусть у ней будет ум, как озеро глубоко.
Сыны и дочери пусть растут и размножаются, как равнина
широкая.
Пусть будут почести чрезвычайные, а язык обтянутый.
Если будет дурная, пусть родящиеся будут тоже дурными.
У хорошей пусть будут преддверья обширны и, будучи
обтянуты цепью, служили бы для песен
и плясок.
Чтобы дойных коров в малых годах было бы не меньше
ста.
Первый родившийся пусть будет таракчи ²³,
А второй пусть будет таякчи ²⁴,
Третий пусть будет баранчиком.
Принесенные невесткой подарки пусть будут шелковы.
Пусть будет первый родившийся учен и читает коран.

Труба очага пусть будет с копотью,
А сам очаг пусть будет широк.
Пусть родившаяся дочка будет красавицей и весь свет за
ней ухаживал бы.
Пусть в наш аул прибывают невестки и да подарят
платочки.
Да дай бог нашему аулу спокойствие и здоровье.
Пусть невестка, согнув ноги, сядет и в толщину ноги
пряжу соткет.
Если свекру, свекрови и своему главе молодая будет
непослушна, пусть преждевременно погибнет.
Пусть будет молодая крепка в поручениях от мужа,
Пусть ее ножницы только режут шелк,
Пусть будет поступь молодой счастьем для целого
квартала.
Сегодня этому дому радость: играем, поем, едим и пьем.
Сегодня этому дому радость, кто не сочувствует ему,
Пусть у того преддверье останется без песен и плясок,
И пусть тот никогда не поест баранов,
Чтобы есть каржин (хлеб)²⁵, челюстей бы не было,
И чтобы в руки взять и палки не было.
Пусть у его котла не будет ручки,
Чтобы в этом и в том мире доли ему не было.
Кто желает добра этому дому,
Пусть всегда у его преддверья поют и пляшут,
Пусть он пасет 2000 баранов,
В старости для каржина пусть будут челюсти крепки,
А чтобы в руки взять, пусть будет палка с серебряным
набалдашником,
Пусть будет ручка котла из желтого золота,
И под ним лошади иноходные,
Чтобы в этом и в том мире имел дома,
Рай Фердауса²⁶ пусть будет его долей.
Кто не любит этот дом, пусть будет жертвой большой пули.

Импровизация охотника

Ой, княгиня Фатима, баксанский праздник!
Поступь охотника пусть будет тверда,
Пущенная им пуля пусть не сбивается;
Сбившаяся пуля пусть в почки попадет.
Когда прямо идет, пусть в сердце попадет,
Когда предполагаешь неудачу, пусть в легкие
попадет,

Подстреленный зверь пусть кувырком скатится.
Дай мне лежащего на белом снегу,
Дай мне дергающего белую отаву,
Дай мне, пока не высохнет кровь,
Дай мне, пока пастухи не улягутся,
Дай мне ходящих по самым вершинам,
Дай мне пребывающих в глубоких балках!
На горе ходящего пусть хребет перебьется!
Пусть находящегося в балке ноги перебьются!
О, дай в лошадь величины ушастую лань,
И кабана с клыками дай,
Дай оголенного оленя!
Убивающий пусть убивает.
Не убивающий пусть тоже убивает,
И пусть бог отовсюду счастье несет!

(Другой вариант)

Орайда! Подыдемся в горы не торопясь.
Орайда! Много добра твоего в нашу сторону сгони.
Орайда! Я выстрелю, пусть катится, в корчах сгибаясь,
И к малышам на кош я в радости вернусь.
Орайда! Ой, пошли, когда же пошлешь,
Напугав, к нам (зверей), останови!
Орайда! Разукрась камни кровью из его легких.
Пусть он, ревя, отдаст нам свою золотую душу.
Пусть его туша уложится на ременные веревки.
Орайда! Пусть дождь пройдет и солнышко проглянет.
Из паха тура пусть кровь брызнет.
Пусть на кошу в лучах солнца сало искрится.
Орайда, душа! Рассветает, ребята, вставайте,
Для смертного оружие приготовляйте,
Тура в пахи бейте.
Орайда, душа! Остерегайтесь предрассветного сна.
Пусть головою тур ударится о твердую скалу.
Орайда! Забрались на горную вершину.
Вершины гор тянутся цепью.
Орайда! На кошу хорошему и дурному одинаковый пай.
Орайда! На горе разыгрался желтый тур;
Рога у него величиной с локоть.
Легкие и печень рогатого тура охотнику.
Орайда! У того бородатого мать — желтая коза.
Да заплачет мать бородатого,
Да погладим его бородку козлиную;

Козлиная борода — выпуклые глаза.
Орайда! Его выпученные глаза вырвем,
С его башни стащим его,
Над ним успокоим наши души.
Идут туры к своему пристанищу,
А охотник к месту выстрела приближается.
Орайда! Пусть его рога снимутся;
Они лишь годны на продажу.
Орайда! Идем и в удобные места станем.
Ты (Апсанты) не дашь нам с голоду и ходьбы умереть.
Твои милости мы душевно почитаем.
Когда взойдем на высоты, дай нам желтого козла.
Когда спустимся на плоскость, дай нам десятирогого оленя.
Орайда! Высоты — убежище тура.
Пусть поразит его крепкий яд черного ружья.
Взошли на вершину, на вершине моросит.
Мы же идем, на бога одного уповая.
Вышли на вершину, на вершине по пояс снег.
Орайда! В угнетенном духе не возврати нас.
Орайда! Да пожую окисшие печени.
Орайда! Из гурта — из гурта выберем
И головами туров позабавимся.
Пусть на кошу в котлах кипятится их сало.
У Апсанты младший сын Тугулбай²⁷.
Охотником простреленная дичь пусть тут же упадет.
Орайда! К упавшемутуру присоедини яловку-козу.
Тур головой ударился о каменный мыс.
Какую же дичь бог дал молодцу?
Дичь скрылась в тумане.
Пусть скорее туманы рассеются.
И тоскливые чувства скорее исчезнут.
О, дай нам без жалоб,
Прими нас, как добрых гостей!
Орайда! Если пришли — угости-ка.
Нас, несчастных, большою одари добычей;
Предназначенное счастье не удержи-ка.
Орайда! Положи-ка на ремни дичь частями.
Пусть остатки от фадана²⁸ щенки на кошу потреплют.
Когда говорят: несчастный-несчастный,
То кто же несчастнее охотника?
Топчет он все дорожки и тропинки.
Ни одной не оставляет балки, не заглянувши туда.
Подобен он курице желтого цвета.
Кислая печень, холодная вода —
Вот удовольствие неприхотливого охотника.

Больше оленя — зубр.
Дурному человеку счастье в руки не дается,
И на плетень его галка не садится.
В гурте — в гурте много добра
Для охотника удобно пасется,
Вкушая траву, предсмертную пищу.
Апсанты! Твое добро со мною равно подели.
Орайда! У матери пусть не родится сын,
А если родится, да не будет он охотником.
Если же тот молодец сделается охотником,
Его постигнет смерть в горах
И носимое убогое платье послужит ему саваном.
Свет девица-красавица Гамалар!
К туру козу-дуру присоединяют.
Тур — козлиная борода,
Тебя убивши, молодец
Заслуживает большой похвалы.
Если бог дает, косому Апсанты дела нет.

Б а к с а н у к

(Песня)

Баксанук, князь Безенги,
Был питомец ясновидящего Гиляу-хана ²⁹.
У храброго Баксанука наверху обрыва стояла башня,
У этой башни двери на крепких засовах;
Наверху этой башни гнезда черных орлов,
На большом Жидче у Баксанука есть конюшня,
В этой конюшне вмещается тысяча баранов,
Она же полна салом.
На Малом Жидче продольные большие конюшни.
Храбрый Баксанук одновременно две стрелы натягивал
И одной стрелой славу приобрел.
Жену его звали княгинею Сарайда.
Она на плоскостных щеголей, шатающихся князей,
поглядывает,
В горах в шелка одевается,
В молодых плоскостных князей влюбляется.
Баксанука жена — развратная Сарайда;
Ее с плоскости Таусултанов плешивый Шаулох
выслеживает.
Развратная Сарайда так сказала:
«Пусть окрестные люди и соседи улягутся,

И лунный свет пусть погаснет». В полночь у князя Баксанука Железные двери растворились, Жену Сарайда плешивый Шаулох увез. Проснувшись, Баксанук по сторонам осмотрелся, Княгиню Сарайда не нашел. «Что за чертовщина, что за нечистая сила! Недаром я сон видел, Меня кто-то окликнул: — Что же ты спишь, проснись-ка! Жену твою плешивый Таусултанов увозит. Содрогнувшись, я вскочил. Оружие в черном сундуке крепко засело, Зачем для Баксанука такие дела создались! Пусть будет Таусултановым наше молоко, вскормившее их, «харамом»!»³⁰

Влез Баксанук на чердак, Нашел старый лук и стрелы без перьев, Он двух татар ими уничтожил. Дай натянуть и пустить старую стрелу; Если вкус хорош, пусть лежат два татарина. Собаки не лизали черную воду, Она превратилась в Терек, недоступный для перехода коням. Уходят бегством явившиеся с похвальбою враги храброго Баксанука. Обрызганы кровью зигзаги дороги большого Хумала³¹, Обрызганы кровью придорожные балки.

Д о л а й

Долай, блай, былдылай! Идет скот, как кабардинский конный табун. Его наружность — бурдюк из желтой козы, Внутри его кислое молоко от черной коровы. Долая в это место ударим. Желтым маслом большие-большие чашки наполним. Ой, если сбиваешься, то сбивайся, бурдюк! В дом наш ханские гости приехали, Тебя ожидая, с голоду умирают. Если сбиваешься, то сбивайся, бурдюк! Если же не сбиваешься, то твою ножную часть продырявят И голову твою навыворот вывернут,

И твои внутренности вытряхнут,
И нас вдвоем друг к другу привяжут,
Ой, долай, блай, кто не говорит?
Наша ведьма — экономка-страшилище с орлиной
головой,
Что находит, ртом всасывает,
О настоящем и будущем не думает.
В большие-большие чашки желтое масло вложим
И перед старшим поставим.
Он нам по очереди даст доли,
И им сказанное быстро-бегло исполнится.
Если им сказанное быстро-бегло не исполнится,
То по икрам хворостиной высекут.
Да, скажу я долаевскую песню.
И да пусть бурдючный живот прорвется маслом;
Целый, неиспорченный бурдюк!
Безводный с маслом бурдюк,
Ой, для молодца лето настает,
Молодец играет, дева смеется.
Ой! Кто же не знает, что в бурдюке?
На «ныгыш» не выходящий старец
И младенец, не умеющий подвязать ремни чабур.

Д о л а й

(Другой вариант)

Верхи плетня — чалый кол.
Несчастливая девица, выходящая замуж за чалого.
Хорошие матери красивых девиц выращивают
И их корсеты неведомые молодцы расстегивают.
Ой, долай! Не бьется без полсти!
Не оставь нас, боже, без того масла,
Которое сбивается в этом бурдюке.
Женщина-ведьма к вечеру сделала «какк»³²;
Оно с желтым маслом — лакомое блюдо,
Пошли нам, Господь, в большой чашке желтое масло.
Ой! Если сбиваешься, то сбейся!
Если не собьешься, тойайрак³³ вылью черной собаке;
Если собьешься, желтое масло в красный бурдюк вложу.

Княгиня Даум

(Горская песня)

Балатукова дочь, княгиня Даум, сон видела.
В испуге проснувшись, мужу сон рассказала:
— Князь мой, во сне я сон видела,
Для нас неподходящие дела видела:
На полу сакли видела красную кровь,
На кровати на тебя похожего мертвеца видела.
Оденься-ка в старое железо.
— О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
Вчера младший брат Жанчек на ланей пошел;
Вероятно, он убил оленя, вот что означает твой сон.—
Так сказал Алисултан, с тем они заснули до рассвета.
Утром, рано проснувшись, она в окно посмотрела.
— Снизу несколько всадников едут;
Двое впереди совет держат:
Если мои глаза не ошибаются,
Ей-богу, наших князей истребляют.
— О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
Кайтуков Асланбек³⁴ — присяжный друг;
Без ведома Асланбека что же мне сделают?
— Твои болезни принимаю, будь осторожен!
Асланбек с пегими глазами,
А кого хочет убить, тому хорошо льстит.
— Сорочку надену под панцирь.
Что же может случиться по милости Асланбека?
— Надень на себя панцирь
И припомни свои все дурные поступки.
В подозрную трубу посмотрела;
Впереди ехавшего всадника узнала.
— Если глаза меня не обманывают,
То едет Бекмурзин Татархан.
— О, не бойся, не бойся, княгиня Даум!
Погуще суп свари, подправь его луком.
До обеда (гости) игрой в шахматы займутся,
А после обеда по домам разъедутся.
Эти трусы, разъехавшись, что же мне сделают?
Пока так они рассуждали, гости подъехали,
Алисултана в шашлык изрубили.
Плача и рыдая, княгиня Даум так сказала:
— По полу сакли черная кровь разлилась;
Льстя нам, над нами понатешился
Асланбек — рыжий медведь.

Намокли кровью красные шелковые одежды,
Нас убить пришли вскормленные нашим молоком
емчеки.

Помывши свой платок, на каменную ограду раскинула,
Чтобы им мою лебединую шею удавить?

Пусть этот мой несчастный день станет таким же днем
Для жены Асланбека — ведьмы Чуал.

Жанчек вернулся с навьюченной дичью.

Асланбек, вернувшись, уничтожил последнего потомка
Шаугенуковых:

Жанчека арканом удавили;

Княгиню Даум с босыми ногами угнали.

Узнавши о смерти Асланбека и Жанчека,

Емчеки, одаренные семью лошадьми, с сожалением не
приходят.

О р ю з м е к

(Легенда)

Однажды, когда старые люди сидели на «нагише» и рассуждали о разных делах, в это время богатые и зажиточные люди вели в дань по одному быку по третьему году (трехгодовалые).

Менее зажиточные — белого с черными ушами по второму году волоха (выложенный баран).

У кого не было того и другого — по кувшину пива.

Не имевшие всего этого — копченые бока или просоленные безрогие головы кочкарей (тоже выложенный баран).

Все это вели и несли в дань нартскому князю, волшебнику Пукку.

Позади шествующих с данью шел хромой старик.

— Старый человек, остановись, я хочу тебе что-то сказать и спросить, — так сказал Орюзмек.

— Что же хочешь сказать?

— Куда несут это подаяние?

— Твоему князю, князю нартов Пукку несут, — так сказал старый человек.

— Да не будь мое имя Орюзмек, если я все это не возьму и не сделаюсь князем над нартским народом, — так сказал Орюзмек.

Затем Орюзмек отправился к Пукку и сказал ему, что

если «тёре» не уничтожит этот обычай, он ему, Пукку, серпом голову снесет. Сказавши это, он от Пукка удалился.

Люди начали обсуждать нарттовское «тёре».

Пукк от страха стражу расставил.

Не доверяя страже, он сам вышел посмотреть. Он увидел ехавшего Орюзмека. От страха Пукк скрылся и в своем доме спрятался и затворился.

Орюзбек вошел в дом к Пукку. Пукк успел выбежать и очутился между небом и тучами. Здесь Пукк из орлиного крыла устроил башню и из стекла сделал окна, дождь и росу на небо снес и начал согреть землю.

От этого колосья на пашнях не созревали, женщины перестали рожать, овцы и козы перестали котиться. Нарт стал голодать и ослабевать.

Нартские старики и молодые единогласно стали Орюзмека упрекать: «Ой, Орюзбек, ты стал нашим князем, и у нарттов голод настал. Когда же Пукк был нашим князем, пашни наши созревали, женщины рожали, овцы и козы котились».

Аликова большой мяч³⁵ был покрыт горными заносами. Собрав всех нарттов, Орюзбек раскопал его. Очистили и обтерли мяч. Наполнили мяч девятью сапетками пороху, а сам Орюзбек вошел туда вместо пули. Дулом мяч повернули к небу. Орюзбек приказал клеврету Пукка, Батмурзе, впустив искру, стрелять. Батмурза не осмелился стрелять.

Не было того, чтобы колдунья Сатанай этого не знала. Она, взяв с огня головешку, ударила ею по мячу, и он выстрелил. Орюзбек вылетел, исчез и пропал.

В окно башни Пукка вцепился Орюзбек.

— Счастливый день, наш князь Пукк! — так сказал Орюзбек и вошел к Пукку в башню.

Пукк от страха и ужаса лопнул.

С тех пор у нарттов колосья на пашнях стали созревать, женщины рожали, овцы и козы котились.

Созар Гезохов

(Сказка)

Гезоховых было 60 всадников. Они от болезни все вымерли, осталась одна беременная женщина. Она была дочерью Индилая и женою одного из Гезоховых. От нее родившийся Созар был как вытянутое золото. Аксак-Темир его в кровные емчеки взял, и он при нем день-день-

ской рос. Живя таким образом, Созар сделался всадником и в дружбе с товарищами присягу дал.

Однажды Созар обратился к своему емчекскому отцу с такою речью:

— Не осталось ли от моего отца какое домашнее имущество, оружие и принадлежности к нему?

Емчекский отец, открыв черный сундук, показал Созару отцовское оружие и принадлежности к нему.

— Теперь возьми эту уздечку и отправься к скачечному кургану, — так сказал емчекский отец Созару. — Если этой уздечкой позвонишь, то все оставшиеся вашего завода лошади прибегут к тебе. Из них какая первая прибежит и мордой коснется уздечки, ту, глядя и лаская, сбереги для себя и прими присягу, что ее ты не будешь отчуждать. Она тебе будет служить как брат и твоим недругам будет непримиримым врагом.

Созар взял уздечку, отправился к скачечному кургану и, как сказал емчекский отец, уздечкой позвонил; тогда из колючего кустарника на звон уздечки выбежало несколько лошадей, и одна из них, молодой жеребенок с темной шерстью, впереди всех на ружейный выстрел примчалась к Созару и на свою морду надела уздечку.

«Я тебя не возьму, пусть тебя растерзают волки». Сказав это, Созар ударил жеребенка и отогнал его от себя. Когда же Созар вновь позвонил уздечкой, то и на этот раз тот же жеребенок впереди на два выстрела от других лошадей опять примчался к Созару.

«Хотя этот жеребенок мне не нравится, но, по-видимому, он обладает хорошими качествами». Сказав это, Созар погладил жеребенка, надел уздечку и оседлал его. Когда на жеребенка надели уздечку, он сделался двухлетним; когда оседлали, он превратился в трехлетнего; когда же Созар сел на него и ударил плетью, он превратился в четырехлетнего, три дня прожил, седьмой год пошел ему. Почистив, погладив, Созар сделал его статным конем и не сбывать его присягу дал.

После всего этого конь заговорил человеческим голосом: «Если ты достойный сын Гезоха, то будь доблестным всадником, а я буду верным твоим конем. У Елия на берегу Эдила есть несметное количество лошадей, отправимся туда и их пригоним. Если мы их с верхней стороны Нарозина пригоним, то нартского князя Темир-Чокка молния убьет, и тем ты совершишь кровную месть за своего отца. Он много зла сделал твоему отцу. На Эдиле есть большой медный мост. Если мы от этого моста уйдем незаметно для

Елия, то благополучно пройдем. Если он нас заприметит, то живыми нас не пропустит. Сторожем у Елия черный орел. Увидевши нас, он даст знать Елии. Если ты достойный всадник, то я не оплошаю, только ты разогрей меня дубовой палкой от ярма, и я перепрыгну через мост».

Созар вскочил на коня, два раза ударил его плетью, и конь мигом очутился около моста. Здесь Созар спрыгнул с лошади, подтянул подпруги, снова сел и дубовой палкой от ярма стал разжигать коня, приговаривая: «Чух, чух!..»

Конь прыгнул и на два выстрела очутился впереди моста и вместе с тем всеми четырьмя ногами врезался в землю. Чтобы выйти из этого затруднительного положения, конь со всех своих сил прыгнул вверх, и от копыт полетели большие комья земли, которые, ударяясь о медный мост, произвели страшный шум. Сторож Елии, черный орел, проснувшись от этого шума, полетел дать знать.

«Ой, плохо, Созар. Если ты достойный сын Гезоха, то положи ружье на луку седла и убей орла; если же ты этого не сделаешь, то наши пашни сожгутся другими». Созар оказался достойным сыном Гезоха: он выстрелил и поразил орла в крыло. Орел свалился на землю.

«Бог нас избавил от опасного врага. Теперь угоним табун Елия». Так сказала лошадь. Сказав это, конь три раза повалялся по песку и три раза по клею и сделался толстым, как гора Бештау.

«В табуне есть белый жеребец с золотистым хвостом. Он питается песком и клеем. Увидев нас, он начнет со мною бороться. Я его тело разгрызу, и если он от этого ослабеет, то мы его убьем, но если я ослабею, то ты, как достойный сын отца, взнуздай его и оседлай. Когда на него сядешь и поедешь, то за тобой весь табун пойдет». Как сказала лошадь, так и сбылось. Когда Созар подъехал к табуну, от него отделился белый жеребец с золотистым хвостом, который сейчас же вступил в бой с Созаровым конем. После некоторой борьбы жеребец стал одолевать; тогда доблестный Созар схватил жеребца за золотистый хвост, накинул на него узду, оседлал, крепче подтянул подпруги, вскочил в седло и крепко уселся на жеребце. Рассерженный жеребец три раза подпрыгивал почти до неба и спускался на землю, желая сбросить седока, но Созар крепко сидел.

«Ты достойный всадник, я буду тебе достойным конем», — так сказал жеребец.

«На берегу Эдия есть медное корыто, из которого мы

пьем целебную воду. Если это корыто сумеешь привязать к моему хвосту, то весь табун за нами пойдет».

Как сказал жеребец, так и сделал Созар: привязал к золотому хвосту медное корыто, и по звону его весь табун Елия за ним пошел.

Созар табун погнал с верхней стороны Нарозина; в это время сверкнула молния, ударил оглушительный гром, и этой молнией кровник Созара, нартский князь Темир-Чокка был убит.

Созар Гезохов с табуном волшебника Елия явился к своему емчекскому отцу, зажил богато и прославился своею храбростью.

Семья князя Исмаила Урусбиева. 1850-е гг.
Фотография из книги Г. Мерцбахера «По высокогорному Кавказу».
Лейпциг, 1901

Мирзакулович Урусбиев, полковник Аглинцев, Н. К. Михайловский,
Слева направо: С. И. Танеев (сидит), М. М. Ковалевский, Исмаил
И. И. Иванюков. 1885 г.

Второй ряд, слева направо: Науруз, Сафарали и Хамзат Урус-биевы

Мисост Абаев (на переднем плане, в центре) среди друзей и родственников

Мисост Абаев в кругу семьи

Мисост Абаев с дочерьми Сафият и Гошаях

ИСЛАМ КРЫМШАМХАЛОВ

Ислам Пашаевич Крымшамхалов — могучая фигура в истории культуры Карачая и Балкарии. Поэт, художник, просветитель, энтузиаст народного просвещения — так характеризуется Ислам Крымшамхалов в книгах и статьях, посвященных его жизни и творчеству¹. Он родился 31 марта 1864 года в семье старшины аула Карт-Джурт в Большом Карачае. Его предки — влиятельные князья Карачая — были широко известны на Северном Кавказе. Прадед просветителя — Ислам Крымшамхалов, живший в первой половине XIX века, был олимом — верховным князем Карачая — в драматический период присоединения Карачая к России. Он известен тем, что остановил кровопролитное сражение у аула Хасаука в 1828 году между войсками генерала Эмануэля и карачаевцами, защищавшими свою независимость. Он принял тогда верное решение: прекратить сражение, принести клятву на верность российскому престолу и тем самым спасти народ от истребления. После этого события были взяты аманаты из княжеских фамилий². «Окончив переговоры, — писал Г. Петров в 1879 году, — генерал взял несколько человек заложников, обязал ответственности за нарушение спокойствия и возвратился назад со своими войсками»³.

Ислам связан с Балкарней не только своим творчеством, но и по крови. Он племянник Исмаила Мирзакуловича Урусбиева. После ранней смерти своей сестры, Исмаил взял Ислама на воспитание в свою семью. Возможно, это обстоятельство предопределило дальнейшую судьбу Ислама. Благородство обитателей урусбиевского дома, атмосфера неподдельного интереса к духовному наследию народа, его культуре, истории, литературе оказывали влия-

ние на всех, кто входил в «орбиту» этого дома. Исмаил был умелым «дирижером» сердец, кумиром молодежи. В условиях трудного горского быта он дал возможность сыновьям и племянникам получить хорошее домашнее образование, сумел заронить в их души потребность самоусовершенствования, постижения наук. Вместе с двоюродными братьями — Сафарали и Наурузом Ислама обучали арабскому письму, основам Корана, русскому языку. В 1877 году родственники отца отдали Ислама в Ставропольскую гимназию, одну из лучших гимназий России. Здесь он проучился два года и возвратился в родной аул. В 1880 году шестнадцатилетним юношей Ислам поступает на службу в Конвой Его Императорского Величества Александра III и уезжает в Петербург. К этому времени он прекрасно знал русский язык, историю и культуру России, был знаком со многими русскими учеными и общественными деятелями, посещавшими Карачай и Балкарию. Эти знакомства были продолжены в 1880—1884 годах, в период его нахождения в столице.

Годы службы в Конвое были для юного Ислама годами углубленного постижения русской и мировой культуры, учебы у великих мастеров кисти и слова. В эти годы он пишет стихи, рассказы, очерки как на русском, так и на родном языке. Литературная деятельность Ислама Крымшамхалова ведет начало, видимо, со времени его учебы в Ставропольской гимназии. Возможно, он в первую очередь пробовал свои силы в художественном переводе, подобно тому молодому горцу, о котором упоминает И. Юхотников, преподаватель гимназии: «Один из горцев, воспитывавшихся в гимназии, раз, отправляясь на каникулы в родной аул, взял с собою несколько книг, в том числе басни Крылова. За чтением последних его застала толпа горцев, жителей того же аула. На вопросы, что это за книга, он решился передать им в переводе некоторые из лучших басен. Сначала с недоумением слушали горцы подвиги зверей, как разумных существ, и при конце хохотали и удивлялись, как можно писать и потом читать правдоверному такие нелепости; но когда им переведено было нравоучение, они приходили в восторг, прибавляя: «...вот оно зачем было написано», и рассыпали при этом похвалы русскому уму и хитрости. Эти понятия на Востоке — синонимы. После этого случая ему не было проходу от желающих послушать чтение Крылова»⁴.

По утверждению профессора К. Т. Лайпанова, Ислам Крымшамхалов в 1908—1910 годах переводил с русского

на карачаево-балкарский язык басни. Многое из написанного Исламом Крымшамхаловым утеряно, на сегодняшний день разыскано небольшое количество его публицистических произведений, сохранившихся, главным образом, в дореволюционных периодических изданиях. Стихи и басни Ислама растворились в карачаево-балкарском устном народном творчестве, на сегодняшний день только два небольших произведения на родном языке не вызывают сомнения в авторстве и не требуют атрибуции. В карачаево-балкарском фольклоре ряд произведений жанра «тамсил» близки по стилю басне «Волк и кот». Однако, пока не проделана работа по их атрибуции, у нас нет возможности расширить круг произведений Ислама Крымшамхалова.

Из Петербурга Ислам возвратился, когда ему было 20 лет. И сразу после приезда на родину интенсивно занимается литературной деятельностью. За короткий срок он написал повесть «Там и здесь». Однако повесть не была опубликована и считается утерянной. Остались свидетельства тех, кто читал первую повесть, написанную на карачаево-балкарском языке. По их рассказам известно ее содержание: лирический герой повести рассказывает о роскошной жизни в богатых домах Петербурга и затем в виде контраста рисует нищету и обездоленность затерянного в ущельях Кавказа карачаевского аула. В центре повествования — семья бедняков, из последних сил поддерживающих свое существование. Очевидцы свидетельствуют: чтение повести неизменно вызывало у слушателей слезы. Небольшой рассказ «Карачаевское горе», опубликованный в журнале «Мусульманин», — возможно, фрагмент этой повести, переведенный на русский язык.

В период прохождения службы в Петербурге Ислам Крымшамхалов тесно сблизился с художниками-передвижниками, подружился с будущим председателем товарищества художников-передвижников Н. А. Ярошенко, который стал потом частым гостем Ислама и его родственников Урусбиевых. В 1885 году Ярошенко поселяется в Кисловодске, и его усадьба становится своеобразным домом творчества для многих представителей интеллигенции России и Северного Кавказа. Здесь устраивались литературные и музыкальные вечера. Приезжавшие на отдых и лечение поэты, художники, композиторы посещали гостеприимную усадьбу Ярошенко. Среди его гостей были Ф. Шаляпин, Л. Собинов, С. Рахманинов, С. Танеев, И. Репин, А. Куинджи, Г. Успенский, И. Павлов, Д. Менделеев и многие другие представители прогрессивной русской интеллиген-

ции конца XIX века. Передовых людей России интересовало многое из жизни Кавказа — обычаи и быт, культура и социально-экономические отношения. После посещения Кавказа появлялись статьи и рассказы, картины и фотографии, посвященные жизни горцев Северного Кавказа. Их авторы проявляли не праздное любопытство (редкое исключение составляли те, кто охотился за экзотическими деталями), а заинтересованно вникали в проблемы народов, населяющих южные окраины России.

Н. А. Ярошенко знал и любил Кавказ. Об этом свидетельствует большое количество картин на кавказские темы. Известная картина художника «Шат-гора» (1884 г.) написана в Урусбиево. Эта картина — редкий по силе художественного воздействия пейзаж. Эльбрус, освещенный розовым светом восходящего солнца, не давит своей мощью на зрителя, а притягивает своей чистотой и силой, горные вершины как будто парят в небе. Удивительной легкостью и красотой покоряют вершины Эльбруса.

Кунаком Ярошенко на Кавказе до самой своей смерти был Исмаил Мирзакулович Урусбиев. Ярошенко знал и глубоко понимал проблемы, волновавшие Исмаила Урусбиева. Об этом говорит его картина «Песня о былом», поражающая психологической глубиной и реалистичностью. Центральной фигурой картины является Исмаил Урусбиев, знаток горских песен и мелодий. Одинокая фигура в центре картины — стилистический прием Ярошенко — по своей художественной сути приближается к портрету. Н. А. Ярошенко считается прекрасным портретистом-психологом. Им создана целая галерея портретов: писателей М. Е. Салтыкова-Щедрина, Л. Н. Толстого; художников И. Н. Крамского, И. И. Шишкина; Л. В. Позена, А. Я. Герда... В этом ряду портрет Исмаила Урусбиева отличается органичное сочетание природы, человека и его духовного мира. В этой картине перекликаются эпохи, история и современность. Ислам Крымшамхалов учился изобразительскому мастерству у своих друзей — художников-передвижников. Возможно, влиянием Ярошенко объясняется неизменный интерес Ислама к небольшим психологическим этюдам. Им написаны прекрасные картины — психологические портреты «Мать и малыш», «Мальчик-карачаевец»; «Портрет молодой женщины», «Старик-карачаевец», «Ярошенко на этюдах» и др. Из написанных им пейзажей сохранилось очень мало. Это «Сосна», «Стоги», «Аманауз». «На опушке леса», «Шайтан кала», «Доммай ёлген», «На верховьях Муху», «Бадукские озера», «Черное озеро» и др. Большая

часть живописного наследия И. Крымшамхалова утеряна. Мы бы не знали о создании картин «Вершина Бели алаккая», «Вершина Доммай ёлген издали», «Ледник Аманууз», «Вершина ледника Птыш», «Часть Клухорской тропы», «Клухорское озеро», если бы не книга профессора физической географии И. В. Мушкетова «Геологический очерк ледниковой области Теберды и Чхалты», которая была иллюстрирована перечисленными рисунками⁵. Подлинники их не найдены.

Ислам Крымшамхалов помогал экспедиции Мушкетова при проведении геофизических, топографических исследований северо-западного участка Кавказского хребта. Мушкетов писал об Исламе: «Заведует общественными караचाевскими лесами поручик И. Крымшамхалов, художник и отличный знаток Карачая; он полезен мне был в организации каравана и подборе проводников, а также своими прекрасными рисунками...»⁶.

Первая исследовательница творчества Ислама Крымшамхалова Е. Польская отмечает, что «в 1905 году в студенческой аудитории Москвы он гневно выступил против царского самодержавия в отношении к народам Кавказа»⁷. Ислам Крымшамхалов в 1905 году некоторое время жил в Москве, учился в художественной школе по рекомендации Н. А. Ярошенко. Однако он вновь был вынужден покинуть Москву из-за ухудшившегося здоровья. В Москве он безуспешно пытался открыть персональную выставку. Персональная выставка картин И. Крымшамхалова состоялась уже после его смерти, в 1911 году.

«Антология карачаевской поэзии» (Ставрополь, 1965) утверждает, что Ислам Крымшамхалов начал писать с 16 лет. Писал на русском и родном языках, занимался переводами стихов, басен, рассказов. В этой же книге говорится: «На сегодняшний день мы не смогли собрать все написанное им». Через 30 лет мы с сожалением должны констатировать — до сих пор ничего нового не прибавилось к тому небольшому кругу произведений И. Крымшамхалова, который был известен составителям «Антологии...».

Геноцид, постигший карачаевский и балкарский народы, не пощадил и их историко-культурное наследие. Были уничтожены книги, периодические издания и даже архивные документы — все, что касается исторической памяти народа. В этом ряду невосполнимых потерь книги, картины, музыкальные записи, рукописи литературных произведений, научных исследований составляют самую значительную часть.

Участь художественных произведений и картин И. Крымшамхалова была предрешена еще в 20-е годы, когда, согласно вульгарно-социологическим взглядам, все, что было связано с именами представителей дворянских сословий, подвергалось остракизму. И поэтому издавать, переиздавать, собирать, систематизировать их произведения считалось не только ненужным, но и вредным. До публикаций в «Антологии карачаевской поэзии» после установления Советской власти было опубликовано одно-единственное произведение Ислама Крымшамхалова — басня «Волк и кот» в книге А. Биджиева «Билим» — «Знание»⁸. Благодаря этой книге басня дошла до наших дней. Еще раз его имя было упомянуто в более чем осторожных строчках статьи И. Тамбиева «Изобразительное искусство горцев Северного Кавказа»: «В дореволюционное время мы мало знали горцев-художников. Вернее, знали хорошо, да и то больше как поэта Коста Хетагурова, очень мало Махарбека Туганова, и редко кто знал карачаевца И. Крымшамхалова, рано умершего одаренного живописца, также поэта, как Хетагуров. Здесь, кстати, надо отметить, что названные художники принадлежали к верхушечным слоям горских народов»⁹.

Имя Ислама Крымшамхалова известно в Карачае и Балкарии не только как писателя и художника, но и как общественного деятеля, интересы которого имели самый широкий диапазон. Ислам представлял и защищал интересы своего народа в различных общественных организациях и официальных структурах. Несколько лет он исполнял обязанности старшины аула Карт-Джурт, откуда был родом, заведовал общественными лесами, был почетным попечителем Тебердинского аульного училища, в 1892 году переезжает в Теберду и основывает там оздоровительный поселок. В эти же годы Ислам тесно сближается с Костом Хетагуровым, сосланным из Терской области в Кубанскую. Ислам и Коста были знакомы еще со времени учебы в Ставропольской гимназии. Жизнь Ислама тесно перекликается с судьбой К. Хетагурова. Карачаевская исследовательница творчества и биографии И. Крымшамхалова З. Боташева находит много общего как в их жизни, так и в творчестве¹⁰. Ислам и Коста рано осиротели, воспитывались у родственников, учились одновременно в Ставропольской гимназии, в один год (1888 г.) отправились в столицу — Санкт-Петербург, оба тяжело болели чахоткой, каждый из них прожил 46 лет, они умерли вдаль от родных гор, но, по настоящему их народов, были перезахоро-

нены на родине — в Карачае и Осетии. Последние годы жизни Коста были освещены дружбой с Исламом. Друзья вместе с инженером рудника «Эльбрус» Кондратьевым в 1892 году организывают творческий кружок, который многие годы привлекал в свои ряды просвещенных горцев Северного Кавказа. Летом 1892 года Ислам вместе с Ярошенко, Хетагуровым, Кондратьевым отдыхал в Карачае, в Теберде. Тогда же было решено обосновать в Теберде поселок для лечения туберкулезных больных — климатическую станцию. Предполагалось, что благотворное воздействие на лечение должны оказать условия высокогорья и лечебные свойства айрана. Основанный И. Крымшамхаловым поселок и сегодня служит базой для интенсивного курортного лечения больных туберкулезом и астмой. Окончательно поселившись в Теберде, Ислам тем не менее активно трудится на просветительском поприще. Он возглавлял просветительское движение в Карачае, много сил и времени, средств отдал открытию начальных училищ, школ в горных аулах.

Вместе с инженером Кондратьевым Ислам добивается открытия училища в Теберде. Он находит поддержку и помощь у таких видных деятелей просвещения Карачая и Балкарии, как Ильяс Байрамуков, Мисост Абаев, Солтан Байчоров, Шогъаиб Акбаев, Басият Шаханов, Хызыр Халилов и др.

Со дня основания училища И. Крымшамхалов являлся почетным блюстителем Тебердинского училища. После его смерти было открыто еще несколько школ в Теберде, в том числе Тебердинское женское дачное училище.

Прогрессивные общественные деятели Карачая и Балкарии конца XIX — начала XX века были озабочены поиском путей усовершенствования приходящих в упадок традиционных занятий горцев. Вместе со своими родственниками Урусбиевыми — Хамзатом и Александром, Дадашем Балкароковым Ислам Крымшамхалов делал неоднократные попытки внедрения новых форм хозяйствования в Карачае и Балкарии. В 1895 году он обратился в Кубанское областное управление государственных имуществ с просьбой о выделении ему участка земли для устройства молочного производства. «Для того, чтобы приохотить карачаевцев к разведению молочной породы, нужно ознакомить их, что молоко — ценный продукт, что сделать я имею в виду», — писал И. Крымшамхалов в своем прошении¹¹. Ислам, «чтобы лучше ознакомиться с молочным хозяйством в районах Российской Империи, посещал отдел

молочного хозяйства и скотоводства на Нижегородской выставке, образцовые фермы А. Герна в Смоленской губернии, молочные школы Верещагина в с. Едиминовка, Тверской губернии, и др. И. Крымшамхалов имел большую литературу по отраслям молочного хозяйства и скотоводства. Был хорошо знаком с практическими приемами молочного производства, варил сыр в небольшом количестве, готовил разных сортов масла, один год нанимал сыровара из школы Верещагина — С. Морозова», — пишет Р. С. Тебуев в статье «Первые сыроваренные заводы Карачаево-Черкесии». — Однако все просьбы Ислама Крымшамхалова были отвергнуты во всех инстанциях царской администрации... И. Крымшамхалову было отказано в выделении участка земли в аренду для устройства школы молочного хозяйства под предлогом, что он преследует «личные выгоды»... Об искренности задуманного им дела говорит тот факт, что И. Крымшамхалов как общекарачаевский представитель в течение 15 лет защищал интересы трудового народа»¹².

Последние годы своей жизни Ислам работал над созданием азбуки карачаево-балкарского языка на латинской основе, «находя, что арабский алфавит трудный и тормозит дело распространения грамотности, но умер, не успев издать своей азбуки»¹³. Его дело продолжил автор первых учебников для школ и училищ Карачая и Балкарии Исмаил Акбаев, любимый и талантливый ученик Ислама, который также взял на себя все заботы по дальнейшему развитию просвещения Карачая.

Ислам Крымшамхалов, не отличавшийся крепким здоровьем с детства, заболел чахоткой, находясь на службе в Конвое, и затем несколько лет периодически лечился в Ялте. Однако с каждым годом здоровье Ислама все ухудшалось, и он умер в Ялте или в конце 1910 года, или в начале 1911 года. Год смерти И. Крымшамхалова до сих пор указывался как 1910-й. Однако недавно был найден надгробный памятник И. Крымшамхалова в Теберде, где датой смерти называется 31 декабря 1911 года¹⁴. Можно допустить также, что эта дата может означать день перезахоронения Ислама на Тебердинском кладбище.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Хабичева-Боташева З. Б. Озарение души. Черкесск, 1985; Е. Польская. Поэт, художник, просветитель // Молодой ленинец. (Ставрополь), 1964. № 11.

² Аманатами были и потомки Ислама. Мальчики-подростки из кня-

жеских фамилий со временем чередовались. Об этом свидетельствует 2 документа из ЦГА Кабардино-Балкарии: «15 сентября 1851 г. Приставу Чегемского, Урусбиевского, Хуламского и Балкарского народов Хоруеву. По поручению г. начальника Центра Кавказской линии прошу сделать распоряжение о скорейшей высылке в Кабардинскую школу воспитанников: Адильгерия Крымшамхалова, Канамата Крымшамхалова, Асланбека Урусбиева и Зарахмата Шакманова, находящихся в Хуламе». «28 августа 1856 г. Приставу... Хоруеву. Приставу карачаевского народа было предписано доставить в Нальчик отпущенных на время в дома свои четырех аманатов, непременно к 1-го сентября. Войсковой старшина Мистулов ныне рапортом от 24 августа № 144 донес, что из числа требуемых аманатов в Карачае находятся только двое, а остальные — Крымшамхалов и Карабашев — как они известились, находятся на поруках у Урусбиевцев. Вследствие чего прошу Ваше Высочайшее благоволение, отыскав поручателей, приказать им доставить означенных аманатов в Нальчик, а вместе с тем поспешите с доставлением мне таковых и из подведомственных Вам племен... Полковник Попов. Нальчик» (ф. 31, оп. 1, д. 2, л. 100, 171).

³ Известия Кубанского областного казачества. Екатеринодар, 1910. С. 126.

⁴ Юхотников Н. Письма с Кавказа // Русское слово. 1861. № 4. С. 5.

⁵ Мушкетов И. В. Геологический очерк ледниковой области Теберды и Чхалты на Кавказе. СПб., 1896.

⁶ Там же. С. 3.

⁷ Молодой ленинец. 1964. № 11.

⁸ Издана в 1926 году в Москве.

⁹ Революция и горец. 1932. № 2—3. С. 117.

¹⁰ Ленин байрагы. 1990. 13 июля.

¹¹ ГАКК, ф. 454, оп. 1, ех. 946, л. 7.

¹² Из истории сельского хозяйства Карачаево-Черкесии. Черкесск, 1971. С. 103—104.

¹³ Цитата из некролога. Вот полный его текст, опубликованный в журнале «Мусульманин», в 1911 г., № 6—7:

«Памяти умершего в Ялте Ислам-бия Крымшамхалова.

Покойному Ислам-бию Крымшамхалову от роду было 46 лет. Происходил из карачаевских «биев», родился в ауле Карт-Джурт Баталпашинского отдела Кубанской области. Как мусульманин, он читал Коран и прекрасно знал по-арабски, хотя специального образования не получил и нигде не учился. В возрасте 16—17 лет был взят на службу в Конвой Его Величества в Петербург и, служа там в течение 3 лет, самоучкой выучил русский язык и грамоту, и, кроме того, в нем обнаружился художественный талант. Рисовать он начал также без руководителя. Окончив срок службы и произведенный в офицеры, он возвратился домой, где продолжал самообразование путем усиленного и постоянного чтения и писал картины с натуры. Любил больше философские произведения и был поклонником Л. Н. Толстого. Чуждый по природе человек, он не мог остаться чуждым к общественной жизни, тем более в темной своей среде, и в последние 15 лет почти всецело был поглощен общественными делами своего карачаевского народа, стремясь, главным образом, к распространению познаний среди народа. Старался об улучшении материального положения населения, ни одно хорошее дело не проходило без его участия. Между прочим, заметив, что страшный бич народа — туберкулез распространяется и на Кавказе, он наметил чудный уголок с сосновым лесом и минеральными источниками в верховьях р. Теберды (приток Кубани)

под ледниками и решил создать там климатическую станцию. Для этого он сам выстроил там дом, переселился туда, переноса всякое лишение, ввиду отсутствия населения и т. п. неудобств, и путем рекламирования и пропаганды, обратил всеобщее внимание, благодаря чему начали возникать дачи, и теперь официально решено там создать курорт. Специалисты это место уже называли «Кавказский Давос». Но бедняга сам погиб от туберкулеза. Дело в том, что, к несчастью, некоторые известные художники, посещавшие Кавказ, обратили внимание на его художественный талант и лет 14 тому назад уговорили его поехать в Москву и заняться теорией искусства. Он отправился и поступил в художественную школу, но в 1-й же год схватил чахотку в Москве и возвратился больным домой и, хотя под влиянием климата и других условий Теберды поражение легкого зарубцевалось, но организм был расслаблен, а натура не давала ему возможность вести спокойную и правильную жизнь, и он преждевременно погиб. Последние два-три года он, между прочим, работал над изобретением азбуки для карачаевского языка, применением латинского алфавита, т. е. арабский алфавит трудный и тормозит дело распространения грамотности, но умер, не успев издать своей азбуки.

У покойного детей нет, остались жена и братья. Они, оба офицеры, на службе, но один из них приехал с тем, чтобы больше не возвращаться в полк и остаться дома.

Мир праху дорогого земляка и единоверца. Да будет твоя жизнь примером для нас, жаждущих принести посильную помощь своему народу. Пожелаем, чтобы мечты дорогого покойника осуществились в полном объеме. Пусть могила твоя вечно зеленеет и служит местом вдохновения для слабых духом и волю.

Биографические сведения о покойном Ислам-бие сообщены нам его лучшим другом Мисостом Абаевым, за что редакция приносит ему сердечную благодарность.

Редакция».

¹⁴ Ленин байрагы. 1990. 11 августа.

ИЗ КАРАЧАЯ

Гнездо Карачая составляют три больших селения: Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук. От этих 3 селений отделились части и образовали еще 7 сел. Эти селения друг от друга разбросаны на значительное расстояние — в среднем 25—40 верст. Во всех 10 селениях выстроены хорошие мечети, правления, школы и несколько ремесленных мастерских. В последнее время открыты у нас 3 общественные аптеки, одна из коих ветеринарная, хотя о существовании последней (в селении Осетинском) мало из карачаевцев кто знает, и карачаевское почтовое отделение. Ко всему исчисленному следует еще добавить, что мы, наконец, имеем и акушерку-фельдшерицу. Учреждение этой должности составляет последний шаг нашего прогрессивного движения и в то же время является первым и единственным выражением заботы о нашей забытой женщине. Желая такому почину успеха, я, очевидец, хочу посвятить несколько строк деятельности акушерки Богословской.

Я приехал за нею в селение Учкулан — место ее постоянного пребывания, — чтобы пригласить к больной... Большая зала (приемная), комната для акушерки, аптека и еще одна комната для фельдшера. В зале ждут очереди много больных, бурно разговаривающих. На одной стороне зала, за ширмами, слышим громкие женские голоса. Мне указали, что «она» там. Стал я к ширмам ближе, прислушиваюсь. Одна женщина (русская) расспрашивала другую (карачаевку) о ее болезни... И сколько надо было времени и труда для подобного рода объяснений при помощи смеси обоих языков, а между тем много ожидало больных. Фельдшер тоже был занят работой в аптеке. Я добрался до акушерки, высказал свою просьбу, но она объявила мне, что ранее трех дней не позволят дела ей ко мне приехать. Приехав к сказанному сроку, я должен был ждать ее с 8 час. утра до 3 час. дня, а она все время работала, не зная ни отдыха, ни голода. Я мог в это время слышать и наблюдать все, что тут происходило: одни деспотично требовали от нее, чтобы она шла к их больной за несколько верст, так как они не имеют ни быков, ни лошади, а больная не могла прийти сюда, а другие предлагали ей верховую лошадь и требовали к себе, не обращая внимание на заяв-

ление фельдшерицы-акушерки, что она никогда еще не ездила на лошади, но все доводы были бессильны! Спорившие из-за очереди нелепо упрекали ее в медлительности; были и угрозы. Как она должна была ухитриться, чтобы угодить всем. Так прошло до 3 час. Наконец, с трудом освобождаясь, она наскоро пообедала и должна была, не отдыхая, ехать со мной.

Но и тут, перед самым отъездом, какой-то оборвыш-франт стал перед ней, держась за кончики закрученных усов, требуя отпустить ему такое средство, чтобы усы держались «так», и на заявление, что нет в ее распоряжении требуемого средства, он не только не поверил, но обиженно сетовал на лишение его прав в получении из общественной аптеки необходимого средства для внушения усам должного повиновения.

И. К р ы м ш а м х а л о в

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МУСУЛЬМАНИН»

Многоуважаемый Магомет-Бек!

Приехав в Владикавказ, я остановился у своего родственника, ротного командира при кадетском корпусе, и нашел случайно на его столе декабрьскую книжку «Мусульманский отдел», что было для меня приятнейшей находкой. Я прочел ее с лихорадочной радостью.

Читая эту книжку, я испытывал то чувство, которое должен испытывать человек, заброшенный судьбою на долгие годы в чуждый для него край, при неожиданной встрече с своими близкими.

Не могу, однако, не высказать своего суждения по поводу двух писем, помещенных в вашей статье и характеризующих современное положение мусульманских народностей, главным образом, Северного Кавказа, по отношению их к культуре и цивилизации. Здесь затрагивается насущный вопрос наших дней, то есть просвещение горцев вообще.

Прежде всего, я далек от мысли критиковать современное направление или искать во всем дурное, наоборот, в этих письмах я слышу вопль страданий из-за любимых; и трудно сказать, кто из авторов этих писем меньше или больше любит свой народ. Несомненно, они оба жаждут

правды и хотят доставить вернейший диагноз дорогому, близкому пациенту: да простится им их ошибка.

Соглашаюсь вполне с тем, что мы, кавказские горцы (мусульмане в особенности), отстали в отношении цивилизации, как принято это понимать, но, в то же время, скажу с уверенностью, мы еще легко можем наверстать упущенное при наличии тех особенных элементов, коими обуславливается древо горцев. Я хочу сказать несколько слов, главным образом, о причинах медленного привития образования у нас, думая, что именно с этой стороны надо подходить к важному для нас вопросу о просвещении наших отставших единоверцев. Конечно, исчерпать все причины, служащие тормозом в этом деле, я не берусь, но укажу из них, по моему мнению, на главные.

Прежде всего, не следует горцев Северного Кавказа ставить на один уровень с некультурными классами других народностей. Если у наших горцев отсутствуют знания чисто научные, то зато у них развит в высшей степени культ воспитания, между тем как к этому важнейшему вопросу лишь приближается наикультурнейшая Европа. Все несчастье заключается в том, что нас не понимают представители современной цивилизации (наоборот); и в том еще, что нас не удовлетворяет та культура, которую они преподносят нам в виде собственных особ. Одна лишь внешняя, так сказать, материальная сторона подобной культуры могла бы заманить к ней, но это не есть главное для горца, и ему нужно еще многое.

И в самом деле, что из себя представляет значительная часть, именуемая цивилизованным обществом, в смысле светлого, хорошего или полезного? К сожалению, нам, горцам, приходится сталкиваться постоянно с этой частью общества, и она окружает нас бронью, через которую и проникают к нам лучи просвещения. И что может горец, с его характерным мирозерцанием, найти для себя привлекательного в этой среде, которая старается предложить ему ее культуру, иными словами — уподобиться ей...

Может ли воспринять такую гнилую культуру горец, ставящий высоко доверие, душевную теплоту; горец, воспитанный в принципах скромности, воздержания и почитания возраста, положения и т. д. и т. п.

Не подумайте, однако, что я хочу идеализировать горца, сказать, что все только хорошее присуще одному ему, или что все горцы одинаково обладают хорошими качества-

ми души и натуры; нет, да они и не нуждаются в этом: люди — везде люди. Но скажу с твердой убежденностью, что в душе горца сидит основательно и верно очерченный облик хорошего человека, — которому он поклоняется. И является ли это плодом его сознания или навязано ему заветами его предков, — несомненно одно: облик этот вошел в его натуру, или вернее, запечатлелся в нем, сделался его богом. И вот лишь из рук носителя этих принципов горец с радостью примет факел просвещения. Если бы каким-либо способом было бы возможно показать горцу на экране внутренний и внешний облик людей — истинного, интеллигентного, добавлю, культурного класса Европы, то горец заключил бы их в свои объятия и сказал бы громко: «Я поклоняюсь тому, чему поклоняетесь вы, я буду верен вам, как вы верны свету и правде...»

Не могу умолчать и о том, что во многом виновны наши собратья, получившие европейское образование, в деле отталкивания от последнего, но сохрани меня Аллах от упреков и раздражения.

Кто знаком с условиями, среди которых протекает современная жизнь горцев, тот простит им все, что есть нехорошего в их настоящем прозябании. Удивляюсь, как при таких обстоятельствах каким-то чудом еще уцелело много бывшего, хорошего у нас, а потому высшее признание наших образованных братьев должно заключаться прежде всего в понимании *былого хорошего у нас*, в оценке и любви их к нему. Нужно сделаться научно просвещенным человеком, но безусловно и обязательно оставаться горцем и по воспитанию, и по духовному складу; стать естественным продолжателем древа горцев, не отрываясь от него и не чуждаясь благодарных, хотя и наивных, быть может, сородичей.

Поверьте, что лишь при таких условиях мы, образованные горцы, станем действительно соединительным звеном современной культурной жизни с жизнью наших, пока темных братьев. И это — самое главное и трудноустранимое препятствие из всех, лежащих на пути просвещения горцев-мусульман.

Чтобы не быть ложно понятым, поясню точнее. Я вовсе не хочу именем *древа* выращивать особое растение, я хочу лишь сказать, что не все хорошо, что носит европейскую пломбу, и что много хорошего в былой жизни горцев, могущих быть истинным украшением короны европейской цивилизации. В этом мое глубокое убеждение.

Простите, дорогой Магомет-Бек, что я, быть может, не совсем ясно выразил свою мысль, но думаю, что вы меня поймете, и что я хотел сказать, для вас совершенно понятно.

И с л а м - Б и й К р ы м - Ш а м х а л

*Селение Теберда, Георгиевско-
Осетинское Почтовое Отде-
ление Кубанской области*

КАРАЧАЕВСКОЕ ГОРЕ

(Кубанские очерки)

I

Еще одно усилие — и старый Али спустится на долину. Закутанный в бурку и башлык, он с трудом тащит худую лошаденку, которая едва-едва волочит ноги, ежеминутно спотыкаясь. Вот виднеется деревянный мосток и конец горной тропинки. Слышится шум бурливой реки, а за нею широкая ровная дорога, которая начинается сейчас же за поворотом после узкого ущелья. Группа темных пихт кажется черными, и воздух в них свежий. Старик спешит выбраться на долину, но изнуренная и тощая лошаденка никак не хочет следовать быстрее, и Алию приходится тащить ее силой. Выбравшись, наконец, из ущелья, он остановился и, перебросив уздечку через голову лошади, отошел в сторону. Некогда лихой скакун — старый конь тяжело вздохнул, точно обрадовавшись минутной остановке. Хозяин жалел своего верного друга и все время, пока шла горная тропинка, следовал пешком. Али тревожно оглядывался, внимательно осматривая землю. Можно было подумать, что старый карачаевец что-то ищет.

В то время из леса по другой дороге неожиданно подъехал всадник.

— Салам-алийкум,— проговорил он. — Что ты потерял здесь?

— Алийкум-салам,— быстро ответил старик. — Ничего я не потерял, а просто траву ищу. Нечем накормить коня.

— Еге, да ведь сегодня только начался март. Дай пройти ему, и трава покажется. Напрасно время теряешь. Садись на коня и поедем, мы, кажется, попутчики. — С этими

словами, не ожидая ответа, Осман слез с коня и помог старику поместиться в седло.

Вскоре они ехали рядом, причем Али поместился, согласно обычаю, с правой стороны, как старший по годам.

— Вот ты говоришь подождать до конца марта,— начал старик. — Легко сказать. Для людей, у которых денег много, это действительно нетрудно, а человеку, в амбаре у которого охалка сена и скотина еле держится на ногах, март твой кажется бесконечным.

— Плохо, что и говорить. Теперь сено не дешево. Рублей пятнадцать возок, да и того не достанешь. А ведь раньше у тебя, Али, сена было вдоволь и скотина была сыта по горло. Что с тобой стало?! Силы нет, что ли?

— Я действительно не молод, но не в этом дело, Осман. Времена изменились¹. Ты, вот, вовремя распродал свой скот и умно поступил. Лет шесть тому назад цена стояла, а деньги ведь сена не требуют. Очень жалею теперь, что не последовал твоему примеру. Распродай я свой скот, был бы с деньгами и мало думал бы о сене, а теперь — и денег нет, и скот пропадает без корма. Незаметно исчезает он у всех наших. А ведь у кого, как не карачаевцев, должен быть скот, всем это известно. Ты знаешь, лет шесть-семи тому назад можно было еще у казаков заарендовать зимовник недорого, а теперь — хоть ложись и умирай. Всю землю захватили проклятые тавричане²; и откуда только шайтан их принес: видно, за грехи наши. У этих кяфиров денег без конца и края, точно они их сами делают, право. Их овца дает шерсти на три-четыре рубля, а наша — на двадцать копеек. Где нам тягаться с ними. Прежде тавричане держались внизу, на хороших ровных местах, и нам оставалось место в горах на удобных землях, а теперь они полезли и сюда и загнали нас совсем к снегам,— там нам смерть.

— Ты, Осман, говоришь что я стар,— продолжал, воодушевившись, Али,— разленился и сена не сумел заготовить. А где, скажи на милость, достать его? Я готов был старыми руками рвать траву на камнях, но ее и там не было. Кое-как заарендовал я у казаков зимовник под самыми снегами. Ты знаешь это место?

— Далеко ты забрался, Али.

— Нужда все делает. Однако, откуда найдешь столько сена? Пониже, в другом месте, можно было хоть на подножном корме перебиваться, но снег по колено,— где скотине искать траву? Так что сено до зарезу нужно, а его нет и достать неоткуда. Можно ли скотину всю зиму кормить

сеном? Этак уйдешь с палкой. Еду теперь поискать возков пять сенца. Здесь земля черная, и есть что пощипать коню, да и силы хватает передвигаться на собственных ногах. Боюсь, как бы скотина не слегла, пропадай все тогда.

— Да, невеселые дела у тебя, Али. Беда, видно, со скотом возиться.

— Эх,— со стоном вырвалось у старика,— одно горё с ним. Не хозяин ты, а хуже батрака. Ходишь, ходишь за ним круглый год без отдыха: не ешь, не пьешь, не спишь, а вырастишь бычка или жеребчика — на базар, и денежки — казаку за землю. Умно ты сделал, Осман, право. Скот продал, а денежки в карман сложил; хорошо с ними. Но как подумаешь о том, что если мы все, карачаевцы, скот свой распродадим, ведь с голоду или с тоски пропадем. Другого дела не знаем; хлеб посеять негде, да и не растет в горах. Какая наша доля.

Старик умолк, шевеля губами. Молчал и веселый Осман.

И с л а м - Б и й К р ы м - Ш а м х а л

БЕРЮ БЛА КИШТИК

Аманлыкъны къоймагъан,
Ашап ашдан тоймагъан,
Чегетледе, тапхырда,
Кёлекгеде, салкъында,
Къуйрукъ учун къайырып,
Бёрю деген жашаед,
Мал эслесе жайылып,
Тута эд да, ашаед.
Урлагъандан талмай эди,
Улакъ-туумакъ айырмай,
Бир кечени къалмай эди
Сыртха, къолгъа жайылмай.
Итле алып, туайлап,
Мараучула чапдыла,
Мыллыклагъа сойланып,
Уручуну тапдыла.

Къуйругъундан, къойнундан,
Къулагъындан, бойнундан
Жабышдыла, къапдыла,

Ёрге-эншге тартдыла,
Хахай этип, сермешип,
Жагъалашып, ёрлешип,
Арты, аллы жулкъунду,
Кючден-бутдан къутулду.
Къаты туруп талагъы,
Хыр-хыр этип тамагъы,
Аузу, тили ачылып,
Силегейи чачылып,
Эрни-бурну къан болуп,
Тёрт санына тер уруп,
Бёрю келди тийреге —
Бугъунургъа юйлеге.
Арбазлагъа кирирге
Адамладан къоркъаед,
Тынчырагъын билирге —
Ёрге-эншге жортаед.

Юй артында ойланып,
Кёкге къарап эснеди,
Кюнтууушда сойланып,
Бир киштикни эследи.
Кёзлеринден тёнгереп
Жилямукъла ташлады,
Къуйругъундан чөгелеп,
Былай айтып башлады:
— Киштик, жаным, акъыллы!
Манга ушкок атылды,
Мени сюрюп жетелле —
Саудан тулукъ этелле.
Арбазлада, юйледе,
Сен жашагъан тийреде —
Намысына уяллыкъ,
Кимди къонакъ къояллыкъ?
Киштик турду кёрюрге,
Жол кёргюзтдю бёрюге:
— Салам айт да, кир юйге —
Кийик улу Алийге.
— Алийгеми?
— Алийге.
— Арбазында парийге
Тууайлатып тутдуруп,
Хатерими кёрмейин,
Мени саулай жутдуруп:
Кёп болмайын жууукъда,

Жауун кече сууукъда,
Бау ичине кирмейин,
Арбазында жатханем,
Къарангыда билмейин
Таначыгъын къапханем.
— Шахым улу Чомакъгъа
Барсанг, алыр къонакъгъа.
— Ортабызда тил жюрюп,
Хатам жокъду, мен билип.
Ол айтыудан, жети мал
Аны манга дерти бар.
— Бусагъатдан, мычымай,
Башынг къалды айыпха,
Сен салып бар, жунчумай,
Батчаланы Наипха.
— Найып мени жаулайды,
Бир текечик даулайды.
— Жорт, алесе, алайгъа —
Лайпанланы Шамайгъа.
— Шамайгъамы?
— Шамайгъа.
— Тас болгъанды бек эртте
Бир бугъачыгъы жеркде,
Ким этгенин билмейди,
Мени аны ючюн суймейди!..
— Аманлыкъгъа юйренип,
Къарнынг жерге суйрелип,
Сагъыш этсем, къорарыкъ,
Хаталадан тѣбесе,
Сени юйюне къоярыкъ
Киши жокъду, кѣресе.
Кесинг сюрген сабанлыкъ —
Санга азыкъ-аш болду,
Кесинг этген аманлыкъ —
Таякъ болду, таш болду!..
Киштик сѣзюн бошаргъа
Итле бла уучула,
Хырылдашып, жетдиле,
Ура кирип, бѣрюню
Саудан тулукъ этдиле.

АБАЙЛАНЫ ФАТИМАТНЫ ДЕФТЕРИНЕ

Фатя, тийиншли бол, ишли бол,
Тырнакълы бол, тишли бол,
Турма кибик, кючлю бол,
Қъайын анангы бишир, кюйдюр,
Баш иенге бек суюдюр,
Сакъалындан кѣп тутма,
Хам деп ичинге жутма.

МИСОСТ АБАЕВ¹

(1857—1928)

Десять лет назад К. Азаматов и Х. Хутуев, предваряя свое исследование жизни и творчества Мисоста Абаева, писали: «Авторы не претендуют на всестороннее освещение жизни и деятельности М. К. Абаева. Без сомнения, что по мере развития исторической науки будут обнаружены новые материалы о нем, которые помогут полнее раскрыть его общественно-политические взгляды»². Эта книга, содержащая в приложении статьи Мисоста Абаева, существенно обогатила наши представления о развитии общественно-политической и, в какой-то мере, эстетической мысли Балкарии конца XIX — начала XX века. Биография просветителя, его взгляды на развитие общества, исторический путь балкарского народа, этнографические разыскания, просветительские идеи освещены с достаточной полнотой. В то же время эта книга послужила толчком для дальнейшего исследования формирования и развития как просветительства в целом, так, в частности, жизни и деятельности М. К. Абаева, оказала неоценимую практическую помощь историкам, литераторам, этнографам, фольклористам, педагогам. Выйдя тысячным тиражом (в условиях Кабардино-Балкарии этот тираж считается вполне приемлемым), книга о Мисосте Абаеве сразу же стала библиографической редкостью. И на сегодняшний день по индексу цитирования она, пожалуй, займет первое место среди книг по истории Балкарии, вышедших за последние десятилетия.

Как отмечалось, жизнь и творчество М. К. Абаева освещены авторами книги «Мисост Абаев» достаточно полно и объективно, однако выявленные нами новые биографические сведения позволяют дополнить знания о творчестве и общественной деятельности балкарского просветителя, расширить круг его знакомых и единомышленников, обозначить основные этапы его творчества, привлечь к анализу публикации из периодических изданий, не вошедшие в настоящую книгу.

Судьба каждого человека в какой-то мере обуславливается тем историческим периодом, свидетелем которого суждено ему стать. Мисост Абаев родился в середине XIX века, в период фактического присоединения Балкарии к России, когда Балкария с надеждой обратилась к России, видя перспективу своего дальнейшего исторического пути в единстве с ней. Эти идеи проводили прогрессивные общественные деятели Балкарии. Среди них были и представители княжеской фамилии таубиев Абаевых — поступившие на военную службу Кургоко, Эльмурза, Басият, Мисост (старший), Асланбек (отец известного скрипача Султанбека Абаева)³. В тот период сам факт несения службы в русской армии был смелым шагом, общественной позицией. Почему же Абаевы, в отличие от большинства других таубиев, так горячо восприняли факт сближения с Россией?

К середине XIX века княжеская фамилия Абаевых утратила былое могущество вследствие ухудшения своего экономического положения. Это, в свою очередь, было связано с тем, что «большая семья» Абаевых сильно разрослась, и, естественно, ее фамильная собственность — покосы и пастбища, не столь обширные изначально, были поделены на мелкие клинья. Закономерно сократилось количество скота. Все это со временем привело к тому, что большинство таубиев Абаевых не было в состоянии не только держать работников, но и оказалось по имущественному цензу ниже узденей и даже каракишей. Избежать крайнюю бедность некоторым из Абаевых помогла воинская служба. Но стоило им выйти в отставку, как проблема жизнеобеспечения неизбежно вставала с новой силой.

Как известно, последние полвека до революции Балкария испытывала крайнюю нужду в земле — покосах, пастбищах, а более всего — в пашне. Так, например, князь Бекович-Черкасский, отнюдь не благорасположенный к нуждам балкарских крестьян, еще в 1829 году предостерегал, чтобы во избежание столкновений кабардинцев и балкарцев первые не «селились на вершинах рек», ибо «спору (земельные.— Т. Б.) и распри не прекратятся и усилятся снова законопротивные действия»⁴. Но его предложение не было принято, и в проекте 1864 года вновь было «предложено отодвинуть от Нагорной полосы часть границы кабардинских земель, предоставив, таким образом, горским обществам пастбища в плоскостной части, а кабардинцев

вознаградить за имеющие отойти от них земли двумя участками так называемой кордонной земли, находящейся в их пользовании, но окончательно за ними не закрепленной». Но председатель поземельной комиссии, созданной при Кавказском наместнике Лорис-Меликове в 1863 году, Д. С. Кодзоков, как писал впоследствии М. Абаев, «принимал все меры к тому, чтобы вопреки проекту наместника, границы территории отодвинуть как можно дальше в горы... Кодзокову же обязаны горцы тем, что остались не приведенными в исполнение и предположения о перенесении некоторых кабардинских аулов, расположенных у самых выходов из горных ущелий... Таким образом, к горской территории земли не прибавилось, а, скорее, убавилось при межевании границ»⁵. Общий процесс ухудшения материального благосостояния балкарцев, естественно, также не мог не отразиться и на положении Абаевых. Однако неверно было бы объяснить тягу Абаевых к России только лишь стремлением поправить материальное положение. Многие из тех (не только Абаевых), кто нес военную службу в царской армии, служил в административных органах, сознавали прогрессивную роль России в дальнейшем развитии Балкарии, в этой связи возлагали большие надежды на полную экономическую независимость от феодальной верхушки Кабарды, на улучшение благосостояния народа, которое ухудшилось после 60-х годов XIX века в связи с деятельностью Д. Кодзокова.

В такой сложной общественно-политической обстановке формировалось мировоззрение Мисоста Абаева.

Отец Мисоста — Кучук несколько лет провел под арестом в г. Георгиевске за незаконное ношение оружия, несмотря на то, что разрешение на это ему было выдано начальником Нальчикского округа князем В. Орбелиани⁶. Выйдя из тюрьмы, он решает уехать в Турцию. Это решение было принято после неоднократных попыток улучшить материальное положение семьи. В 1865 году он «продал все свое движимое и недвижимое имущество, но внезапно скончался», — пишут авторы книги «Мисост Абаев»⁷, оставив без средств к существованию жену и малолетних детей. Что же побудило Кучука Абаева искать счастья в незнакомой «земле обетованной» — «муслиман топракъ», как называли балкарцы Турцию и страны Ближнего Востока? В 60-е годы XIX века происходило массовое переселение мусульманского населения Северного Кавказа в страны Ближнего Востока. Причин к тому было несколько. По утверждению историков, оно было связано с поражением

движения Шамиля и усилением колонизаторской политики царизма на Кавказе. Немаловажной причиной переселения определенной части горцев, видимо, следует считать и религиозные побуждения. В основе переселения в Турцию для большинства переселявшихся балкарцев была все же иллюзия на возможность более обеспеченной жизни.

Кучук Абаев рано приобщил своих детей к грамоте. Его сыновья Мисост и Индрис с детства изучали арабскую грамоту в примечетском медресе. Впоследствии Индрис сам открыл такое медресе в ауле Кашхатау.

После смерти Кучука родственникам удается устроить семилетнего Мисоста в Нальчикскую горскую школу казеннокоштным учеником, т. е. на обучение за казенный счет⁸.

Нальчикская горская школа была открыта в 1861 году, согласно уставу 1859 г., который предписывал обучать в горских школах детей русских офицеров и чиновников, а также «доставить возможность юношеству из беднейших дворян и других почетных сословий горских племен получить некоторое образование»⁹. По своим правам и учебным программам горские школы приравнивались к уездным училищам. Учащиеся, окончившие горские школы успешно, принимались без экзаменов в училища и гимназии. В горских школах, в отличие от уездных училищ, наряду с православным преподавалось и магометанское вероучение. Назначение этих школ соответствовало просветительскому, вернее колонизаторскому, курсу царизма на Кавказе. Дети привилегированных сословий из коренных национальностей, окончившие горские школы, должны были исполнять обязанности переводчиков, мелких чиновников в административных органах округа и в аулах. Редко кто из окончивших горскую школу имел возможность стать по-настоящему образованными людьми и приносить конкретную пользу народу. Несмотря на все ограничительные меры при приеме в горские школы, несовершенства системы образования, они имели, несомненно, большое значение в просвещении и образовании народов Северного Кавказа.

В Нальчикской горской школе Мисост успешно учится, особенно ему удаются математика, естественные науки. Узнав об успехах Мисоста, двоюродный племянник Кучука, известный музыкант и скрипач, к тому времени преподаватель Владикавказской гимназии Султанбек Абаев в свой приезд летом 1870 года в Балкарию настаивает на продолжении им учебы. Осенью 1870 года Мисост Абаев был зачислен в первую Владикавказскую гимназию. Одно-

временно с Мисостом в гимназии учились мальчики из балкарских ущелий — Сафарали Урусбиев, Кайтук Абаев (брат Султанбека) и др. Во Владикавказской гимназии обучалось до 100 мальчиков-горцев. В гимназии уделяли большое внимание всестороннему развитию своих подопечных. Особое значение придавалось обучению языкам, истории, математике. Достаточно сказать, что 27 часов отводилось изучению иностранных языков, 31 — математике, истории — 12. Но вместе с тем количество часов, отведенных на изучение естественных предметов, было незначительным. В гимназии был шестилетний срок обучения. Сохранились документы, по которым можно судить о том, что все пять лет обучения в гимназии Мисост Абаев был в числе сильных учеников. По всем предметам при переводе в следующий класс он аттестовывался на «4» и «5». В становлении мировоззрения Мисоста Абаева большую роль сыграло то обстоятельство, что в период его обучения в гимназии учителем музыки был Султанбек Абаев. «Воспитание соотечественников, каковыми он считал не только балкарцев, но и других горцев Кавказа, привитие им эстетических вкусов, пробуждение в них, посредством воздействия музыкой, чувства прекрасного и возвышенного было его давней мечтой. Абаев с увлечением взялся за новое для него дело, и уже через полгода сформированный им оркестр из воспитанников смог исполнить «небольшую пьеску»¹⁰.

Не будет преувеличением сказать, что годы учебы во Владикавказской гимназии (1870—1875 гг.) определили дальнейшую судьбу Мисоста Абаева.

С середины XIX века Владикавказ стал административным центром Терской области, и, естественно, город быстро рос. Начала развиваться промышленность — появились заводы, фабрики, шахты, рудники. Вслед за развитием промышленности стала расширяться сеть культурно-просветительских учреждений: библиотеки, школы, театр, училища, гимназия. В Осетии зарождается светская интеллигенция, которая начинает вытеснять с общественной и культурной арены духовенство. Культурно-просветительская деятельность интеллигенции, в отличие от деятельности представителей духовенства, охватывает более широкие вопросы общественной жизни: просвещение народа, открытие медицинских учреждений, совершенствование судопроизводства (в частности, введение института присяжных поверенных), выявление несовершенства и несоответствия велениям времени сословных отношений... Обучаясь в 4-м классе

Владикавказской гимназии, Мисост знакомится с народо-вольцами и становится активным членом созданного в 1874 году «Владикавказского кружка революционных народников». Кроме Мисоста из балкарцев активным членом кружка назван и Кайтуко Абаев — брат Султанбека Абаева. Ядром владикавказского кружка была возвратившаяся из России революционная молодежь — братья Индрис и Ибрагим Шанаевы, Алихан Ардасенов, Ефим Газданов, М. Баев, Д. Сохиев. Во Владикавказе к ним присоединились И. Рождественский, В. Кизер, Х. Ророк, А. Охрименко, М. Бузилова и др. Народолюбцы впервые заявили о себе, открыв подпольную библиотеку во Владикавказе. Книжный фонд революционной библиотеки в основном был составлен из переправленной из Петербурга и Москвы нелегальной литературы¹¹.

Существует довольно обширная литература, освещающая деятельность Владикавказского революционного кружка¹². И в этой литературе Мисост Абаев проходит как активный член революционного кружка народников. Впервые в этой связи имя Мисоста Абаева упоминается в биобиблиографическом словаре «Деятели революционного движения в России», вышедшей в Москве в 1929 году¹³. В ней приводится краткая биографическая справка о Мисосте Абаеве, заимствованная из докладов министерства юстиции России за 1878 год. Поводом для привлечения к дознанию, сообщается в докладе, послужило дело, возникшее в октябре 1876 г. в Тифлисе, о революционной пропаганде в Тифлисской и Кутаисской губерниях. Одновременно с биобиблиографическим словарем вышла работа Б. В. Скитского «Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии»¹⁴, где М. Абаев назван в числе реалистов — членов революционного кружка. Ценные материалы об участии Абаева в революционном движении народников содержат работы Н. М. Ардасенова¹⁵. В них кроме перечисления акций, в которых участвовал М. Абаев, имеются ссылки на переписку М. Абаева с кружковцами, на участие в пропагандистской работе среди гимназистов.

Что же привлекало Мисоста Абаева в этом кружке и каковы были побудительные мотивы его активного участия в революционном движении? Почему М. Абаев отошел впоследствии от активной революционной работы? Попытаемся ответить на эти вопросы, опираясь на биографический материал и творчество просветителя.

Мисост Абаев был вовлечен в революционную борьбу,

когда революционно-народническое движение России переживало второй этап (середина 1874-го — конец 1876 г.) — этап «хождения в народ». Характерными особенностями для владикавказских народников данного этапа были «развертывание просветительской работы и революционной пропаганды в народе, вовлечение в пропагандистскую работу учащейся молодежи, рабочих и женщин, усиленный поиск связей с русскими и грузинскими народническими кружками»¹⁶.

Руководители владикавказского кружка, как видно из документов, проводили большую работу среди учащейся молодежи Терской области, в частности среди гимназистов Владикавказа. Они выступали на тайных сходках, устраивали чтения запрещенной литературы в нелегальной библиотеке, есть сведения и о том, что были сделаны попытки подпольного издания листовок и брошюр. Цели и задачи кружка в этот период не ограничивались чтением и распространением среди молодежи Владикавказа, Нальчика, Моздока легальной и запрещенной литературы, содержащей идеи русских революционных народников. Владикавказские народники в 1875 году приступают к практическим делам. Ведут агитацию среди рабочего класса, больше вовлекают в свои ряды крестьянство, стараются открыть школы и библиотеки в селах. Владикавказцы наладили связь с тифлисским и кутаисским подпольем, снарядили отряд для помощи восставшей Сванетии.

Как известно из историографии владикавказского народничества, заседания кружков проводились на квартире, где жили Ардасенов, Сохиев и Абаев¹⁷, и в квартире сестер Назаровых, воспитанниц женской гимназии. На заседаниях кружка читали произведения Герцена, Добролюбова, Белинского, Чернышевского. Можно предположить, что Мисоста Абаева очень привлекла возможность помочь восставшим крестьянам Сванетии. Как человек, хорошо осведомленный о тяжелой борьбе сванов, отстаивавших свою свободу от притязаний соседних феодалов, М. Абаев рассказывал в кружке о нуждах соседнего с Балкарней народа. Со Сванетией Абаевы были связаны дружескими и родственными узами. М. Абаев, возможно, был даже инициатором организации такой помощи.

В конце 1875 года Алихан Ардасенов, руководитель кружка народников Владикавказа, отправляется в Сванетию с целью организации помощи восставшим сванам. «Вероятнее всего, Ардасенов был не один», — пишет Н. М. Ардасенов. Но самый близкий ему человек, актив-

нейший член кружка Д. Сохиев не мог выехать с Ардасеновым из-за болезни. В процитированной книге сообщается также, что Ал. Ардасенов получил в Тифлисе от товарищей по подполью 300 рублей. С кем же выехал в Сванетию А. Ардасенов и у кого он взял деньги? Возможно, на эти вопросы ответит документ из фондов ЦГИА Грузии — «Приговор почетных жителей Большой и Малой Кабарды и 5 горских обществ от 20 декабря 1875 г.». Из содержания документа явствует, что в своем приговоре доверенные от Кабарды и Балкарии удовлетворили просьбу М. Абаева о предоставлении ему 300 рублей для учебы в Тифлисском реальном училище. В училище он был зачислен 12 января 1876 года. Но вскоре они с Ардасеновым уезжают из Тифлиса: М. Абаев — в Нальчик, Ардасенов — в Москву, где 17 апреля он был арестован и заключен в тюрьму. Друзья по подпольному кружку, арестованные вслед за Ардасеновым, не выдали М. Абаева, и дело его было прекращено «за недостаточностью улик».

По свидетельству Б. В. Скитского, владикавказские родственники «послали в Сванетию вооруженный отряд для поддержания там народного восстания»¹⁸. Таким образом, деньги, взятые М. Абаевым, по всей вероятности, были использованы для нужд этого отряда.

Мисост Абаев вынужден был покинуть гимназию, когда начались аресты среди членов Владикавказского революционного кружка. В ноябре 1875 года ему было выписано свидетельство об окончании 5-го класса Владикавказской реальной гимназии. Неизвестно, каким образом М. Абаев получил свидетельство, где указывалось, что он прерывает учебу по собственному желанию и без ущемления прав. Возможно, этому содействовал Султанбек Абаев. Можно также предположить, что ко времени получения Мисостом свидетельства гимназическое начальство не было осведомлено о следствии по «Делу о революционной пропаганде в Тифлисской и Кутаисской губерниях». Конец 1875-го — начало 1876 года М. Абаев проводит в Грузии, а затем возвращается в Балкарию. Порвал ли он тогда же окончательно с революционным движением, неизвестно. Известно лишь то, что другие активные члены кружка, те, кто не был арестован, перешли на подпольную деятельность. Возможно, и Мисост не порвал с ними связи, продолжал подпольную работу, но, к сожалению, документов по этому периоду деятельности кружковцев сохранилось очень мало, что вполне объяснимо спецификой нелегальной работы. Но идеи, проводимые разночинцами-демократами, нашли

место в последующей деятельности М. Абаева-просветителя.

В конце августа 1876 года М. Абаев подает прошение начальнику Терского округа: «Желая приобрести право на аульного учителя, покорнейше прошу ходатайства Вашего высокоблагородия о зачислении меня в специальное отделение при Нальчикской окружной горской школе — для приготовления аульных учителей Терской области»¹⁹. Однако просьба его не была удовлетворена. Причина отказа неизвестна. Во всяком случае, на прошении не имеется резолюции и нет каких-либо других документов в архивном деле, подтверждающих, что М. К. Абаев был зачислен на курсы.

С 1876 года царское правительство усиленно начало готовиться к войне с Турцией. На Кавказе были сформированы конные полки из числа коренных народностей. М. К. Абаев вступил всадником в состав Кабардино-кумыкского полка 15 февраля 1877 года, 18 мая того же года, через 20 дней после участия в ночном бою против турецких войск, за проявленную храбрость был произведен в свой первый офицерский чин — урядник. 25 июля М. Абаев переводится в полк, состоящий при графе Лорис-Меликове, командующего отдельным Кавказским корпусом. «За отличие в боях против турок» М. Абаев награждается «Знаком отличия военного ордена 4 степени»²⁰ и «был произведен в корнеты с зачислением по Армейской кавалерии» 5 января 1879 года²¹. По тем временам, и тем более в горской среде, это было довольно высоким чином, чем объясняется и последующее назначение двадцатитрехлетнего Мисоста старостой Балкарского общества. Справедливости ради следует заметить, что очередного повышения воинского звания М. Абаев удостоился лишь через четверть века. Вероятно, начальство не очень было удовлетворено его деятельностью.

После окончания русско-турецкой войны, 17 августа 1878 года, Мисост Абаев был уволен, и вся его дальнейшая деятельность была связана со службой в административных органах Терской и Кубанской областей. Эта часть биографии просветителя меньше всего освещена в литературе. Но именно эти годы жизни Мисоста Абаева характеризуют его как человека прогрессивных взглядов на общественное устройство, как просветителя. Именно в эти годы особенно ярко и четко прослеживаются в его публицистике идеи революционных народников, идеи, вдохнов-

ленные книгами Чернышевского и Герцена, статьями Добролюбова и Белинского.

После участия в турецкой кампании Мисост Абаев несколько лет жил в Балкарии, избирался старшиной Нижне-Балкарского общества. В 1882 году он женится на дочери хаджи Джанхота Джанхотова — Гошаях. В отличие от других карачаево-балкарских просветителей и общественных деятелей — ровесников Мисоста, не нашедших понимания и участия в своей деятельности у своих супругов, семейная жизнь Мисоста сложилась удачно. Гошаях была его верным помощником во всех делах, прекрасной женой и матерью. Гошаях получила домашнее воспитание и образование, выучила арабскую грамоту, а затем и русскую. Мисост с семьей жил в Балкарии до 1885 года. 10 июня этого года его назначают переводчиком в Нальчикское окружное полицейское управление, где он проработал 2 года, в 1887 году Мисоста переводят во Владикавказский окружной суд. Что из себя представляла должность переводчика для Балкарии 100 лет назад? Помимо ведения дел в суде, Мисосту приходилось вникать во множество конкретных жизненных обстоятельств, приводящих горцев в органы правосудия. В первую очередь, это были тяжбы о земельных участках, их границах, спорных покосах и пастбищах. В архивах сохранились документы, где М. Абаев отстаивает интересы вдов и сирот, пытается защитить от несправедливого суда крестьян... Так, например, в архиве КБР сохранилось дело «О порубке жителями Балкарского общества леса, принадлежащего подпоручику Хамурзе Шаханову». В этом споре М. Абаев становится на сторону крестьян и защищает их интересы, заявляя, что самовольный захват и порубка леса происходят в виду тяжелого экономического положения крестьян вследствие завладения таубиями лесными угодьями Балкарии.

В 1881 году в Нальчике было образовано «Благотворительное общество». На пожертвования членов общества содержалась женская бесплатная школа в Нальчике, оказывалась денежная помощь студентам и немущим. Мисост Абаев был активным членом общества со дня его организации²².

Четыре года проработал Мисост Абаев во Владикавказском окружном суде. 2 декабря 1891 года его назначают командиром сотни Терской постоянной милиции. С 17 ноября 1892 года до декабря 1896 года Мисост Абаев — начальник Хумаринского участка Баталпашинского отдела Кубанской области. Постоянные перемещения по служ-

бе, несмотря на то, что усложняли жизнь все увеличивающейся семьи, давали М. Абаеву неоценимую возможность для наблюдений над общественной жизнью и бытом горцев. Он знакомился с их жизнью непосредственно в каждодневной своей работе, вникая в их дела и заботы, пополняя свои знания по истории и культуре народов Северного Кавказа.

И все же Мисост Абаев всегда стремился жить и работать среди своего народа, приносить ему конкретную пользу как на службе, так и в общественной работе. Он неоднократно подавал начальству рапорты о переводе его в Нальчикский округ. В декабре 1896 года М. Абаев назначается начальником 1-го участка Нальчикского округа (в участок входили села Кармово, Хасаут, пост Баксанский, Атажукинские аулы и др.) «по неимению мест в самом Нальчике»²³. С открытием вакансии в августе 1897 года Мисост Абаев обращается к начальнику округа С. В. Вырубову с просьбой перевести его на 2-й участок, в Балкарию. Однако донесение полковника Вырубова начальнику Терской области не оставляло надежды на перемещение: «Доношу его превосходительству, что корнет Абаев, будучи горцем Нальчикского округа, имеет много родственников и других связей с земляками, каковые отношения могут иметь влияние на его служебную деятельность, а потому я полагаю бы просьбу корнета Абаева относительно назначения его на должность начальника 2 участка отклонить»²⁴. Мисост же просил, что «если нельзя на вакансию 2 участка, то путем перемещения начальника 3 участка. При этом осмеливаюсь доложить, что я мог бы быть более полезным во 2 участке, как сам горец». Именно последним обстоятельством мотивировали отказ в просьбе Абаева и начальник Нальчикского округа, и начальник 3-го участка штабс-капитан Мокрицкий, интересы которого задевались. В этой служебной переписке любопытна докладная записка Мокрицкого. Вначале штабс-капитан обвиняет М. Абаева в том, что он якобы стремится в 3-й участок для защиты «родственников, отчаянных воров и конокрадов». И тут же, в следующей фразе, он опровергает свои сентенции: «В 3 участке нет недоимков, нет разбоев. Воровства сравнительно мало. Народ спокойный и исполнительный. Открывается пятью селами школа грамотности. Традиционные туземные подношения мною искоренены...»²⁵.

Последствия этой служебной переписки были таковы, что М. К. Абаеву даже при наличии вакансии не удалось устроиться в 1897 году на службу в Балкарию. Однако он

упорно и настойчиво добивается своей цели и в октябре 1898 года назначается начальником 2-го участка, куда входили Балкарское, Хуламо-Безенгиевское, Чегемское, Урусбиевское общества и сел. Кёнденен. На этой должности он прослужил до 1905 года. Именно в период работы в Балкарии написана просветителем основная часть его статей и очерков. Темы для своих публикаций М. Абаев черпал из повседневной жизни, из легенд и преданий, записываемых им из уст стариков-горцев. Для своих публикаций М. Абаев широко пользовался статистическими данными, публикуемыми статистическим комитетом Терской области, архивными и литературными источниками.

С 1906 года до февральской революции 1917 года М. К. Абаев работает вначале помощником, а затем начальником 1-го участка Баталпашинского отдела Кубанской области. В этот участок входили карачаевские аулы с центром в Баталпашинске (ныне г. Черкесск). Согласно официальным данным, к 1908 году количество дворов в Баталпашинске достигало 2466 с населением 16 592 чел.²⁶ По своему статусу должность начальника 1-го участка являлась должностью помощника атамана Баталпашинского отдела Кубанского казачьего войска, как бы промежуточным звеном между военным и гражданским ведомствами. Занимая высокий административный пост в Кубанской области, М. К. Абаев всячески содействовал открытию новых школ, по возможности защищал интересы крестьян в их тяжбах с таубнями и кулаками, а также с государственными учреждениями — департаментом государственных имуществ, полицейским управлением...

Яркой иллюстрацией взглядов М. Абаева на социально-экономическое положение беднейших слоев населения является документ: «Рапорт начальника 1 участка М. К. Абаева атаману Баталпашинского отдела Д. Е. Гетманову о «приговоре» схода жителей села Марухского самовольно захватить казенные и частные земли и вырубить лес в связи с тяжелым социально-экономическим положением. 7 февраля 1906 г., с. Георгиевско-Осетинское»²⁷. В том официальном документе М. К. Абаев обращает внимание начальства на тяжелое положение крестьян, приводя аргументы экономического порядка: «Поземельное положение крестьян села Марухского незавидное: вся местность гористая, почва бесплодная; годных для посева мест почти нет; трава плохого качества; из хлебных злаков растет только овес и отчасти картофель, но и эти растения можно посеять на самом незначительном пространстве; душевой

надел — $6\frac{3}{4}$ десятины, и если исключить лес, кустарник и другие неудобные земли, то на двор приходится несколько сажен земли под картофель, немного больше под посев овса и под сенокос — копен на 20—25». И далее, рассказывая о недостаточности пастбищных участков, М. Абаев предлагает: «Ввиду этого было бы справедливо хотя бы часть поляны («Ажим-Гуа») передать в пользование крестьян с. Марухского, и это не причинило бы особенного ущерба интересам казны». «Приговор жителей с. Марухского», который был вынесен 28 декабря 1905 года, был связан не только с экономическими обстоятельствами, но был следствием размаха революционного движения 1905 года. Он свидетельствует, что аграрные идеи революции дошли до самых глухих уголков России и вызвали широкий резонанс в массах. К чести М. Абаева, которому было поручено разобраться в этом деле, он, в отличие от других администраторов, не апеллирует к репрессивным мерам, а старается выгородить крестьян, раскрывая тяжелые условия их жизни.

Деятельность М. Абаева на посту начальника участка была многогранна. В пределах своих полномочий и возможностей он старается помочь крестьянам в их тяжёбных делах, борется с их притеснителями. Конечно же, такая деятельность не могла не обратить на себя внимания. Так, анонимный автор публикации в газете «Кубанские областные ведомости» рассказывает историю столкновения М. Абаева и писаря аула Карт-Джурт Г. Дремлюги. Автор заметки приводит подлинные документы служебной переписки. Так, в предписании аульному старшине М. К. Абаев пишет: «...жители недовольны поведением писаря Дремлюги и возбуждены против него за то, что он, изображая из себя правителя, принимая на себя не присвоенные писарю права, требуя особое вознаграждение с лиц за совершение дел, которые обязан исполнить писарь, водит людей по неделям под разными предлогами, что является незаконными поборами... если он будет себя так вести впредь, то будет уволен с должности»²⁸. На предписание М. Абаева писарь Дремлюга отреагировал по-своему. Он пишет донос на М. Абаева вышестоящему начальству. В этом документе для нас может быть интересна сказанная между прочим фраза: «...карачаевцы, подстрекаемые педагогами и подпольными адвокатами, бывают лжедоносцами и клятвопреступниками». Кого же имел в виду Дремлюга? Это становится понятным из другого документа — донесения аульного старшины и других зажиточных и влиятельных людей

аула Карт-Джурт, где в беспорядках, происходящих в ауле, обвиняется учитель Халилов, который якобы «старается выжить писаря Дремлюгу из селения». Названный в донесении Халилов — это Хызыр Халилов, брат карачаевского просветителя Саида Халилова, в то время студента Петербургского университета, позже исключенного за участие в революционном студенческом движении. Саид Халилов в годы Октябрьской революции и гражданской войны был одним из руководителей карачаевских большевиков, в 1921 году пал от руки врагов. Судьба не раз сводила Мисоста Абаева и Саида Халилова. И каждый раз Саид находил поддержку у Мисоста Абаева. Так, в 1910 году, когда Саид Халилов пытается восстановиться в университете и ему необходим был документ о благонадежности, Мисост Абаев дает ему требуемую характеристику²⁹. Нет нужды говорить о том, на какой риск шел сам М. Абаев, положительно характеризуя человека, находящегося под надзором полиции.

М. Абаев понимал исключительно важное значение собирания памятников материальной культуры народа. Он провел большую работу по фиксации этнографических памятников карачаевцев и балкарцев. До сих пор в фондах Грузинского исторического музея им. Джанашиа хранятся экспонаты, переданные М. Абаевым в 1908 году этнографическому отделению Кавказского музея³⁰. Он подарил музею коллекцию, в которую вошло более 40 экспонатов одежды, домашней утвари, сельскохозяйственных орудий.

После февральской буржуазно-демократической революции 1917 года М. К. Абаев переезжает в Нальчик. В мае он был избран в состав «Временного комитета горцев Кавказа Нальчикского округа». Однако он не принимал активного участия в революционных событиях. По крайней мере, его имя впоследствии почти не встречается в документах той поры. Единственный письменный источник, сколько-либо проясняющий позицию М. Абаева, — это скудные строчки романа Л. Аргутинской «Огненный путь»³¹. Один из главных героев романа Аргутинской — сын М. Абаева, доктор Измаил, активный участник революции и гражданской войны в Кабардино-Балкарии, известный тем, что в период денikinской оккупации спас жизнь многим большевикам, впоследствии зав. здравоохранением, член облисполкома Кабардино-Балкарии. Следует иметь в виду, что роман написан в жанре документальной хроники. Фактическая основа романа не вызывает сомнений. В первом издании романа писательница, рисуя обстановку тревож-

ных дней конца 1918 года в Нальчике, особое внимание уделила описанию жизни хозяев дома, приютивших небольшую группу большевиков. Это была семья Мисоста Абаева. О Мисосте Абаеве Л. Аргутинская писала: «...отец с большой красивой, посеребренной головой внимательно слушал нас и беспрестанно задавал вопросы». Мисост Абаев, по всей вероятности, хотел разобраться в революции и гражданской войне, ее целях и средствах. И многое ему было непонятно, многое неприемлемо. Ведь он давно отошел от активной революционной борьбы, еще в 70-х годах, после разгрома Владикавказского кружка революционных народников. После Октября революционером стал его сын Исмаил — революционер новой формации, подхватив эстафету у своего отца — революционера-народника. Исмаил, писала Л. Аргутинская, «первым из небольшого числа специалистов начал активно работать с Советской властью,— она несла новую жизнь его народу». Участие Исмаила в социальном переустройстве жизни было вполне закономерно, ибо революция несла балкарскому народу новую жизнь, о которой мечтал Мисост Абаев.

Последние годы жизни М. К. Абаев провел со своей семьей в Дагестане, в г. Буйнакске, тяжело болел и умер в 1928 году.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Специфика сборника избранных произведений карачаево-балкарских просветителей не позволила включить в анализ значительное количество собранного фактического материала, касающегося жизни и деятельности М. К. Абаева. В данной работе представлены также не все статьи М. К. Абаева. Критерием отбора послужило соответствие статей идеям просвещения и просветительства.

² Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. Нальчик, 1980. С. 5.

³ ЦГА КБР, ф. 2, оп. 1, д. 322.

⁴ АКАК. Тифлис, 1878. Т. 7. С. 871.

⁵ Абаев М. К. Балкария // Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. С. 122. Об этом же М. Абаев пишет в одной из своих первых статей «Интересный документ».

⁶ Сафарян С. Н. Султан-Бек Абасв. Нальчик, 1988. С. 12.

⁷ Азаматов К. Г., Хутуев Х. И. Мисост Абаев. С. 6.

⁸ ЦГА КБР, ф. 6, оп. 1, д. 860, л. 43.

⁹ Материалы по истории осетинского народа. Орджоникидзе, 1942. Т. 5. С. 8.

¹⁰ Журнал Министерства просвещения. 1871. № 10. (Приложение. С. 143).

¹¹ Ардасенов Х. Н. Очерк развития осетинской литературы. Орджоникидзе, 1959. С. 70.

¹² ЦГИА Грузии, ф. 17, оп. 1, д. 112.

¹³ Деятели революционного движения в России: библиографический словарь. М., 1929. Т. 2. Вып. 1. С. 1.

¹⁴ Скитский Б. В. Из истории революционного движения 70-х годов в Осетии // Известия Горского пединститута. Владикавказ, 1929. Т. 5.

¹⁵ Ардасенов Н. М. Алихан Ардасенов. Орджоникидзе, 1970; он же. Революционно-народническое движение на Тереке. Орджоникидзе, 1987.

¹⁶ Ардасенов Н. М. Революционно-народническое движение на Тереке. С. 178.

¹⁷ Там же. С. 59.

¹⁸ Скитский Б. В. Очерк истории горских народов. Орджоникидзе, 1972. С. 20.

¹⁹ ЦГА Северной Осетии, ф. 12, оп. 7, д. 523. л. 7.

²⁰ ЦГА КБР, ф. 9, оп. 2, д. 1, л. 5.

²¹ Там же, ф. 6, оп. 1, д. 442, л. 2 об.

²² ЦГА Северной Осетии, ф. 12, оп. 4, д. 103.

²³ Там же, ф. 12, оп. 8, д. 349, л. 23.

²⁴ Там же, л. 30.

²⁵ Там же, л. 31.

²⁶ Кубанская справочная книга на 1909 г. Екатеринодар, 1909.

²⁷ ГАКК, ф. 454, оп. 1, д. 328, л. 14—15.

²⁸ Кубанские областные ведомости. 1906. № 144.

²⁹ Баучиев А. Д. Халилов Саид. Черкесск, 1987. С. 62.

³⁰ Сатунин К. А. Деятельность этнографического отдела Кавказского музея // Кавказ, 1908. № 96. 27 апреля.

³¹ Аргутинская Л. Огненный путь. М.: Молодая гвардия, 1936. С. 234.

НАШИ МИРОТВОРЦЫ

11 минувшего августа в нашем обществе случилось убийство при следующих обстоятельствах. Некий житель общества Байтуган Сарыбашев¹ потребовал от своего же односельца Мусака² Таппасханова долг свой в сумме трех р. за проданную лошадь. Таппасханов отказался от уплаты денег, говоря, что от него не получил удостоверений на лошадь; произошла между спорившими ссора, а потом и драка; но их здесь развели женщины. Немного спустя Сарыбашев, встретившись с братом Мусака Таппасханова — Эсеном, прибежавшим на помощь к своему брату, затеял с ним вновь драку и получил от Таппасханова удар в голову; здесь опять их развели подоспевшие люди. Казалось бы, драки кончились. Но нет! Через несколько времени явилось туда двое почетных лиц, жителей нашего общества, в качестве судей-примирителей (такие судьи-примирители в наших туземных селениях не редки) и начали расспрашивать ссорившихся и дравшихся о причине, побудившей их к тому. Примирители эти, как водится, стали поддерживать сторону одного из ссорившихся и упрекать другого, что он не прав и т. п., чем и поддразнили Сарыбашева, который тут же в присутствии этих почетных судей-примирителей и других многих собравшихся людей неожиданно обнажил кинжал и нанес рану в левый пах Эсену Таппасханову. Раненый умер через часа 3. К случаю этому будет не лишним указать на то, что во всех наших туземных селениях Нальчикского округа, при всех ссорах между жителями, является масса непрошенных почетных судей-примирителей, которые лишь только тормозят дело и оказывают ссорившимся медвежью услугу. Эти наши туземные почетные судьи мало того, что мешают миру, но еще материально причиняют убытки лицам, коих они склоняют на свои решения. Приятно было бы, если бы такие судьи прекратили вовсе свои действия.

КАЛЫМ И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ

Обычай выплачивать женихом отцу невесты калым, или выкуп, является одним из самых главных зол бытовой жизни наших туземцев, с которым неизбежно приходится

считаться каждому молодому человеку, желающему связать себя узами Гименея. И если тайный увоз девицы, с целью вступления с нею в брак, среди нищих туземцев практикуется в широких размерах, несмотря на строгое преследование его законом, то исключительно благодаря лишь существованию этого вредного обычая — выплачивать отцу невесты калым, цифра которого нередко доходит до 500—800 р. Отец, являясь в семье полным и неограниченным деспотом, по своему желанию выдает, или вернее сказать, продает свою дочь тому, кто выплатит такой калым, какой он запросит, не справляясь при этом, конечно, о том — желает ли дочь идти за его избранника или не желает. Положение дочери в этом случае похоже на положение скота при продаже его, которого хозяин не спрашивает, желает ли он быть проданным или не желает. Волю отца дочери исполняют беспрекословно, выходят замуж за того, за кого приказывает выйти им отец, но тем не менее, за последнее время все чаще и чаще приходится отмечать факты нарушения дочерьми непреклонной родительской воли. Но, к сожалению, нарушения такого рода по своим последствиям носят трагический характер, по крайней мере, у нас, в Черемском обществе. Так, с прошлого года и по настоящий у нас было три случая самоубийства молодых девушек, отцы которых, соблазнившись богатым выкупом, заставляли их выйти замуж за нелюбимых ими людей. Несчастные бросались с высокого и крутого берега в реку Чегем и разбивались до смерти об речные камни. Казалось бы, эти три печальных случая могли бы послужить нашим жителям, родителям невест, хорошим уроком на будущее время, но наших горцев, пока они остаются полудикими людьми, трудно вразумить в этом отношении. Некоторые лучшие люди горского народа, которых, к сожалению, очень мало, давно уже сознали вред, происходящий от обычая выплачивать за невесту калым, и ратуют — если не за полное уничтожение этого обычая, то за минимальное сокращение размеров выкупа; но добрые стремления этих людей остаются пока гласом, вопиющим в пустыне.

ИНТЕРЕСНЫЙ ДОКУМЕНТ

Мы получили из Нальчика от г. Абаева следующее письмо:

«Недавно мне показали в слоб. Нальчик каменную

плиту с надписью на местном татарском наречии горцев, живущих в горах Нальчикского округа, Терской области, найденную случайно одним пастухом в старинном памятнике несколько лет тому назад¹. В надписи значится, что она сделана в последний день месяца раджаба 1127 г. по мусульманскому летосчислению, т. е. в 1709 г. Явись документ этот на сцену в начале 1880-х годов², он мог бы иметь существенное значение для населения горских обществ Нальчикского округа — балкарского, безенгиевского, хуламского, чегемского и баксанского (урусбиевского) в деле установления границ между плоскостными (кабардинскими) землями и горской территорией, как юридический документ; в настоящее же время он имеет значение лишь как исторический документ. Надписью подтверждается справедливость народного предания, что в те времена, когда сравнительно многочисленное племя кабарда подчинялась Крымскому ханству, названные выше небольшие горские племена сохраняли самостоятельность, благодаря, надо полагать, отчасти недоступности горных ущелий, а главным образом устойчивости и лучшему порядку в управлении.

Содержание надписи, как читал мне обладатель камня, гласит, что пять горских народов: малкар (балкар), хулам, безенги, чегем и баксан, с одной стороны, Крым и Кабарда — с другой, поспорили о границах земель, и спор был разрешен мирным путем через посредство избранных лиц и приглашенных известных дагестанского и сванетского князей, которые установили границы* между горскими землями и землями Крыма, населенными кабардинцами. Между прочим, указываются и границы тогдашних русских владений».

Нельзя не пожалеть, что г. Абаев, сообщая об интересном документе, не упоминает, какая его постигла участь и в чьих он находится руках.

ГОРСКИЕ ШКОЛЫ

Читателям «Кубанских ведомостей» известно из приказа г. начальника области, что горцы Екатеринодарского отдела решили открыть в аулах три школы для обучения детей русской грамоте. Одну из них открывают сельские общества: габукаевское, ассокалаевское, джиджихабльское.

* В 80-х годах сделано большое отступление во вред горских обществ.

и панежукаевское для 100 приходящих учеников в сел. Панежукае; другую — шапсугское общество в селе Панахесе на 60 учеников и третью — жители селения Козет у себя на 20—25 мальчиков.

В настоящее время общества заняты производством постройки помещений для этих школ, и дело идет довольно успешно: в Панежукае и Козете стены и крыши зданий готовы, а в Шапсуге выведены стены: остановка за мазкою, в ожидании теплой погоды. Таким образом, в июне или июле месяце здания будут совсем окончены, и учение может начаться в них с начала наступающего года.

Есть надежда, что и все остальные горские селения Екатеринодарского отдела в скором времени последуют примеру своих братьев в отношении образования детей и откроют школы, так как в пользу знания русского языка и грамоты никто из них не сомневается и, кроме того, в этих школах дети будут правильно знакомиться с началами мусульманского вероучения, чего до сих пор не было среди горского населения.

Дальнейший успех школьного дела будет зависеть от правильной постановки его в самом начале, главным же образом, от выбора учителей для горских школ. В разное время и в различных местах среди туземного мусульманского населения Северного Кавказа были попытки со стороны местной администрации создать русские школы, кое-где достигалась и цель, но эти школы или очень скоро закрывались, или же существование их не приносило должной пользы. Причиной такого печального явления служили в большинстве случаев неудачный выбор учителей и заведующих школами, а отчасти пререкания между чинами администрации, с одной стороны, и учебным ведомством — с другой, и взгляды начальствующих лиц, заменивших инициаторов создания школы.

Будем надеяться, что в так удачно начатом деле распространения грамотности в подрастающем поколении закубанских горцев не будет места подобным вредным недоразумениям.

ОТКРЫТИЕ ПАНЕЖУКАЕВСКОГО УЧИЛИЩА

27 октября состоялось торжественное открытие одной из горских школ, о которых говорилось мною в № 95 «Куб. ведом.» за текущий год.

На первый взгляд некоторым из читателей может показаться странным, что на страницах «Куб. вед.» так много говорят об этих школах: мало ли народных школ открывается, в особенности в последнее время, в пределах обширной Империи. Но не надо забывать, что эта первая русская школа среди горских племен — бжедугов и шапсугов, считающихся религиозными фанатиками и неукротимыми дикарями, относящимися будто враждебно ко всему русскому. Мало этого, в России масса интеллигентных людей, отрицающих существование этих племен в Кубанской области, так как их считают ушедшими поголовно в Турцию или же готовыми уйти при первой возможности. Мне кажется, что на этом-то основании Министерством Государственных Имуществ не было предложено этому населению устроить в селениях начальные школы с отпуском от Министерства на наем учителей и на учебные и письменные принадлежности каждой школе по 1000 р. ежегодно, тогда как, насколько мне известно, такое предложение было сделано несколько лет тому назад туземному населению в Терской области, имеющему гораздо больше своих средств.

Ввиду этого я, как близко стоящий к делу, взялся изложить в настоящей заметке краткую историю открытого уже училища и имеющих быть открытыми в будущем году в горских селениях Екатеринодарского отдела и сказать кое-что о торжестве открытия.

В последнее десятилетие черкесы пришли к убеждению больше, чем когда-либо, что они гости на своей родине, что рано или поздно им придется следовать за первыми переселенцами в Турцию, причиною чему, между прочим, служило и то, что земли горцев Екатеринодарского отдела и до сего времени не размежеваны. И вот они почти бросили занятие хозяйством, а молодежь предалась воровству и грабежам. Одновременно началось и усиленное преследование горцев — виновных и правых, так как трудно было определить, кто прав, кто виноват. Был поднят и вопрос о поголовном выселении горцев Екатеринодарского отдела.

В таком положении застал горцев ныне управляющий областью Его Превосходительство Я. Д. Малама¹. Он отнесся к ним более человечно. Его несколько теплых слов, выраженных в письмах к населению в октябре месяце 1892 года, было достаточно для убеждения горцев, что русское правительство их не гонит, что оно к ним относится так же, как и к другим русско-подданным, и дело моментально приняло хороший оборот. Население само при-

няло меры против порочных лиц; разбои и грабежи прекратились.

Вслед за этим Его Превосходительство предложил населению учить русской грамоте подрастающее поколение. Ответом на это предложение явились несколько сельских школ и учреждены стипендии в Кубанской учительской семинарии.

Училище в Панежукае устроено на средства сельских обществ — Панежукаевского, Ассокалаевского, Габукаевского и Джиджихабльского, здание школы с помещением для учителя и классной мебелью обошлось около 3000 руб. Ежегодный расход на содержание училища, за исключением ремонта здания, найма сторожа, отопления и освещения, определен в 500 руб. Ученики из других селений в Панежукае будут жить у родственников и знакомых. Принято теперь около 70 учеников. Через год, надо полагать, училище расширится в силу потребности, так как охотников учиться гораздо больше. Учителем назначен дирекцией г. Александров, известный черкесам и знающий черкесский язык.

С утра 27-го числа в обширный двор школы собрались представители всех горских обществ Екатеринодарского отдела, жители 4 обществ-хозяев и приехавшие гости — горцы из соседнего Майкопского отдела.

Девушки и молодежь с национальными музыкантами занимали одну часть двора. В числе девушек были дочери султанов и князей, приехавшие специально для встречи и приема Его Превосходительства Начальника области супруги, которая, к сожалению всего населения, не могла приехать по случаю дурной погоды. У подъезда училищного здания, где было приготовлено помещение для Наказного Атамана с супругою, выстроились мальчишки — будущие ученики. В обширной классной комнате сформирован² был стол на 50 человек, — около каждого прибора была карточка — меню с обозначением 8 национальных кушаний. Меню это следующее: лепс³, шха-тура⁴, лли-гажа⁵ (шашлык), гедлибже⁶, халива⁷, бореч⁸, прунш со шху⁹ и тхурумбей¹⁰. На дворе были устроены столы для народа. Во главе представителей и стариков прибытия Наказного Атамана ожидал Его Превосходительство атаман Екатеринодарского отдела И. И. Мазан¹¹. Не трудно было заметить с первого взгляда, что на лицах старых и малых выражались радость и веселье.

Около 12 часов дня прибыл Начальник области в сопровождении начальника штаба — генерала Гершельмана и

полковника Карцева, конвоируемый многочисленными верховыми из горцев, во главе с местным участковым начальником, с 3-цветными русско-национальными значками. Поздоровавшись со стариками и приняв хлеб-соль, Его Превосходительство выразил населению благодарность за то, что оно оправдало его надежды, бросив дурные привычки и став на добрый путь, как верноподданные. В ответ на это раздалось громкое: «берекет-берсин»¹² и приветственная речь одного из стариков. Его Превосходительство поздоровался с девушками и обласкал будущих учеников, которым тут же были розданы от него лакомства.

После молебствия, совершенного мусульманским духовенством на открытом воздухе, все гости были приглашены к столу, а на дворе начались танцы со стрельбою и джигитовка на лошадях, не прекращавшаяся до самого вечера. После обеда устроена была скачка с призами, окончившаяся около 5 часов вечера, и гости уехали.

За столом первый тост предложен был Начальником области, в котором Его Превосходительство поблагодарил за труды старшин, участкового начальника и атамана отдела. Затем было много тостов и речей, гремело громкое русское «ура», — кажется, это первое мирное «ура», заменившее боевое, раздавшееся несколько десятков лет тому назад на этих местах.

Перед концом обеда уполномоченные от 4 обществ обратились с просьбою к г-ну Начальнику области принять под свое покровительство училище, как почетный попечитель, на что Его Превосходительство, к радости и чести населения, изъявил свое согласие, и это обстоятельство дает больше шансов быть уверенным за процветание Панежукаевского училища. Особенного внимания заслуживали речи инженера из кабардинцев г. Шарданова¹³ и инспектора народных училищ г. Шкиля¹⁴, в которых они справедливо выразили, что Я. Д. Малама — первый начальник края, сумевший словом и делом направить горцев на истинный путь в пользу населения и государства, начавши с того, с чего нужно было начать несколько десятков лет тому назад, а именно с просвещения, которое составляет единственный верный путь к ассимилированию туземного населения.

*10 ноября 1895 г.
г. Екатеринодар*

О ГОРСКИХ ШКОЛАХ

Не могу скрыть радости, которую возбуждает во мне заметка по поводу успехов молодого Панежукаевского училища («Люди и нравы», № 107, 1896 г. «Кубанских областных ведомостей»).

Успехи эти не служат ли доказательством тому, что у горцев есть добрые зачатки, которые можно развить; в них есть почва, на которой можно сеять хорошие семена, не боясь гибели этих семян и что сеятелями их могут являться ближайшие к населению представители администрации.

Будущность Панежукаевского училища так или иначе обеспечена еще и тем, что почетным попечителем его состоит Его Превосходительство Начальник области Я. Д. Малама. Но что же, интересно знать, делают остальные горские селения Екатеринодарского отдела? Ведь бжедуги-«химишейцы»¹ (аулы по эту сторону реки Псекупса), по крайней мере, старики их, как помнится, дали слово последний раз, при открытии Панежукаевского училища, что скоро и они откроют школы, дабы дети их не завидовали детям «шепгенеевцев»² (аулы за Псекупсом) и впоследствии не бранили своих отцов! Надо полагать, ждут толчка, и желательно бы ускорить этот толчок.

О шапсугах³ я не говорю, так как у них здание школы было готово еще в прошлом году,— даже парты были заказаны, оставалось пригласить учителя и начать занятия; странно только, что ничего не слышать о шапсугском училище. Неужели и они ждут напоминания?! Но ведь у шапсугов есть и свои люди, отведавшие плоды просвещения. Видно, к сожалению, что этими посевами хороших семян не желают заниматься.

ЧЕРКЕСЫ ЕКАТЕРИНОДАРСКОГО ОТДЕЛА КУБАНСКОЙ ОБЛАСТИ

23 октября с. г. состоялось торжественное освящение новой (и первой большой в Кубанской области) мечети в ауле Шинжий, Екатеринодарского отдела, Кубанской области. Начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска генерал-лейтенант Яков Дмитриевич Малама, обращаясь к обществу этого аула и строителю мечети на свои средства черкесу Лю Трахову, сказал, между прочим, что дело постройки мечети служит

доказательством того, что черкесы, наконец, «стали прикрепляться к земле», на которой они родились и в которой покоятся кости их предков, рад этому доброму явлению, поздравляет общество, благодарит строителя и надеется, что остальные аулы Екатеринодарского отдела, представители которых присутствовали тут же, не отстанут от Шинжия. Для того чтобы понять смысл слов ген. Маламы, надо быть хоть немного знакомым с историей адыгеевских племен бжедугов и шапсугов, живущих в низовьях р. Кубани по левой ее стороне, недалеко от г. Екатеринодара. Племена эти заняли полосу, покрытую частью густым лесом, частью — непроходимыми болотами, образовавшимися от разливов р. Кубани и ее притоков, и близкую к берегам Черного моря, находились то под влиянием крымских ханов, то Турции, то России и окончательно присоединились к России гораздо позже, чем их соплеменники кабардинцы и другие горцы; но и после присоединения к России бжедугам и шапсугам приходилось вести беспокойную жизнь. Сначала их постоянно тревожили абадзехи — враждебное России черкесское племя, мстившее им за то, что они перешли к русским. Потом появился среди бжедугов религиозный фанатик Магомет Амин и, восстановив народ против своих султанов, князей и дворян, довел до кровопролитных междоусобных столкновений. Сбитые такими обстоятельствами с толку, бжедуги и шапсуги скоро не могли успокоиться и привыкнуть к мирной жизни, продолжали заниматься грабежами, убийствами и воровством и вместе с тем выселялись массами в Турцию, так что из населения бывшего Псекупского округа остались небольшие аулы, расположенные на лесных полянах и по берегу р. Кубани, которые теперь составляют один административный участок Екатеринодарского отдела, имея 11 сельских правлений.

Ввиду, надо полагать, такой беспокойной жизни черкесов и непрекращающихся толков о желании их выселиться поголовно в Турцию, до сего времени земли оставшихся горцев Екатеринодарского отдела не размежеваны и аулы определенных земельных наделов не имеют, а вся земля и леса считаются находящимися в совместном владении местного управления государственных имуществ и сельских (аульных) обществ. Такое исключительное положение в земельном отношении горцев Екатеринодарского отдела, лишая их возможности свободно распоряжаться землею, не может не отзываться плохо отчасти на их хозяйстве и, кроме того, несомненно дает повод тем из горцев, которые желают почему-либо уйти в Турцию, распространять среди

горцев слухи, что правительство само будто бы желает их выселить, последствием же этого является нерешительность черкесов обзавестись порядочными жилыми постройками и общественными зданиями, как, например, мечети. Несомненно, в этом случае черкесы ошибаются и сами являются причиною того, что, несмотря на постоянные их жалобы и просьбы, размежевание земель откладывается только потому, что они не устраиваются фундаментально; это доказывается, нам кажется, и вышеприведенными словами г. Начальника области. Впрочем, до генерала Маламы черкесы Екатеринодарского отдела Кубанской области вели себя так дурно, продолжая заниматься грабежами и скрывая у себя абреков, что избавиться от них, вероятно, было желательнее остальному мирному населению этой местности, тем более, что всевозможные строгие меры областной администрации к прекращению грабежей и воровства не приводили к желаемому результату. Но способ управления горцами генерала Маламы сразу дал другой оборот делу: черкесы мало того что бросили позорное занятие свое грабежами и занялись хозяйством, но в течение каких-нибудь 3—4 лет открыли в аулах русские школы и начали воздвигать каменные мечети, и есть надежда, что полудикие черкесы в скором будущем превратятся в мирных граждан, так как хорошими зачатками Бог их не обидел.

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ГАЗЕТЫ «КАСПИЙ»

Сообщение из Нальчика, помещенное в № 14 «Каспия» и перепечатанное из «Терских ведомостей», грешит неточностями.

Прежде всего, там нет Чеченского общества, а есть Чегемское; также нет реки Терек, а есть река Черек, в верховьях которой и расположено Хуламское общество, а не Чеченское.

Сел. Хулам находится в Хуламском обществе. Чегемское общество расположено за хребтом на север от Хуламского общества в верховьях реки Черем.

Сделавшему такое важное открытие, как одноверстный водопровод, следовало бы прежде всего хорошенько расспросить о местах, где он находился, а потом уже сообщать в газеты. Что касается того, что водопровод этот подавал воду по закону сифона, то таких водопроводов на Кавказе очень много.

В ауле 230 дворов черкесского населения. За последнее время здесь сильно распространилась оспа, замечаются и другие заболевания. Черкес часто укоряют в недоверии к медицине. Теперь возникает вопрос: каким же путем могут черкесы ознакомиться с пользой ее, когда выписанный еще в апреле месяце с. г. ящик с лекарствами стоит нераскупоренный в аульном правлении под скамьей? Когда черкесы, нуждающиеся в лекарствах, приходят в правление для того, чтобы получить их, то старшина заявляет, что это не его дело выдавать лекарства, распоряжаться этим должен старший врач по отделу, которого он уже несколько раз просил приехать, но врач не является и никого другого не присылает, и нуждающееся в медицинской помощи население удовлетворяется тем, что посмотрит на запечатанный ящик с лекарствами в аульном правлении, вздохнет и уйдет.

Когда же, наконец, соблаговолите приехать к нам, господин врач, или пришлете другого?

ПИСЬМО В РЕДАКЦИЮ ЖУРНАЛА «МУСУЛЬМАНИН»

Многоуважаемый Магомет-Бек!

Пользуясь свободным часом, прочел статью вашу о кавказских горцах в мусульманском отделе при журнале «Братская помощь», и хочу написать вам несколько строк по поводу писем, приведенных вами в этой статье о Кабарде.

Правда, кабардинцы, да и все почти адыги, отстали от осетин, ингушей и др., если судить по количеству грамотных по-русски лиц, чиновников и офицеров. Но разве степень культурности нации можно определить одним лишь количеством воинов и чиновников? Если бы это служило верным признаком культурности, то пришлось бы признать большой ошибкой мнения тех, которые считают Россию отсталой в сравнении с Западной Европой. Я не хочу сказать этим, что русская грамотность не нужна для горцев и что нехорошо быть чиновниками и офицерами в своем государстве...

Но молодые авторы писем, мне кажется, слишком строги по отношению к Кабарде, в особенности один из них. Эта строгость, быть может, основана на горячей любви к

своим родичам, но, тем не менее, позволю себе полагать, что тот именно, который беспощадно бранит кабардинцев, мало изучил Кабарду, дух и психологию этого народа. Если бы он лучше ознакомился с историей, жизнью, бытом и духом своих кабардинцев, прежним положением Кабарды среди других народностей Кавказа, историей присоединения их к России и т. д., то он знал бы, что раньше других народностей Кавказа кабардинцы имели офицеров, до чина генерала, в русской армии и даже людей с высшим и средним образованием, открывали русские школы и назначали стипендии из кабардинских общественных средств желающим учиться. В связи с этим он узнал бы и о причинах, заставивших кабардинцев отстать от соседей в русской цивилизации.

В том смысле, в каком я понимаю культуру, я все-таки Кабарду считаю не ниже осетин в общей массе. Это мое мнение не основано на симпатии или антипатии к тем или другим, тем более, что, в сущности, по происхождению я не кабардинец, а основано на знании кабардинцев и осетин. К сожалению, я не имею возможности, за отсутствием времени, в кратких словах привести все данные, на основании которых кабардинцев считаю не ниже осетин в культурном отношении. Скажу одно пока, что кабардинцев в самом начале напугало образование в русских учебных заведениях тем, что эти заведения начали из их детей делать только чиновников и офицеров, отрывая их окончательно от родины и одновременно расшатывая в них религиозное чувство, а у этого народа национальное и, в особенности, религиозное чувства сильно развиты, хотя религиозного фанатизма, в полном смысле этого слова, у них нет.

Следовало бы нашим молодым интеллигентным людям, чтобы поправить дело, побольше времени проводить среди своих, свысока не смотреть на них и, не ограничиваясь одной бранью, направить их словом, делом и личным примером на путь прогресса.

Тогда в Кабарде увидят, что учение в русских учебных заведениях не только prepares кавалерийских офицеров — кутил и чиновников, занятых исключительно своей узкой служебной деятельностью, но дает и общественных деятелей, в самом широком смысле этого слова, которые, будучи образованными людьми, остаются мусульманами и кабардинцами, и в скором будущем все убедятся в том, что кабардинцы по натуре не враги истинной культуры и образования.

ГОРЦАМ СЕВЕРНОГО КАВКАЗА

Из разных мест Кавказа поступили и поступают редактору журнала «Мусульманин» письма, в которых выражается искренняя радость по поводу появления этого органа печати. Это очень приятно и хочется верить, что у мусульман Кавказа назрела потребность выйти из замкнутости к общению с остальным миром и между собою. А раз есть такая потребность, то, значит, есть и люди, которые могут не только читать, но и писать, есть, следовательно, и надежда на то, что издание это будет поддержано многими сочувствующими лицами работой в журнале и распространением его путем привлечения подписчиков. Но, к сожалению, в первых номерах журнала очень мало было статей от мусульман Терской и Кубанской областей. Между тем, в аулах этих областей достаточно грамотных, окончивших уездные училища — Нальчикское, Грозненское, Назрановское и Майкопское, живущих в своих аулах. Есть лица, окончившие средние учебные заведения, вышедшие из старших классов гимназий, окончившие фельдшерские школы, учительскую семинарию и двухклассные училища.

Из числа их некоторые служат в своих аулах, как, например, в Карачае, учителями, фельдшерами, писцами, переводчиками, занимаются и другими делами. Эти-то лица, живя постоянно среди своих, могли бы давать беспрерывно ценный материал для молодого журнала, а главное то, что они могли бы писать о повседневной жизни сельчан, интересуя, таким образом, последних. Мужчины, женщины, старые и малые с удовольствием слушали бы о том, что делается в чужих краях и у себя дома. Что же касается чтецов, то они найдутся в каждом ауле. Я уверен, что тогда даже старики начали бы выписывать журнал, чтобы их сыновья и внуки-школьники читали бы им.

Как горец, я уже немолодой, я позволяю себе обратиться к своим землякам — учителям, фельдшерам и другим грамотным людям с предложением поработать на пользу своих единоверцев и родичей. Ведь, господа, помимо любви и патриотизма, вас должно побудить к этому и чувство долга, т. к. почти все учились на средства общества, потому в свою очередь обязаны учить не только маленьких детей, но и взрослых. Быть может, некоторые из вас стесняются писать в журнал вследствие отсутствия привычки выражать свои мысли печатно, но, во-первых, редактор любезно предупреждает, что сама редакция пойдет на помощь, а во-вторых, из вас каждый пишет письма к

друзьям и знакомым о событиях, пишет различные прошения, толково излагая суть дела. Точно в такой же форме вы могли бы писать и в редакцию журнала, помогая ему разобраться в массе важных вопросов.

БОЛЬНОЙ ВОПРОС

Главным тормозом для горцев-мусульман в деле улучшения своего экономического положения на родине, образования, культуры, да и во всем служит вопрос о переселении в Турцию, периодически поднимающийся в народе начиная с 60-х годов прошлого столетия. На моих глазах несколько раз начиналось сильное движение к переселению. Люди оставляли недостроенными начатые дома, в приготовленные ямы для посадки деревьев не сажали их, продавалось имущество, и лица, желавшие купить земли, отказывались от покупки, а владельцы земель продавали их за бесценок посторонним, пришлым людям, родители брали своих детей из русских школ и т. д. Попутно с этим дурной элемент усиленно начинал заниматься кражами и грабежами, якобы запасаясь средствами для переселения, а местная администрация начинала, естественно, принимать репрессивные меры против всего населения, одновременно создавая и исключительные законы вроде «Правил об охране имущества русского населения от хищничества туземцев», что еще более усугубляло движение к переселению, как это было в 80-х годах в бытность главноначальствующего на Кавказе Дондукова-Корсакова...¹

Одни переселялись², другие оставались, почти лишившись состояния, и вновь принимались за хозяйство. Когда утихало это движение на несколько лет, население успокаивалось и вновь стремилось к улучшению своего имущества и отдавало детей своих в русские школы. Но вдруг являлся откуда-то новый толчок, и повторялось то же, что и раньше, и продолжается, к сожалению, до сего времени.

Несмотря на то, что значительная часть переселенцев возвращается ежегодно обратно, разоренная, изнуренная и лишившаяся членов своих семей, тем не менее, новые партии идут в Турцию, по-старому распродавая за бесценок свое имущество.

При поверхностном взгляде на это странное явление оно кажется не поддающимся объяснению, но если приглядеться ближе, то можно найти причину. Причины эти довольно сложные, устранить их окончательно нелегко и

едва ли возможно в ближайшем времени, однако те немногие интеллигентные горцы-мусульмане, которым дорого благополучие своих племен, должны работать серьезно с целью выяснения этих причин и устранения их, ибо недостаточно сказать: «Не переселяйтесь».

В русском обществе сложилось мнение, что будто бы единственная причина стремления горцев в Турцию — религиозный фанатизм, а в одно время приписывали и влиянию турецкого правительства. Это мнение поддерживали и кавказские администраторы. Но мнение это ошибочное, и если местная администрация остается убежденной в своем мнении, то приходится сожалеть, что она недостаточно осведомлена. Несомненно, среди переселенцев есть люди, которых тянет в мусульманское государство и религиозное чувство, но главную роль играют не эти чувства, а экономические, политические и иные условия. Есть веские основания полагать, что истинные причины непрекращающегося переселения горцев в Турцию не вполне известны высшим правительственным сферам. Тем более молодым (старых почти нет) интеллигентным мусульманам-горцам следует заняться выяснением этих причин.

КАБАРДА ПРОСНУЛАСЬ

Отрадно отметить, что Кабарда и сопредельные с ней горские общества Нальчикского округа наконец вступили на культурную дорогу. Для меня лично это вдвойне приятно, потому что, во-первых, я сам член этой семьи, хотя, к сожалению, в настоящее время живу на стороне, и, во-вторых, оправдывается мое предположение, высказанное мною в письме, помещенном на страницах «Мусульманина» (№ 4, 1910), относительно необходимости поселения образованной молодежи среди своих родичей. Кабарда уже имеет свое реальное училище, свою больницу, своего доктора и даже своего юрисконсульта. Она могла бы иметь все это несколько десятков лет тому назад, если бы хоть те несколько человек молодых людей, получивших раньше высшее и среднее образование, пользуясь стипендией своего народа, возвращались домой, не оставаясь на стороне.

Красноречивым доказательством этого служит история преобразования Нальчикской горской школы в реальное училище и открытие приемного покоя для больных. Еще в 80-х годах прошлого столетия население Кабарды и горских обществ возбудило ходатайство о преобразовании

Нальчикской горской школы в гимназию или реальное училище, обязываясь выстроить на свои средства соответствующее здание и ежегодно отпускать известную сумму.

Тогда же был выработан план здания, стоивший 500 рублей. Кавказская администрация одобрила это ходатайство и представила в надлежащее министерство, но когда дело поступило к попечителю Кавказского учебного округа на заключение, то, по-видимому, последний счел для себя оскорблением представление, сделанное администрацией, минуя его, и выступил с мнением, что будто бы кабардинцы не доросли до того, чтобы у них была гимназия и дети их получали такое образование, и завязалась бесконечная переписка между военным министерством и Кабардою, с одной стороны, и Министерством народного просвещения — с другой, которая окончилась недавно, и только два года тому назад осуществилось желание Кабарды. Почти такое же прошлое имеет и приемный покой. Он был создан и временно помещен в казенном доме при просвещенном содействии бывшего начальника округа полковника Браккера. Врачом временно был приглашен доктор Далгат¹, и затем был заложен фундамент нового больничного здания. Но по уходе Браккера временный начальник округа подполковник Чугулиев оказал благосклонное содействие к закрытию покоя, несмотря на то, что в больных недостатка не было и затрачены были значительные деньги на инвентарь, медицинские инструменты и на фундамент. Причина этому — отсутствие интеллигентных лиц.

Несколько позже был поднят вопрос о приглашении постоянного юрисконсульта со специальным образованием для ведения имеющихся серьезных общественных дел. Но и это дело затормозилось вследствие административной затяжки и отчасти неимения своих юристов. В последние 2—3 года картина изменилась. На съезде уполномоченных от населения начала появляться своя, хотя и немногочисленная, интеллигентная молодежь и стала помогать прогрессивному элементу в проведении культурных начал, а затем явились молодые юристы и врачи из своих и некоторые из них начали работать на родине, как, например, врач Шогенов² и юристы Шаханов³ и Чежоков⁴. Благоприятные результаты всего этого не заставили себя долго ждать — осенний съезд истекшего 1910 г. Уполномоченные Кабарды и горцев решили, между прочим, вновь открыть больницу и пригласить в нее врачом своего кабардинца Шогенова, создать должность юрисконсульта и пригласить на эту должность своего же юриста Шаханова и, наконец,

увеличить число народных стипендий в средних учебных заведениях. Пожелаем, чтобы и остальные горские племена последовали за проснувшейся Кабардой и сама Кабарда чтобы не остановилась на этом.

БАЛКАРИЯ

Исторический очерк

I

В Нальчикском округе Терской области, внутри гор, по ущельям рек Чегема, Черема и Баксана, берущих начала у ледников Кавказских гор — великанов Каштан-Тау, Дых-Тау и Минги-Тау (Эльбрус), издавна живет горское племя, составляющее пять отдельных обществ: Балкарское, Хуламское, Безенгиевское, Чегемское и Баксанское (Урусбиевское). Общества эти, состоя каждое из небольших отдельных аулов и поселков, расположенных по ущелью недалеко друг от друга, в административном отношении причислены к Нальчикскому округу Терской области и официально носят название «Пять горских обществ, сопредельных с Большой Кабардой», но жители этих обществ называются общим именем «балкарцы», по имени самого большого общества — Балкарского. Народонаселение всех пяти обществ с вновь образовавшимися из них аулами в настоящее время не превышает 25 тысяч душ. Религия горцев мусульманская, говорят они на татарском наречии, более близком к простонародному, деревенскому, турецкому языку, но обычаи, нравы, образ жизни и костюм этого народа не похожи на татарские и турецкие. По языку, религии, обычаям и другим качествам этому племени родственно племя «карачай», занимающее горные ущелья в верховьях реки Кубани, берущей начало у ледников горы Эльбрус.

Племена эти своей письменности не имеют, и историю их можно почерпнуть только из устных преданий и песен. В русской литературе кое-что писалось иногда об этом народе. Так, например, в последнее время писали о нем гг. профессора Ковалевский¹ и Миллер², они же, между прочим, называли этих горцев «кавказскими татарами»³. До принятия русского подданства балкарцы управлялись своими князьями «таубий» (тау — гора, бий — князь). Таубии в XVIII и начале XIX века окончательно присягнули рус-

скому царю и привели к присяге на подданство свои народы, как это выражено в документах, и с того времени горцы ведут совершенно мирную жизнь. Горцы — народ очень трудолюбивый, каждый более или менее удобный клочок земли в трущобах и на крутых склонах гор обрабатывается тщательно, очищается от камней, удобряется навозом, который продается корзинами, орошается водою, которая проводится искусственно иногда верст за 10 по висячим желобам, и стоимость десятины такой удобренной земли в продаже доходит нередко до 2 тысяч руб. Ввиду недостаточности удобных мест для посева хлебов народ занимается преимущественно скотоводством, перегоняя скот с места на место, и, в общем, живет сравнительно не бедно. Этот народ, несмотря на свою немногочисленность и неудобство занимаемой им земли, сумел сохранить независимость и самостоятельность до покорения Кавказа Россией, поэтому предания о появлении его в кавказских горных трущобах, образ правления и т. п., могущие служить материалом для истории его, небезынтересны, по крайней мере, для самих горцев.

Начну с предания об образовании самого древнего общества «малкар», переделанного, вероятно для благозвучия, в русских официальных бумагах в Балкарское общество. Предание это повествует следующее: в прежние времена ущелье реки Черека было покрыто дремучим лесом с небольшими открытыми полянами. Однажды, это было очень давно, пробрался из плоскости в это ущелье один охотник по имени Малкар, человек неизвестного происхождения, и застал там на одной поляне поселок из нескольких дворов, жители которого называли себя «таулу» (в переводе — горец)... Малкару очень понравилась эта местность, и он решил навсегда остаться там, переселив туда и свой род. Старожилам это не особенно понравилось, поэтому Малкаровы поселились на другой поляне, и оба рода жили спокойно, размножаясь. Но вот однажды является в горы неизвестный человек по имени Мисака и останавливается в гостях у Малкаровых, которых в это время было 9 братьев, взрослых мужчин, и единственная их сестра — красавица и умница. Гость был принят радушно. Подружившись с хозяевами, он вместе с ними ходил на охоту и против неприятелей, всегда отличаясь умом и храбростью, и этим привлек к себе внимание красавицы, сестры Малкаровых. В конце концов они влюбились друг в друга, но гордые братья Малкаровы не согласились на брак единственной любимой своей сестры с пришельцем неизвестного проис-

хождения. Тогда она решила пожертвовать жизнью своих братьев ради личного счастья и спасения жизни возлюбленного. Злой умысел свой влюбленные привели в исполнение следующим образом. Покос сена на поляне под названием «Зына» у Малкаровых считался священнодействием и обыкновенно начинался торжественно при участии всех мужчин; обычай этот сохранился в Балкарии и до сих пор. Заговорщики решили воспользоваться этим торжественным днем для приведения в исполнение своего коварного замысла, а до того времени сговорились вести себя так, что будто они покорились воле братьев и гость скоро уедет. Коварная сестра Малкаровых, как распорядительница в доме, приготовила ко дню покоса в Зына самый крепкий горский напиток из ячменя под названием «сра»⁴ (это среднее между пивом и портером). В день торжества сама отправилась на место покоса и сильно напоила своих братьев, так что они тут же, в поле, крепко заснули. Тогда Мисака убил их всех.

Женившись на Малкаровой, Мисака завладел землею и другим имуществом Малкаровых, привел туда из плоскости и других людей и начал притеснять мирных тружеников таулу, которых в конце концов превратил в своих данников.

Потомки Мисака ныне носят фамилию Мисаковых и значатся в числе балкарских таубиев, а потомки рода таулу составляют теперь жителей поселка Сауты: они до освобождения в горах крестьян назывались «джасакчи», т. е. данники.

Через некоторое время после этих событий в ущелье, получившее уже название «Малкар», по имени охотника, открывшего его с первыми поселенцами таулу, является воин по имени Басиат верхом на лошади и с огнестрельным оружием, о котором в то время горцы не имели понятия. Басиата сопровождали люди, которые ему прислуживали. Порох в его руке воспламенялся, и раздавался выстрел, когда он подносил к дырочкам ствола ружья огонь (надо полагать, это было фитильное ружье). Басиат производит сразу такое сильное впечатление на малкарцев, что они добровольно подчиняются ему, но он, однако, у Мисаков не отнимает прав их по отношению к таулу...

После этого народонаселение ущелья начинает быстро увеличиваться под искусным управлением Басиата, о происхождении которого существует следующее предание: два брата Басиат и Бадилят прибыли на Кавказ из Венгрии (по другому преданию — из Крыма) и сначала пробрались

в ущелье реки Урух, где жили дигорцы (и теперь живут) из племени осетин (ныне — Стыр-Дигорский приход Владикавказского округа). У братьев этих были ружья, одна лошадь и один мул. На равнине на лошади поехал старший брат Басиат, а в горах он пересел на мула, а дигорцы, не выдавшие до этого времени лошади, Бадилята приняли за старшего и оказали ему больше почета, а после одного случая они его признали за необыкновенного человека и стали ему подчиняться. Случай этот следующий: враждебное племя угнало у дигорцев скотину, Бадилят пустился в погоню за неприятелем и, догнав его, выстрелил по нему из своего ружья, и неприятель, не имевший понятия об огнестрельном оружии, испугался звука и дыма, происшедших от выстрела, бросил скот и убежал. После этого Басиат решил искать счастья в другом месте, переехав через высокие хребты гор, отделявшие Дигорское ущелье от Малкарского, поехал к малкарам (балкарам), где и был принят, как сказано выше. Потомки Басиата ныне составляют фамилии таубиев Балкарского общества: Абаевы, Жанхотовы, Айдебуловы и Шахановы. Так образовалось «Малкар-эль», т. е. Балкарское общество. Предание это надо дополнить краткими описаниями организации управления народом, созданной родоначальником таубиев Басиатом и существовавшей до введения нынешнего положения об управлении аульными обществами, т. е. до 70-х годов прошлого столетия.

Верховная власть принадлежала таубиям, 2-е сословие составляли «уздени» и «эмчеки», 3-е — «чагары» и, наконец, «казаки» и «карабаши». Узденями назывались люди, которые имели свои участки земли, собственное хозяйство, даже рабов, но обязаны были служить при таубиях, исполнять их поручения, сопровождать их при поездках и вообще исполнять, так сказать, дворянские обязанности при дворах таубиев. Эмчеки — тоже люди свободного происхождения, но находящиеся под покровительством таубиев, несли известные повинности лично и материально по отношению к таубиям за покровительство; таубии иногда отдавали им на бессрочное пользование и участки земли для поддержания их, но за это получали от них часть калыма за их сестер и дочерей. Чагары — это то же, что русские крестьяне, принадлежали таубиям. Казаки и карабаши — это домашние рабы и рабыни таубиев из людей, взятых в плен от неприятеля, украденных и купленных, в числе их были имеретины, сванеты, осетины, чеченцы, кумыки, кабардинцы и даже попадались русские из беглых

солдат. Слово «казак» значит одинокий, бездомный, бесприютный, «карабаш» — состоит из двух слов: кара и баш, т. е. черная голова, так назывались рабыни.

Старейший и достойнейший из таубиев носил звание «олий», и он правил всем народом. При нем существовали народный суд и судилище под названием «тёре». В этом суде заседали представители от таубиев, узденей и при разборе крестьянских дел — и от чагаров, и в нем разбирались и решались окончательно все гражданские и уголовные дела словесно и утверждались «олием» на словах же; но позднее, при окончательном водворении мусульманской религии, принимал участие в заседаниях суда духовный судья «кадий», который писал документы о решениях на арабском языке. Распоряжения олия беспрекословно исполняли все, не исключая и таубиев и узденей, и так называемые «бегеули» из простых людей — это рассыльные и глашатаи. Каждый мужчина из таубиев, узденей и эмчеков должен был иметь оружие и коня и по первому призыву олия явиться готовым к походу и войне с неприятелем, а в мирное время мужчины упражнялись в стрельбе, верховой езде, борьбе и играх на открытом поле. Один из олийев Сосран Абаев, живший больше двухсот лет тому назад, даже создал из своих чагаров особых стрелков, потомки которых и до сих пор являются отличными охотниками.

Весною и осенью, когда скот — лошади и овцы — перенялся на плоскость и на пастбище, молодые таубин с узденями выезжали на плоскость и становились лагерями для охраны животных и пастухов от соседнего племени кабардинцев. В остальное время содержались караулы по ущельям и на перевалах в Грузию, Имеретию, Сванетию, и также со стороны Осетии.

Для обсуждения особо важных вопросов, и в особенности в тех случаях, когда кто-нибудь из таубиев начинал выходить из повиновения, олий сзывал на сход все население и предлагал народу решить вопрос, и решение народа моментально приводилось в исполнение.

Вот в общих чертах государственный, если можно так выразиться, строй, существовавший в маленьком, но самостоятельном народе Балкарии до присоединения его к России.

В религиозном отношении все данные говорят о том, что в Балкарии раньше соперничали между собою язычество и христианство, потом явилось магометанство, которое, вытеснив язычество и зачатки христианства, окончательно укоренилось, хотя и довольно поздно.

Предания об образовании остальных обществ похожи, в общем, на предание о «Малкаре». Общества Безенгиевское и Хуламское занимают ущелье р. Кичичерек (Младший Черек) — притока р. Череха. Чегемское общество занимает ущелье р. Чегема и Урусбиевское (Баксанское) — ущелье р. Баксана. Во всех обществах таубии считаются пришлыми, и они по отношению к населению играли ту же роль, какую играли балкарские таубии, но организация управления не была так твердо и определенно установлена, как в балкарском обществе, и для разрешения особо важных вопросов и споров они обращались в Балкарское «тёре». Это происходило, по-видимому, потому, что эти общества позже образовались и были сравнительно небольшими. Правителями в этих обществах были таубии: в Безенги — Суншевы, в Хуламе — Шакмановы, в Чегеме — Балкаровы, Барасбиевы, Кучуковы, Келеметовы. Баксанское (Урусбиевское) общество считается самым молодым, и историю его образования можно считать более достоверной. Оно занимает верховье р. Баксана и расположено почти у подножия горы Эльбрус и официально называется Урусбиевским обществом по фамилии таубиев Урусбиевых. Ущелье реки Баксан сравнительно с другими более доступное, т. к. дорога идет по дну, крутых подъемов и спусков не имеет, и часть его можно назвать долиной; только приближаясь к главному хребту Кавказских гор, оно суживается, а потом опять расширяется. Вот эту верхнюю часть занимает Урусбиевское общество, а в нижней, широкой и доступной части, служащей и главным выходом на плоскость из Чегемского общества, частью земель владеют таубии Чегемского общества, а некоторые более или менее удобные участки земель находятся во владении одной ветви кабардинской княжеской фамилии Атажукиных. Но, как гласят старые легенды и предания, Атажукины и чегемцы — поздние владельцы, а в древние времена эта долина до теснин, покрытых сплошным сосновым лесом до самых ледников, была занята карачаевским народом, родственным балкарцам и ныне занимающим верховье реки Кубани. Народ этот, теснимый, с одной стороны, кабардинцами, занимающими выход из ущелья, и чегемцами — с другой, нашел себе более удобные места для населения в верховьях р. Кубани и переселился туда. Таким образом, верхняя часть Баксанского ущелья, покрытая сплошным сосновым лесом, и расположенные по бокам его плоскогорья оставались никем не занятыми. В это время возникли раздоры между членами фамилии Суншевых — безенгиевских

таубиев, и внук знаменитого, воспетого в старинных парадных песнях Баксануко Суншева⁵ — Чепелеу Урусбиевич Суншев, будучи одиноким и опасаясь за свою жизнь, ушел с матерью сначала в Чегемское общество к родственникам матери. Возмужав и ознакомившись с Баксанским ущельем, решил покинуть навсегда Безенги, забрав оттуда своих узденей, эмчеков и холопов с их семействами, и, поддерживаемый первое время родственниками своей матери — чегемскими таубиями, поселился в Баксанском ущелье перед входом в теснину, недалеко от границы атажукинских владений, на участке под названием «Камык». Отказавшись носить древнюю свою фамилию, Суншев объявил себя Урусбиевым, по имени своего отца. Через некоторое время, ознакомившись хорошо с ущельем, этот энергичный пионер переселился выше, в глубь теснины, на лесную поляну, у подошвы ледников Эльбруса, и стал увеличивать население свое, принимая к себе в качестве холопов, узденей и эмчеков разных пришельцев и отводя им места для поселения по своему усмотрению. Так образовалось первое поселение в верховьях р. Баксана.

У Чепелеу Урусбиева и его потомков скоро появились и завистники в лице кабардинских князей Атажукиных и чегемских таубиев, и им приходилось защищать свои владения и скот с оружием в руках, но они не растерялись и продолжали исследовать территорию, избранную ими для житья. Открыли удобный перевал для перехода через нагорный склон Главного хребта в Сванетию, познакомились с владетельными князьями Дадешкелиани, которых горцы называют Хтаровыми⁶, по имени знаменитого Хтара Дадешкелиани⁷, жившего около 300 лет тому назад, и успели, с политической целью, сродниться с ними путем совершения браков.

Родство с воинственными и сильными соседними сванетскими князьями принесло громадную пользу Урусбиевым, они отчасти обязаны им сохранением за собой своих владений в те времена, когда все зависело от силы. Потомок Чепелеу и Урусбиевых Исмаил Урусбиев⁸, названный «железным человеком», имел уже в своем распоряжении порядочное население и, находясь в самых дружественных отношениях со сванетскими князьями, управляющими воинственным народом, сам начал вести себя вызывающе по отношению к другим соседям — чегемским таубиям и к Атажукиным. Тогда последние заключили союз и решили уничтожить дерзкого Исмаила и начали готовиться к походу против него.

Но Исмаил тоже не дремал и, узнавши о намерениях союзников, секретно вызвал сванетское войско и в ожидании неприятеля спрятал его в лесу под снеговым перевалом, а навстречу неприятелю выслал по ущелью незначительный отряд с приказанием, чтобы он постепенно отступал, как бы не выдерживая натиска, и завлек неприятеля в глубь теснины, покрытой лесом. Сам Исмаил занял наблюдательный пункт на одной из господствующих над ущельем сбоку горных вершин, откуда мог бы видеть своих и неприятеля и мог давать своим войскам условные знаки, служившие командой. Неприятель, не встречая сопротивления, увлекся в глубь леса и оказался окруженным войсками Урусбиева с трех сторон. В это время по сигналу Исмаила сванеты под командой князя Чичека Отарова — Дадешкелиани открыли страшный огонь по неприятелю с фронта, а урусбиевские воины с боков, будучи сами прикрыты лесом, так что Атажукину и таубиям Барасбиеву и Келеметому оставался один выход — бежать со своими войсками, пока не был закрыт путь к отступлению, что они и поспешили сделать. Но половина их осталась убитой и раненой на месте сражения, раненым оказался Басиат Барасбеков⁹ и убитым Тогузак Келеметов, Атажукин же спасся бегством с частью войска, бросив на поле битвы своих союзников — раненого Барасбиева и тело Келеметова. Барасбиева урусбиевцы пощадили, зная, что Исмаил Урусбиев был женат на его сестре, и повезли его к ней, но в первое время сестра должна была скрыть его, боясь, чтобы Исмаил в гнев не убил его.

Так неудачно кончился поход князей Атажукиных¹⁰, но Урусбиевы навсегда спасли свои владения и независимость. Об этой войне сложена народная песня. Настоящее поколение Урусбиевых составляют правнуки знаменитого Исмаила Урусбиева.

II

Балкарцы с древних времен имели мирные сношения и военные столкновения с соседними племенами: Грузией, Имеретией, Сванетией с юга, осетинами с запада, карачаевцами с востока и кабардинцами с севера, а также с чеченцами, кумыками и дагестанцами. Балкарцы называют кабардинцев «черкес», осетин ближних «дигорли», «дигор», дальних — «течей», «течейли»¹¹, грузин, имеретин и сванетов называют общим именем «эбзе», подразделяя их на «гурджи-эбзе» (тифлисских), «имерет-эбзе» и т. д. В част-

ности, жителей Рачинского уезда Кутаисской губернии, близко живущих к Балкарскому обществу, балкарцы называют «малкар-эбзе», а сванетов — «шара» и «шкула». Кабардинцы называют балкарцев, осетин и карачаевцев общим именем «кушха», добавляя для различия между ними по отношению к осетинам «тезен-кушха», балкарцам «балкар-кушха» и т. д. Осетины кабардинцев называют «кашкон», а балкарцев «ассиаз». В преданиях же об осетинском царе Балкария называется «царством Басиата», т. е. по имени родоначальника балкарских таубиев Басиата.

Балкарцы еще до появления кабардинского народа на занимаемой им ныне местности имели сношения с Грузией, Имеретией, получая оттуда материи, железо, соль, фрукты и т. п., а сами взамен этого отправляли туда разный скот, овечью шерсть, шерстяные изделия — черкески, бурки, войлоки и т. п. Торговля отчасти сохранилась и до сего времени. Существует смутное предание о том, что во время войны Персии с Грузией балкарские таубии как дружественные соседи явились на помощь к грузинскому царю со своими дружинами и стали лагерем около «Золотой церкви», этим именем называют кавказские горцы и поныне монастырь близ города Гори.

С осетинами имели непосредственное сношение и частью столкновения исключительно жители Балкарского общества, их соседи. Столкновения эти происходили главным образом из-за земельной границы.

Малкар-эбзе, т. е. жители Рачинского уезда Кутаисской губернии, также сталкивались с Балкарским обществом.

Между Балкарией и вольной Сванетией постоянно происходили враждебные столкновения, и вражда эта тянулась до 70-х годов прошлого столетия: то балкарцы устраивали набеги при удобных случаях на Сванетию и грабили часовни и другое имущество, то сванеты угоняли скот балкарцев с пастбищ, расположенных под перевалами, и эти набеги и угоны кончались часто сражениями. Только княжеская Сванетия, имея сношения с Балкарией через ближайшее Баксанское («Урусбиевское») общество, находилась всегда в дружбе, и князья ее связались родством с таубиями посредством браков.

Между Карачаем и Балкарией враждебных столкновений не было, напротив, несмотря на то, что их разделяет значительное горное пространство, между обоими народами существовала родственная, неразрывная связь.

Сношения балкарцев с туземцами Закавказья происхо-

дили в течение летних 3—4 месяцев, а в остальное время пути через перевалы закрывались.

Самым сильным по многочисленности и враждебным племенем для Балкарии являлась Кабарда, занявшая равнины у выходов из ущелий. Кабардинцы явились в этой же роли и по отношению к горцам Осетии, ингушам, карачаевцам и абазинцам. С этим сильным и воинственным племенем пришлось горсти жителей пяти обществ Балкарии вести постоянную борьбу до последних времен. В этой борьбе с почти кочевым народом — Кабардою — оседло жившим веками в горных ущельях балкарцам помогли: сама природа — недоступность гор, сильная привязанность горцев к родине, единодушие, порядок во внутреннем управлении и возможность доставлять из Закавказья жизненные припасы путем мены на скот и шерстяные изделия. Не будь этих условий в связи с постоянными ссорами кабардинских князей между собою, едва ли горцам удалось бы сохранить за собою независимость. Этим же условиям, надо полагать, обязаны горцы Балкарии тем, что они сохранили свою независимость и самостоятельность и тогда, когда все «адыге» (этим именем называют себя кабардинцы и другие черкесские племена) подчинялись крымскому хану, который посылал к ним своих наместников из членов своего рода. Потомки этих наместников впоследствии очеркесились и ныне носят официальную фамилию «Султан», а туземцы называют их «Хан». Это доказывается, между прочим, найденным в 90-х годах прошлого века случайно в старинном памятнике¹² документом, который изображает каменную плиту с надписью, вырезанной арабскими буквами на местном балкарском языке. Надпись эта гласит, что «спор о границах земель народов малкар, безенги, хулам, чегем и баксан (урусбий), с одной стороны, а владений крымского хана, занятых Кабардою, — с другой, решен третьей стороной...», в котором, кроме избранных из своей среды представителей, участвовали приглашенные сванетский князь Отар Отаров (Дадешкелиани) и кумыкский агалар Хан. В подписи указаны пограничные пункты и помечены день, месяц и год по мусульманскому летосчислению, именно сказано: «Документ сделан в последний день Раджаба 1117 г.», можно считать и 1127 г., так как, к сожалению, 3-я цифра слева неясна и несколько слита с соседней цифрой, тем не менее несомненно, что документ составлен приблизительно в 1700 году. Затем существует старинная песня под названием «Крым-семенле»¹³, в которой описывается путешествие по Кабарде «крымских семе-

нов» (есть предположение, что семенами называли сборщиков дани) и, между прочим, поединок между балкарским таубнем Темирканом и двумя его противниками — «одним кабардинцем и одним крымцем», в котором одержал победу Темиркан*.

Но бывали и такие случаи, когда кабардинским князьям удавалось проникать с отрядами в горы и производить грабежи в более доступных и сравнительно небольших обществах Хулам, Чегем и Баксан, благодаря отсутствию постоянного сильного караула у входов ущелий, разрозненности обществ между собою и в те моменты, когда происходили некоторые раздоры между самими обществами, а иногда таубии этих обществ нарочно звали к себе какого-нибудь кабардинского князя, сговорившись с ним, чтобы сбыть ему членов какого-нибудь беспокойного рода из числа своих подданных. Но собственно Балкарское общество никогда ни в какие подобные сделки не входило с кабардинцами и охраняло зорко свои границы. Особенно сильно беспокоил горцев знаменитый по своей храбрости кабардинский князь Асланбек Кайтукин¹⁴, державший в ежовых рукавицах остальных кабардинских князей, в чем ему очень много помогал своими советами его «орк» (дворянин) и кабардинский мудрец-философ Джабаги Казанов¹⁵. Этот Кайтукин, живший 200 лет тому назад, как это можно видеть из надписи на памятнике мудреца Джабаги, задался целью взять дань с соседних племен, что ему кое-где и удалось. Зная, что самое правильно организованное общество Балкарское, что оно имеет значительное влияние и на остальные общества и что если покорить его, то остальные сами сдадутся, Кайтукин попытался действовать сначала силой против Балкарии и один раз проник туда.

Об этом случае и последующих взаимоотношениях Кайтукина и современника его балкарского олия Сосрана Абаева, которого кабардинцы называли «Альшагир», кабардинская старинная песня и рассказы балкарцев, передававшиеся от поколения к поколению, повествуют следующее.

Один из Айдебуловых (таубий), будучи недоволен олием и добываясь власти, завел тайно сношения с Кайтукиным и уговаривал его идти с войском в Балкарию, убеждая, что при помощи преданных ему, Айдебулову, людей они

* Существуют таубисевские фамилии Темиркановы и Бикановы — потомки Мимбулата, но не Басиата.

покорят Балкарию. Кайтукин после долгого обсуждения этого предложения решился посетить Балкарию, но не с войском, а со свитой и небольшой охраной, и предложить Сосрану Абаеву, олию, добровольно подчиниться и дать дань. Абаев не дремал и, будучи осведомлен о намерениях предателя Айдебулова, всегда был готов к встрече неприятеля. Кайтукин въехал в Балкарское ущелье и, остановившись в пещере под названием «Зына-дорбун», отправил послов к олию Сосрану Абаеву — Кучуковичу (по-кабардински к Кушук-ико-Альшагир) с извещением о своем прибытии для получения дани от балкаров, но «Альшагир» вместо встречи его приказал послам отправиться к своему князю и сказать ему, что если он имеет дело в Балкарии, то может явиться на заседание «тёре», если же он имеет в виду посетить лично самого Абаева, то может пожаловать в его кунацкую (гостиная); на попытку послов сделать возражение и дать понять, что Кайтукин требует дань, олию строго воспретил им рассуждать и приказал немедленно удалиться и передать его слова Кайтукину. Когда послы удалились, он поставил поперек ущелья цепь стрелков и дал им приказание следующими словами: «Ко мне едут гости, вы их позабавьте: когда они подъедут на расстояние выстрела, то дайте по ним залп, но цельтесь в рукоятки их кинжалов и шашек, в папахи, не беда, если попадете и в лошадей, а людей не убивайте; если же гости не остановятся и ответят выстрелами, то, не отступая, дайте мне знать».

Кайтукин, узнав об этом распоряжении и убедившись в бесполезности своего путешествия, выехал обратно из ущелья, несмотря на противное мнение части его придворных «орков». Поэтому последние сложили на обратном пути песню, в которой они восхваляют олию Абаева, а над Кайтукиным смеются. Песня эта начинается так: «Чы эймы десго Басиатыпше, Кушук-ико-Альшагир пши каком жуап ирийтыргам, орк каком ворогус ирийхргам»¹⁶ и т. д. (т. е. «Живущий на нехорошей земле басиатский князь Альшагир Кучукович князей не удостаивает ответом, а с дворянами не здоровается», и т. д.). Дальше в песне дворяне Кайтукина порицают его нерешительность и свою готовность перейти к Альшагиру.

После этого Сосран Абаев и Кайтукин начинают разными путями испытывать друг друга. Кайтукин обыкновенно лето проводил в своем охотничьем доме, выстроенном в большом лесу на маленькой поляне, на берегу р. Черек у выезда из Балкарского ущелья. В этом лесу он охотился в одиночестве и никому другому не позволял присутство-

вать там. В свободное время он любил сидеть на верху большого камня на середине поляны с трубкой во рту, и около него стоял «кубган» — рукомойник.

Это все было известно Абаеву, и он приказал двум своим знаменитым стрелкам-охотникам испытать храбрость Кайтукина двумя способами: спрятаться в лесу на краю поляны и перед сумерками, когда Кайтукин будет сидеть на камне, одновременно выстрелить, и одной пулей попасть в трубку его, а другой в кубган, и если он не испугается, то остаться в лесу, когда Кайтукин пойдет туда на охоту, но так, чтобы он не видел их раньше, чем выскочит зверь. Охотники исполнили в точности это приказание, за что впоследствии и сам Кайтукин подарил им участок земли, которым потомки охотников Аттасауовы и до сего времени владеют.

Храбрость Кайтукина была настолько велика, что он продолжал сидеть совершенно спокойно, когда пулями была сбита трубка из его рта и опрокинут кубган. В лесу же, когда выскочил испуганный олень, одновременно раздались три выстрела, и все три пули попали в него, и он упал, и одновременно к нему подбежали стрелявшие — Кайтукин и два охотника-балкарца. Кайтукин, взбешенный этой дерзостью горцев, поднял ружье и прицелился в них, в тот же момент и те дула своих ружей направили в грудь Кайтукина, тогда Кайтукин опомнился, опустил ружье и вернулся домой, а охотники взяли оленя и тоже отправились в Балкарию и доложили Сосрану о случившемся. После этих проделок Кайтукин решил наказать Альшагира, угнав его овец вместе с пастухами, находившимися далеко от Балкарского общества; за двумя горными хребтами, на пастбище «Хизни-баши»¹⁷, куда можно проникнуть по особому ущелью.

Отправившись туда с людьми, он не решился сразу напасть на кош ввиду преобладающего числа вооруженных. Он оставил своих людей, спрятав в лесу, а сам оделся в костюм простого кабардинца и пешком на ночлег, как охотник, пришел на кош Сосрана. Его приняли, и старшие приказали зарезать барашка ради гостя, который притворялся не знающим балкарского языка.

Разговор перешел на злобу дня, т. е. на Кайтукина и на Абаева, одни говорили, что победит Кайтукин, другие говорили, что, пока жив Сосран, Кайтукину не удастся покорить Балкарию. Тогда в разговор вмешался парень из «аталыков» Сосрана и, спросив предварительно разрешения от старших, сказал так: «Я думаю, что Асланбек Кай-

тукин, быть может, и храбрый, но не умный человек; если бы он был умный, то вместо того, чтобы вступать в борьбу с Сосраном, искал бы с ним дружбу и, заключив с ним союз, спокойно вместе с молодыми балкарскими таубиями покорил бы всех соседей и получал бы дань с них». Эти слова Кайтукина заставили призадуматься. После ужина старшие легли спать в коше, а молодежь с собаками отправилась к кострам, разведенным вокруг стоянки овец на некотором расстоянии друг от друга. Но скоро Кайтукин услышал единичные выстрелы, раздававшиеся недалеко через небольшие промежутки, он встал, вышел из коша и увидел такую картину: молодежь, находящаяся около костров, вместо того, чтобы спать, занималась стрельбою в цель; у одного костра ставили ребра и другие кости съеденного барашка, а находившиеся у другого костра стреляли в эти кости, попадая в них, и это упражнение продолжалось до утра.

Кайтукин понял, что этих стрелков-пастухов легко не возьмешь в плен и баранту¹⁸ они дешево не отдадут, поэтому он не решился привести в исполнение свое намерение и отправился домой, но тем не менее, будучи гордым и избалованным успехами, он решил, прежде чем искать дружбу Сосрана, изучить внутренний порядок управления Балкарии, средства и силы ее и для этого отправил двух своих верных и умных приближенных, по происхождению из кумыков, владеющих балкарским языком, в Балкарию с тем, чтобы они явились в дом Сосрана Абаева как странники и, прожив там год, изучили там жизнь и быт балкарцев и самого Сосрана.

Но когда эти послы возвратились через год, рассказали ему, что Сосрану беспрекословно подчиняется все население, сам он имеет значительные средства, имеет сношение с Грузией, Имеретией, все, чего нет в Балкарии, получает оттуда, имеет из молодежи обученное войско, порох выделяют сами, свинец добывают на месте, сам Сосран — человек культурный, у него имеются высокие башни с бойницами, сложенные из извести, устроены подземные водопроводы к его усадьбе и разведен фруктовый сад и т. п. Услышав все это и мнение послов о бесполезности борьбы с Сосраном, Кайтукин завел мирные переговоры с ним, и они заключили союз. Кайтукин предоставил Сосрану право выгонять стада Балкарского общества осенью и весной для пастбы бесплатно на кабардинские земли и ставить «басиат-кош» (лагерь) там, где пожелают таубии, до берегов р. Терек, а Сосран обязался не препятствовать Кайту-

кину пробираться иногда в соседние общества Безенги и Хулам с целью поживы и угонять быков и баранов на зарез и т. п.

Но Сосран был осторожен, зная, по-видимому, что в международных договорах право сохраняется только за сильным, поэтому в периоды, когда скот находился на плоскости, отправлял туда отряд из молодых таубиев с узденями и стрелками, который становился лагерем ниже хуторов-кошей для предупреждения злого умысла со стороны Кайтукина и вообще кабардинцев. В это же время отряд этот предпринимал путешествие в Чечню, Осетию и другие места за наживой, при этом он нередко увозил и молодых людей, которых делали рабами и рабынями. Лагерь таубиев назывались «басиат-кош», куда являлись нередко для изучения военного искусства молодые люди из соседних дружественных племен и из других горских обществ. Этот порядок существовал до появления русских войск и присоединения Кабарды и Балкарии к России. Но прежде чем говорить о начале соприкосновения с русскими, необходимо упомянуть о взаимных отношениях горских обществ и об отношениях собственно таубиев Балкарского общества к населению селений Геби и Чиори Рачинского уезда Кутаисской губернии.

Балкарское общество, будучи самым большим по количеству жителей и самым сильным благодаря правильному, твердому порядку правления в самом обществе, играло выдающуюся роль. В этом обществе, как было упомянуто, издавна существовал народный суд под названием «тёре», в котором разбирались гражданские и уголовные дела и решались на основании установившихся обычаев (адатов), а в случае возникновения новых вопросов, не предусмотренных адатами, «тёре» устанавливал новый обычай, так что этот суд одновременно являлся и законодательным учреждением. В это судилище обращались за разрешением более или менее крупных юридических вопросов по судебным процессам жители и других обществ. Бывали и такие случаи, когда являлись в «тёре» жители Карачая и Дигории (соседнее осетинское племя). Балкарское общество имело постоянную стражу в своих ущельях, по которым жители сообщались с плоскостью, где поныне существуют сторожевые каменные башни; на перевалах же в Закавказье и в Осетию в летнее время содержался караул.

Кроме этой стражи, существовал отряд воинов из молодых таубиев и стрелков, который весной и осенью становился лагерем на плоскости перед входом в ущелье;

лагерь этот назывался «басиат-кош», по имени родоначальника балкарских таубиев, куда являлись учиться военному искусству молодые таубии и из других обществ. Этот отряд, охраняя общество и стада его от неприятеля, одновременно командировал партии из молодцов-сотоварищей в разные стороны за наживой, так что войско содержало само себя. Отряд этот зимою, иногда и летом, отдыхал, молодежь скучала, разыгрывались страсти, и если ему почему-либо не удавалось предпринять поход на южную сторону гор — в Сванетию или Имеретию — за наживой, то он частенько обижал своих единоплеменников — безенгиевцев, хуламцев и чегемцев, угоняя у них скот.

Причиной этому отчасти являлись экономические условия, а именно: долина, занимаемая Балкарским обществом, сравнительно обширная, почва ее плодородная, она больше, чем другие ущелья, защищена от северных ветров, климат не так суров, и растительность разнообразнее, но ее окружают высокие голые скалы, нет плоскогорий, и в общем удобной для скотоводства земли мало, так что по мере увеличения населения становилось трудно жить. тогда как в других небольших обществах пастбищ много и количество скота увеличивалось. При таких условиях балкарцам приходилось искать средства для жизни в стороне. Эти же условия создали в Балкарии, с одной стороны, военный дух, и часть населения занималась походами на сторону за наживой, причем сами умели делать порох, свинец добывали в своих горах, железные и вообще металлические изделия и оружие, даже заграничные, получали из Закавказья, а с другой — создали ремесленников — каменщиков, кузнецов, слесарей и даже оружейных мастеров, которые отправлялись на заработки в другие горские общества и в Кабарду.

Чтобы спасти себя от нападений балкарцев, таубии других обществ поспешили сродниться с балкарскими таубиями путем совершения браков, а простые роды тех обществ прибегали под покровительство балкарских таубиев: становясь их эмчеками, платя им за это известную дань и воспитывая их детей. В последнем случае они делались «аталыками» таубиев, что означает воспитатель, и это было основано на обычае или, правильнее, на понятии, по которому для жен таубиев считалось стыдом кормить своих детей грудью своей и с 1-го же дня рождения детей отдавали на воспитание — кормление в дом своих подчиненных, где имелись женщины с новорожденными детьми, эти-то кормилицы считались «аталыками»; это аталычество не

успело еще и теперь выйти из моды окончательно. Впрочем, после неудачной попытки знаменитого кабардинского князя (пши) Асланбека Кайтукина покорить балкарцев во времена олийства Сосрана (Альшагира Кучуковича) Абаева начали искать покровительства балкарских таубиев и некоторые из самих кабардинцев, и из осетин различными путями, и брали на воспитание их детей, делаясь их аталыками, и сейчас есть еще живые балкарские таубии, кормилицами, т. е. аталыками которых были кабардинцы и осетины, много и других данных, говорящих о значительном влиянии балкарских таубиев, но чтобы не быть голословными, приведем один из множества достоверных случаев. В Кабарде есть старинные и сильные дворянские фамилии, которые иногда отказывались подчиняться своим князьям, которым принадлежала верховная власть. Фамилии эти называются «тлекотлеш», происходящее из двух слов: «тлек» — род, «тлеш» — сильный. Однажды кабардинские князья Атажукины успели вооружить народ против сильной, родовитой фамилии Кудинетовых, и хотели их истребить и завладеть их состоянием и аулами, тогда Кудинетовы бежали в Балкарию под защиту таубиев, потомков Басиата. Басиаты их приняли, устроили у себя, и молодые Кудинетовы, отправляясь с молодежью таубиев в лагерь «басиат-кош», предпринимали вместе с ними походы за наживой, отличаясь храбростью; молодежь фамилии Атажукиных, лишившись храбрых молодых Кудинетовых, не могла соперничать в походах с таубиями и стала просить старших помириться с Кудинетовыми и вернуть их в Кабарду, и когда отцы не согласились на это, они сами перебежали в «басиат-кош». Тогда только князья Атажукины заключили мир с Кудинетовыми, возвратив им все захваченное их имущество, и последние возвратились в Кабарду, но предварительно они и балкарские таубии, потомки Басиата, побратались, т. е. поклялись быть братьями и вперед защищать друг друга и умереть там, где умрет другой. На туземном языке это называется присяжное фамильное братство и не теряет силу, доколе существуют роды. Пожилым Кудинетовым и балкарским таубиям это известно и поныне.

Перейдем теперь к описанию отношений, бывших между балкарцами и жителями Рачинского уезда Кутаисской губернии и кутаисскими евреями, которых балкарцы называют «урья». В начале очерка было сказано, что горцы Нальчикского округа имели торговые сношения с Закавказьем еще в старые времена. Так, крестьяне селений Геби

и Чиори Рачинского уезда, названные горцами «малкар-эбзе», главным образом, издавна доставляли через главный снеговой хребет в Балкарию товары — шелковые и бумажные материи и металлические изделия — или приводили с товарами купцов из кутаисских евреев и меняли свои товары на черкески, бурки, войлоки, шкуры, шерсть и т. п. балкарские изделия, а иногда являлись с деньгами — сначала грузинскими и турецкими монетами, а после русскими — и покупали крупный и мелкий скот. Товары эти из Балкарии перевозились в другие горские общества. Несомненно, в старые времена торговцам не совсем было безопасно переходить с товарами и деньгами через снежные горы в чужую страну и вести там торговлю, или же в случае опоздания, непогоды даже зимовать. Это-то обстоятельство послужило причиною тому, что малкар-эбзе стали еще в древние времена данниками балкарских таубиев на эмчекском праве; точно в таком же положении находились и кутаисские купцы «урья». По мере размножения и разделения таубиев на отдельные роды и семейства они делили своих закавказских эмчеков между собой так же, как своих подданных и свое имущество, объявляя о том эмчекам, так что последние знали, кто кому из таубиев должен платить дань. Таубии настолько серьезно защищали этих эмчеков и их интересы, что они совершенно свободно бывали во всех горских обществах и в Карачае и вели торговлю, не подвергаясь никаким обидам. Эти отношения сохранились до начала 70-х годов XIX века. Размер дани определялся по состоянию крестьянина-торговца и количеству товара купцов-евреев, и по количеству голов скота, покупаемого на деньги, или дань платилась натурой. Кроме того, эмчеки должны были привозить ежегодно определенное количество железных лемехов по известной величине для плугов, а также известное количество медных котлов; кроме всего этого, молодые таубии после женитьбы отправлялись со свитой в селения Геби, Чиори, где эмчеки устраивали для них торжественные угощения, и каждый подносил молодому таубию в подарок какую-либо вещь по своему состоянию, и подарок этот назывался «берне». Когда таубии сами гоняли для продажи лошадей и скот в Закавказье, то тамошние эмчеки сопровождали их в качестве прислуги и переводчиков, причем таубии вели дружественные сношения с высшими сословиями Кутаисской губернии, встречая у них радушный прием, даря им лошадей и принимая от них подарки.

Горцы в силу природных условий занимались и зани-

маются преимущественно скотоводством. Хлеб же сеют — и то только ячмень, овес и немного яровую пшеницу — на низменных, более или менее удобных клочках земли, которые очищаются от камней, удабриваются навозом и искусственно орошаются водою. Климат в горах довольно суровый, лето короткое, зима длинная, и хотя очень больших морозов в долинах не бывает, но часто бушует ветер, и в период коротких дней солнце поздно встает для аулов и рано заходит. Лесов мало, а в некоторых ущельях их уже нет вовсе. Несмотря на все эти неблагоприятные условия, горцы не жаловались на бедность благодаря крайнему своему трудолюбию, скромной и здоровой жизни и привычке удовлетворяться малым. Благодаря климатическим условиям и трезвой жизни горцев болезней в горах не встречалось и народ был здоровый, только в последнее время занесены были туда лихорадка, брюшной тиф, разные характерные кожные болезни, а в настоящее время даже и сифилис. Горцы, или скорее горянки, издавна умели готовить себе одежду из овечьей шерсти и обувь из шкур, а излишек этого сырья меняли на бумажные и шелковые ткани. Пищу горцев составляли ячменный чурек, молочные продукты и мясо, а питье — домашнее пиво из ячменя, буза из овса (род русской браги), «айран» и «гыпы»¹⁹ (кефир) из молока.

Народ не был угнетен и забит, так как высшее сословие относилось гуманно, благодаря чему до сих пор сохранились довольно хорошие отношения между сословиями, поэтому горцы были довольны своей жизнью и имели досуг для того, чтобы устраивать народные веселья: танцы на открытом воздухе и игры, в которых принимали участие взрослые люди, даже старики и старухи, но теперь, вследствие различных жизненных условий, эти народные увеселения и игры вывелись, и жизнь горцев стала однообразнее и скучнее... В отношении нравственности горцев можно сказать смело, что было время, когда горец и горянка не допустили бы мысли, что кто-нибудь мог нарушить супружескую верность, или кто-либо позволил себе увлечь женщину или девушку, несмотря на то, что до зрелого возраста обоего пола браки не совершались, почему народ был крупный и здоровый. Так называемый обычай увозить девушку явился сравнительно недавно. Горцы были правдивы и вполне хозяевами своего слова, не имели понятия о письменных обязательствах и ответственности в будущем. В летнее время, когда весь народ занят полевыми работами, скот и лошади ходили в горах без присмотра, замков в

дверях не существовало, но воровства почти не было, несмотря на отсутствие уголовного наказания; но если бывали случаи краж в своих пределах и на кого-нибудь падало подозрение, то нелегко было вору оправдаться: невинность его должны были подтвердить под присягой десять человек, вполне добросовестных, по назначению суда или потерпевшего, а именно: один из таубиев, а остальные из родственников обвиняемого по мужской и женской линии и посторонних лиц того сословия, к которому принадлежал обвиняемый. В случае уличения виновного он платил хозяину тройную цену стоимости краденого и штраф в пользу общества. Редко случались убийства и поранения при трезвой жизни горцев, но если они случались, то правители и старики принимали меры к немедленному примирению сторон, присуждая с виновной стороны в пользу правой или потерпевшей плату за кровь, за поранение, издержки и т. п., согласно установившимся адатам и обычаям, и дело кончалось этим, так что в Балкарии враждующих между собою народов, фамилий и семей бывало очень редко. Горцам Балкарии, как сказано выше, приходилось иметь дела с другими соседними племенами, и не осуждалось, если молодежи удавалось угонять скот от неприятелей, захватывать другое имущество и увезти даже людей в рабство, но заниматься воровством у себя считалось позором и низостью. К сожалению, нравы горцев теперь изменились и отчасти изменились экономические и жизненные условия.

Несомненно, горцы Нальчикского округа, или, правильнее, таубии, имели понятие еще в древние времена о Русском государстве и силе его, называемом тогда ими «Московией», прежде чем они непосредственно столкнулись с русскими войсками, благодаря своим сношениям с Грузией и Имеретией, откуда вместе с иностранными товарами приходили и политические вести. Поэтому, а также принимая в соображение, что Грузинское царство присоединяется к России, как только дошел слух до гор о прибытии русских войск к границам Северного Кавказа, так сейчас же таубии выбрали по одному представителю от каждой таубиевской фамилии и командировали их к главнокомандующему русской армией, которого они, пробравшись через Кабарду, застали на месте, где ныне стоит город Ставрополь-Кавказский, названный туземцами «Шет-Кала», что означает на кабардинском языке «шет» — стул, скамейка, «кала» — крепость. Депутация эта заявила главнокомандующему, что таубии желают присягнуть русскому «белому царю» и привести к присяге свои народы, с тем, чтобы за таубиями

были сохранены и права их на земли и чтобы религия и обычаи народа не были тронуты.

Главнокомандующий русской армией охотно принял предложение представителей горских племен, их присягу на верноподданничество и донес на высочайшее имя, что «старшины» (по какой-то странной ошибке таубии были названы старшинами) народов Малкар (Балкар), Безенги, Хулам, Чегем и Баксан (Урусбий) присягнули на верноподданничество и привели к присяге свои народы... Государь повелел принять это подданство и считать присоединенными к России эти народы. Таким образом, горские общества Нальчикского округа, т. е. Балкарские, стали частью русской империи, но во внутреннем управлении горских обществ долгое время изменений не было. Они по-прежнему управлялись своими олиями, и народ жил мирно, исполняя требования русского правительства. Только в 40-х годах XIX столетия из территории горских обществ был образован один административный участок и начальником участка был назначен офицер из осетин, некто Хориев, но и он до смерти старых олийев почти не вмешивался во внутренние общественные порядки. Название «сельское (аульное) общество» аулы Балкарии получили в 1870 году, по издании бывшим начальником Терской области графом Лорис-Меликовым²⁰ так называемого «Положения об управлении сельскими (аульными) обществами», утвержденного наместником Кавказа в 1870 году 30 декабря, которое и поныне служит руководством. Переписка вначале велась на арабском языке, и поэтому при областном правлении, окружных управлениях и участковом начальнике имелись и письменные переводчики. Должности этих переводчиков, будучи штатными, в областном и окружном управлениях сохранились и до сего времени, хотя в сельских (аульных) правлениях имеются давно русские писари и переписка ведется на русском языке. По упомянутому положению, аульные суды дела решают до сих пор по обычаям и адатам и по шариату, в последнем случае — при участии эфенди. Крупные же дела разбирались в так называемых «горских сословных судах», заменивших собой суды — балкарское «тёре» и кабардинское «махкеме», но об этих судах, имевших и имеющих важное значение для народа, необходимо поговорить подробнее.

По принятии русского подданства молодые таубии охотно начали поступать на военную службу, многие из них принимали участие в рядах русских войск во время Венгерской кампании русско-турецкой войны в 50-х годах и в

покорении Западного Кавказа. Детей таубиев в те времена брали для обучения в кадетские корпуса, а юношей — в Конвой Его Величества и вольноопределяющимися в части и войска наравне с русскими дворянами. Для детей же таубиев и кабардинских привилегированных сословий учреждена была так называемая «горская школа», ныне преобразованная в реальное училище.

В 1852 году по высочайшему повелению была послана на казенный счет депутация из таубиев в Петербург к государю императору Николаю Павловичу. Депутация эта, между прочим, просила государя о присвоении им старинного их звания — таубиев, что значит в переводе — князь гор, и относительно прав таубиев на земли. Депутаты были произведены в офицеры с назначением им пенсии от государства. Последствием просьбы депутации, между прочим, был высочайший приказ о присвоении высшему сословию балкарских горских обществ звания «таубий». Относительно же порядка землевладения в горах имеется высочайше утвержденный проект Кавказского комитета, в котором, между прочим, сказано оставить в горских обществах Нальчикского округа тот порядок землевладения, который там застало русское правительство. Поэтому каждый горец и поныне владеет тем же, чем владели его предки и он сам.

Между территорией горских обществ и плоскостными землями, занятыми, с одной стороны, Кабардой, с другой — Осетией (границей с юга служит Главный Кавказский хребет), проведена чинами областного межевого управления при участии депутатов от заинтересованных сторон пограничная межа в 1880 году, так как плоскостные земли в 1860 году были признаны казенными, часть которых отведена в наделы кабардинским и другим селениям, часть пожалована частным лицам, а остальная (горная полоса и лес) часть в 315 000 десятин — в вечное и потомственное владение Большой и Малой Кабарды и 5 горских обществ (Балкарии) Нальчикского округа на общинном праве владения. Но поземельный вопрос в горах окончательно не решен. Частные владельцы и общества документами не снабжены, и вопрос этот настолько серьезен и своеобразен, что нужно сказать несколько подробнее, как о вопросе, выясняющем, между прочим, и современное экономическое положение горцев...

Освобождение холопов (крестьян) в горских обществах последовало формально в 1867 году, а освобождение дворовых (казаков и карабашей) фактически совершилось еще

через 6 лет, так как они обязаны были выплатить сами владельцам определенные выкупы или отработать им — мужчины 5 лет, а женщине 6 лет — после формального освобождения, но платить было нечем. При освобождении крестьян никаких недоразумений не происходило благодаря тому, что влиятельные из таубиев сами помогали делу, а главным образом играло большую роль умелое действие начальника области Лорис-Меликова, руководимого наместником Кавказа великим князем Михаилом Николаевичем²¹.

Освобождая своих холопов, таубии пожелали оставить их на тех же местах, где они жили раньше, и оставили в их владении навсегда часть земель, которыми они пользовались до освобождения, и в освободительных свидетельствах, выданных холопам высшей кавказской администрацией, а также в так называемых «холопских» книгах, которые должны храниться в местных административных учреждениях, обозначены участки земель, оставленные крестьянским семьям.

Имея в виду это и вообще заслуги и преданность престолу таубиев, а также принимая в соображение, что они, размножаясь, разделились на отдельные семейства, разделив свои земли на клочки, и средства их истощились в силу отсутствия привычки к черной работе, кавказская администрация возбудила ходатайство о пожаловании таубиям, в виде вознаграждения за уступленные ими холопам земли, участков из свободных земель в Нальчикском округе. Таубиям высочайше пожаловали в 1877 г. землю мерою около 7 тысяч десятин, считая на каждую семью по 50 десятин на высотах, близ границы Кубанской области, в местности «Эшкакон».

Земли эти — представляя из себя летние пастбища, негодные для посевов и поселения, — бесценны, тем более, что они находятся далеко от места жительства таубиев, на расстоянии около 200—300 верст. Таким образом, настоящее положение таубиев в материальном отношении, за частными исключениями, очень и очень незавидное. Это — то плохое экономическое положение в связи с отсутствием местных школ и вообще образования послужило и служит, главным образом, причиною тому, что начиная с 60-х годов прошлого столетия, во-первых, молодые таубии начали, к сожалению, заниматься конокрадством, заменяя этим занятием прежнее удалство своих предков в борьбе с враждебными племенами, и, во-вторых, по временам у таубиев

является желание бросить свою любимую родину и уйти в Турцию, где их никто не знает.

Приступая к описанию порядка землевладения в горских обществах и современного экономического положения народа, необходимо привести историческую справку, взятую из официальных бумаг и верно рисующую картину землевладения и экономического положения Балкарии.

Главкомандующий Кавказской армией великий князь Михаил Николаевич писал военному министру в отзыве своем от 25 июля 1867 г. за № 3569: «Вашему Высокопревосходительству известно, что определение поземельных прав горцев Северного Кавказа всегда составляло предмет особой заботливости Кавказского начальства, но по военному положению края все распоряжения наши по земельным делам горцев, вызванные большей частью лишь военными соображениями, имели характер временных мер и с окончанием войны не могли уже удовлетворять ни видам правительства, ни потребностям горцев. Чтобы прочно устроить наше управление в крае, положить залог к вещественному улучшению быта горцев, а следовательно, и к нравственному развитию их, необходимо было уяснить в горских обществах поземельные отношения и положительно определить права как целых обществ, так и частных лиц на поземельную собственность. Несмотря, однако, на очевидную необходимость определения такого права, в особенности в тех горских обществах, где случайностями войны разрушился старый порядок владения землями и не установился еще новый, мы вынуждены были поступить в этом деле с особенной осторожностью, ибо в неуспокоенном еще и крайне недоверчивом горском населении самые благие намерения правительства могли бы произвести вредные толки и даже мятежные вспышки.

Кроме того, с одной стороны, неустановившееся после войны положение населения, а с другой — недостаток средств для сбора необходимых данных и для производства как хозяйственных съемок в районе горских земель, так и размежевания этих земель были также причинами весьма малого успеха в деле обеспечения горцев в поземельном отношении. По вступлении моем в командование Кавказской армией я обратил особенное внимание на правильное распределение земель, занятых горцами Северного Кавказа, а одновременно сделал по этому предмету нижеследующие распоряжения по Терской области... Сущность результатов, достигнутых по этому делу до настоящего времени в Большой Кабарде и сопредельных с нею горских

обществах, заключается в следующем: горские общества Большой Кабарды — Балкарское, Безенгиевское, Хуламское, Чегемское и Урусбиевское, имея единственным источником богатства скотоводство, находились в крайне стесненном положении в хозяйственном отношении по недостатку в районе их земель, удобных для осенних и весенних пастбищ, и хотя они пользовались означенными пастбищами на плоскости Большой Кабарды, но всегда терпели при этом притеснения со стороны кабардинцев. Поэтому были подробно рассмотрены нужды означенных обществ и определена потребность их в осенних и весенних пастбищах на плоскости Большой Кабарды. Составленным в 1864 г. проектом разграничения горских обществ с Большой Кабардой было предложено отодвинуть от нагорной полосы часть границы кабардинских земель, предоставив, таким образом, горским обществам пастбища в плоскостной части, а кабардинцев вознаградить за имеющие отойти от них земли двумя участками так называемой кордонной земли, находящейся в их пользовании, но окончательно за ними не закрепленной. Главные условия таких предположений, сообщенных мною Вашему Высокопревосходительству в отношении от 13 апреля 1864 г. за № 508, как видно из отзыва Вашего от 29 мая того же года за № 3886, были удостоены Высочайшего утверждения. Поэтому в том же 1864 г. я предписал начальнику Терской области вменить в обязанность комиссии по разбору личных и поземельных прав туземцев вверенной ему области и приступить при депутатах со стороны кабардинцев и каждого из вышепоименованных горских обществ к проведению в натуре съемки пограничной линии * между Кабардою и означенными обществами, сообщив при том, что к окончательному укреплению за кабардинцами предназначаются участки по Золке и Етоко и кордонные земли, лежащие между реками Малкой и Кичи-Малкой и Эшкаконом, за исключением так называемого Эшкаконского участка, который должен был оставаться в ведении казны, для будущих видов правительства. Приступив к исполнению вышеизложенного, комиссия по разбору личных и поземельных прав туземцев Терской области приняла в основание своих действий акт, составленный 20 августа 1863 г. депутатами от всех свободных сословий Большой Кабарды, которыми они заявили, что земли Кабардинского общества

* Эта линия проведена только в 1883 году, то есть через двадцать лет.

составляют достояние целого народа и что они желают пользоваться ею на общинном праве владения. Хотя фактически земли Большой Кабарды считались разделенными между княжескими фамилиями и по роду существующих в этом племени сословных отношений можно было бы предположить, что на упомянутые земли предъявит свои права как на частную собственность привилегированный класс населения Большой Кабарды, по-видимому, издавна распоряжавшийся землями по своему усмотрению *, я признал необходимым воспользоваться упомянутыми заявлениями кабардинцев (т. е. он воспользовался актом 20 августа 1863 г.) и установить в этом племени порядок пользования землями преимущественно общинный, предназначив, однако, заблаговременно некоторую часть земель для раздачи по усмотрению правительства в частную собственность кабардинским же уроженцам **».

Все эти распоряжения и предположения кавказского наместника в августе 1867 г. были через Кавказский комитет внесены на Высочайшее утверждение и журнальное постановление по этому делу Кавказского комитета, Высочайше утверждены 12 ноября 1867 года.

Замечательной верностью, беспристрастностью и полным знанием дела отличается взгляд бывшего военного министра генерал-адъютанта Милютин²² на земельный вопрос в горских обществах Нальчикского округа. Так, он 25 октября 1869 года за № 358, представляя в Кавказский комитет проектную карту распределения земель Большой Кабарды, список кабардинских аулов и список частных лиц, представленных к наделению землей, между прочим, по отношению к упомянутым горским обществам, писал следующее: 4) затем по предмету разграничения земель горских обществ с Большой Кабардой, при ближайшем рассмотрении вопроса о том, каким образом могла быть отодвинута по плоскости Кабарды граница земель горских обществ, чтобы, согласно Высочайше одобренным в 1867 году предположениям, отделить этим обществам из кабардинских земель необходимое для них количество земель, удобных для осенней и весенней пастьбы стада, оказалось, что таким изменением границы нельзя удовлетворить потребности горских обществ в осенних и весенних пастбищах,

* Это не совсем верно: дворянские фамилии «тлекотлеш» имели свои земли и аулы, которыми распоряжались сами, а князьям принадлежала как бы верховная власть, по отношению к ним объединяющая всю Кабарду как одну нацию.

** Но участки были розданы и русским чиновникам.

потому что смежные с землями горских обществ кабардинские земли, из которых предполагалось отделить лишь названным обществам необходимое количество пастбищ, служа продолжением ущелий, занятых горскими обществами, во многих местах покрыты сплошным лесом и вообще подвержены сильным холодам, через что неудобны для осенней и весенней пастьбы стад, в чем, главным образом, и нуждаются жители названных обществ, имея достаточное количество летних пастбищ в районе своих земель*. Вследствие этого после самого строгого изучения потребностей горских обществ в пастбищных землях, а также после неодносторонних суждений способов удовлетворения таковых потребностей окончательно предположено: а) укрепить за горскими обществами все земли, искони составляющие их собственность и границы которых ныне с достаточностью известны, б) дозволить горцам бесплатно пользоваться для пастьбы стад и устройства зимовников общественными кабардинскими землями, не вошедшими в район аульных наделов, за исключением тех участков, которые будут признаны частной собственностью разных лиц, в) образовавшиеся в горских обществах, преимущественно из освобожденных чагаров и казаков (крестьянские сословия), 400 безземельных семейств выселить в Большую Кабарду и д) воспретить горцам безвозмездное занятие пастбищ в границах кабардинских аульных дач, так как потребности горцев в пастбищах удовлетворяются предоставлением им права свободного занятия пастбищ в районе земель, не вошедших в район аульных наделов и оставленных в нераздельном пользовании кабардинцев. При составлении таковых предположений, между прочим, приняты в соображение нижеследующие данные: занятая горскими обществами местность состоит из скалистых и высоких хребтов, вершины которых покрыты или вечными, или лишь на небольшое время в году стаивающими снегами. Ребра этих гор-хребтов удерживают скалистый и малопродуктивный характер почвы своих вершин, и только самое дно ущелий и прилегающие к нему низменные части скатов представляют удобства для земледелия, но не иначе как при тщательном удобрении земли местами и местами при искусственном орошении.

Все земли в районе горских обществ составляют собственность или целых обществ, или частных лиц. К 1-й категории земель, т. е. к общественной собственности, пре-

* В те времена, по малочисленности населения, быть может, летних пастбищ было достаточно.

имущественно относятся пастбищные и частью сенокосные места *, а ко 2-й категории — весьма ограниченное количество пахотных и покосных земель и земель, находящихся под усадьбами местами-оседлостями.

«Родящегося в горах хлебного зерна, исключительно ячменя, в обыкновенные годы достает для горского населения на два месяца. Посевы пшеницы и проса по краткости в горах теплого времени невозможны. Но, несмотря, однако, на такие невыгодные условия жизни в горах, жители, за исключением тех, которые не имеют в горах ровно никакого хозяйства, сочли бы высшей степенью наказания для себя выселение их в более удобную местность, потому что они сроднились со здоровым горным климатом и имеют средства к безбедному существованию в горах **».

«По собранным сведениям, население горских обществ состоит из 1020 дворов, в которых, полагая средним числом, на 6 душ обоего пола на каждое семейство, можно считать всего 6120 душ ***...».

«Независимо от вышеизложенных вопросов был обсужден вопрос о правах тех жителей горских обществ и Большой Кабарды, которые приобрели в прежнее время или покупкою у кабардинских князей, или исключительным давним владением незначительной величины участки, находящиеся в нагорной полосе земель кабардинской территории, оставляемых по составленному ныне проекту в нераздельном владении кабардинцев. Хотя кабардинские князья не имели права продавать какие бы то ни было участки из общественных земель (они стали общественными после акта 20 августа 1863 г.), но так как факт продажи по произволу присвоенному князьями праву тем не менее совершился и так как некоторыми незначительными

* Сенокосных общественных мест внутри гор нет, а большинство лесных участков общественные, за исключением лесов Баксанского ущелья, которые эксплуатировались фамилией Урусбиевых.

** Но в последнее время горцы готовы бросить свои родные горы. Причина — экономическая.

*** Если даже допустить, что число дворов показано верно, то число душ определено ошибочно, так как до последнего времени горцы избегали семейных разделов и число душ в семействе доходило нередко до 20—30, а иногда до 40 человек. По официальным сведениям (Кавказский календарь за 1910 г.) за 1908 г., в одном собственно Балкарском обществе считается 7017 душ обоего пола, между тем с 60-х годов прошлого столетия из этого общества переселилось с причислением в кабардинские аулы несколько сот дворов. Сейчас в 5 обществах и в новых 4 аулах Кашкатау, Чежок-Кабак, Гунделен и Хабаз образовалось из безземельных жителей старых обществ 25 000 душ обоего пола.

участками частные лица из кабардинских уроженцев долгое время распоряжались как родсвой своей собственностью, то определено оставить за горцами и кабардинцами, представившими в течение назначенного для сего срока удовлетворяющие народному обычаю документы о праве на владение участками, таковые участки как частную собственность указанных лиц и представленные документы заменить временными свидетельствами областной поземельной комиссии на право владения участками».

Как видно из приведенных выдержек, сообщений бывшего наместника на Кавказе и доклада бывшего военного министра генерал-адъютанта Милютина Кавказскому комитету, русское правительство на основании тщательно собранных и проверенных сведений признало полстолетия тому назад существование в сопредельных с Большой Кабардой горских обществах — Балкарском, Безенгиевском, Хуламском, Чегемском и Урусбиевском — права собственности на земли как отдельных лиц, так и целых обществ и, кроме того, признав, что у них собственной земли недостаточно, нашло нужным тогда же дать им удобные земли на плоскости Кабарды, причем, как сказано еще в упомянутых докладах, предложено было два кабардинских аула — Мусы Кожокова (Верхне-Кожоковское) и Тохтамышево, расположенных у двух главных входов в горные ущелья, перевести в низовья, чтобы очистить земли для горцев.

Посмотрим, насколько правильны и справедливы были те сведения, которые убедили великого князя и военного министра в необходимости признать за горцами права собственности на их землю, оставить в силе искони существовавший там порядок землевладения и, кроме того, прирезать им земли на кабардинской плоскости.

Названные горские общества занимают верховья рр. Черека, Кичи-Черека (главный приток первой и названный «Кичи», т. е. младший), Чегема и Баксана, сливающихся в нижнем течении между собою и с р. Малкой, а затем с р. Тереком, впадающим в Каспийское море, и берущих начало у ледников Главного Кавказского хребта. Эта часть Кавказского хребта самая высокая и составляет как бы центр. Здесь сгруппированы известные снеговые высоты: Эльбрус (по-горски — Минги-Тау), Коштан-Тау, Дых-Тау и малоизвестные для негорцев Рчи-Уашки-баши, Катын-Тау и т. п. Эти великаны, покрытые вечными снегами и окруженные необозримыми пространствами вечных льдов, у подножий обставлены такими не менее вы-

сокими скалистыми горами и так близко друг от друга, за исключением Эльбруса, что трудно сразу отличить от окружающих вершин, почему они и малоизвестны публике. Узкие ущелья, образовавшиеся между этими высотами по течениям названных рек и их притоков, тоже настолько высоко стоят от уровня моря, что горские аулы расположены в них на высоте от 3 до 5—6 тысяч футов над уровнем моря. Следовательно, для всякого должно быть ясно, что здесь климат суровый и богатой растительности быть не может, тем более, что ущелья, занятые нашими горцами, от южных теплых ветров закрыты непрерывной цепью главного снегового хребта. Лето, или, правильнее, весна, лето и осень вместе продолжаютсся на дне ущелий до 4—5 месяцев.

Насколько велики пространства сравнительно низких, годных для обработки и для дворовых, мест в этих горах можно судить по следующим данным *. В этих горах других земельных мер не существует, кроме так называемых «кулач», «аякъ-узун», «таш-орун», «черен-орун», «гебен-орун» и т. п.; «кулач» — значит обхват около 2—2½ аршина; «аякъ-узун» — длина ступни ноги; «таш-орун» — место под один камень; «черен-орун» — пахотное место, дающее одну копну хлеба; «гебен-орун» — место, дающее одну копну сена. Цены на земли следующие: квадратный сажень дворового ровного места стоит не менее 50 руб. и дороже, стоимость одной десятины пахотной или покосной земли, требующей удобрения и орошения, доходит от одной до двух тысяч рублей. Почва настолько тощая и каменистая, что без периодического унавоживания, по крайней мере через 2—3 года, посевы ничего не дают, почему навоз в аулах горских обществ продается корзинами. От частых сухих ветров, при малейшем нагревании солнца эта тощая почва в ущельях быстро сохнет настолько, что без искусственного орошения не растут ни трава, ни хлеб; орошение стоит немалых трудов и затрат. Маленькие ручьи летом высыхают, поэтому воду надо брать из рек, которые берут начало у ледников, далеко от орошаемых участков, на высоте, в верховьях рек, и так как не везде возможно проводить воду по искусственным каналам на грунте, то приходится проводить по трубам или желобам, установлен-

* Во избежание недоразумений необходимо заметить, что эти сведения автором были помещены в газете «Каспий» в статье «...Аграрные вопросы...» и послужили материалом для речи депутата Государственной Думы Эльдарханова по аграрному вопросу горцев Терской области, произнесенной во 2-й Думе.

ным по выступам скал и на искусственных столбах. Эти водопроводные сооружения устраиваются или целыми обществами, или группами семейств, а затем каждый хозяин отводит из общей канавы к своему клочку земли отдельную канаву. Во время периода орошения посевов и покосов соблюдается строгая очередь между хозяевами, так как всем одновременно не хватает воды. В этих горах почти нет клочка земли пахотной, покосной и усадебной, на который не был бы положен сравнительно большой труд для того, чтобы можно было извлечь из него какую-либо пользу.

Нетрудно понять, что эти природные условия гор создали в самом начале появления там человека прочную поземельную собственность, ибо каждый человек отвоевывает у природы землю путем культивирования ее неимоверным и систематическим трудом, и кусок этот, натурально, не мог принадлежать другому лицу. Понятие о собственности на землю у горцев настолько сильно развито, что они бы очень удивились, если бы им сказали, что есть в горах удобные земли или места, не составляющие чью-либо частную собственность. Укажем еще на веские данные, доказывающие существование в горских обществах права собственности на землю. В этом народе с незапамятных времен и поныне существуют и действуют обычные поземельные права под названием «бегенда», «ортак», «эмчеклик» и т. п. Бегендное право заключается в том: собственник земли (джер-иеси), нуждаясь в деньгах или в другом движимом имуществе, отдает свой участок земли другому лицу за известную сумму или предметы на неопределенный срок или, правильнее, бессрочно с тем, чтобы взявший участок в бегенду и его потомки были вправе пользоваться участком до того времени, пока собственник земли или его наследники не возвратят им полученную от них бегендную сумму, т. е. займодавец получает от должника в виде процентов доход с участка до уплаты ему долга. Договор на бегендном праве срока не имеет, и бегенда иногда продолжается десятки и даже сотни лет, причем бегендное право переходит от поколения к поколению, но право собственности на участок остается за первоначальным хозяином и его потомками, и они во всякое время могут получить свою землю обратно, заплатив долг деньгами или натурой, или продать ее и подарить другим лицам в собственность, оставляя бегендное право за кредитором*. В

* Профессор Ковалевский предполагает, что это право перешло в Кавказские горы из Древнего Рима через Армению.

случае возникновения спора между собственниками земли и бегендаторами первый должен, согласно обычаю, доказать свой иск или свидетельскими показаниями, или письменными договорами, в случае же отсутствия таких данных ответчик должен принять присягу в том, что ни его предки и ни он спорный участок не получали на бегендном праве.

Ортак заключается в том, что собственник земли, не имеющий почему-либо возможности обрабатывать свои земли, отдает их другим лицам на неограниченное число лет на условиях, чтобы взявшие их лица охраняли границы участков, содержали исправно огороды и водопроводные каналы, удабривали и орошали и половину скошенного сена или снятого хлеба с участков ежегодно натурою отдавали собственнику земель. В некоторых местах собственнику отдают одну треть или две трети дохода с участка, что зависит от качества и местонахождения участка, а также от степени трудности орошения, удобрения и ежегодной уборки камней. Ввиду сохранившегося и поныне в горских обществах родового быта преимущественное право на покупку, на бегендное и ортакское право земель и усадеб принадлежит родственникам по мужской линии собственника недвижимости, а затем смежным владельцам.

Чтобы объяснить сущность эмчекского поземельного права, необходимо еще раз более подробно напомнить, что население горских обществ разделяется на несколько сословий: высшее — таубий, среднее — караузденъ или каракиши, третье — чагар и кул (крестьянские сословия) и, наконец, казаки и карабаши (рабы и рабыни). Таубиям принадлежала верховная власть, и, конечно, они являлись более крупными владельцами — собственниками земель; каракиши находились в известной зависимости от таубиев; название же остальных сословий определяет их социальное положение; но и чагарам (крестьянам) не возбранялось иметь недвижимость; так что не было почти крестьянина, не имевшего собственного двора и какого-нибудь клочка земли, приобретенного тем или другим путем в собственность. Были даже и такие крестьянские семьи, которые имели больше многих каракишей*. После же освобождения их, последовавшего в 1867 г., многие из крестьян приобрели участки земель путем покупки и на бегендном

* Таубни больше заботились об интересах крестьян, считая их самих и имущество их своей собственностью.

праве от таубиев, и в настоящее время поземельное право таубиев, за малым исключением, не лучше положения некоторых бывших их крестьян.

Эмчекское право создавалось на такой почве: таубии отдавали, преимущественно каракишам, в бессрочное пользование участки своих земель. Получивший такой участок обязан был собственнику — таубию, во-первых, отдавать известную часть калыма при выдаче замуж своих сестер и дочерей за все время пользования полученным участком и, во-вторых, оказывать личные услуги, называясь «эмчеком его», таубий же, кроме того, покровительствовал своему эмчеку и всегда являлся его защитником. Каждая таубиевская фамилия имела своих узденей и каракишей, которые несли известные личные и материальные повинности по отношению к своим таубиям. Последние иногда обижали их, поэтому уздень или каракиши одного таубия считались эмчеком другого таубия, чтобы, кроме получения от него земли на эмчекском праве, иметь еще защитника от самоуправства со стороны своего таубия. Но эмчек имел право во всякое время возратить эмчекский участок земли его собственнику и освободиться от эмчекских обязанностей. Таубий тоже был вправе отобрать свой участок при неисполнении эмчеком своих обязанностей. Вот это и называется эмчекскими поземельными правами и отношениями, которые и до сего времени сохранились между некоторыми фамилиями и родами.

Эти народные поземельные права и отношения, установившиеся в незапамятные времена, доказывают существование издавна в горских обществах ясного понятия о праве собственности на землю и самом праве. Пустопорожние места, негодные для обработки по скудности почвы, по месту расположения и другим причинам и изображающие выгоны со скудной растительностью, а также некоторые летние пастбища составляют общее достояние или же каждого отдельного поселка, составляющего часть общества. Здесь необходимо некоторое разъяснение. Границы территории горского общества со стороны соседних народов издавна точно установленные, точно так же имеются определенные границы между самими 5 обществами. Мало этого, так как каждое горское общество состоит из отдельных поселков (аулов), отстоящих друг от друга на расстоянии от нескольких до нескольких десятков верст, то каждый поселок владеет собственным выгоном или группа поселков имеет свое пастбище, как, например, группа поселков, называемая «Верхняя Балкария», Балкарского об-

щества, имеет собственное пастбище под названием «Шгулу», которым не имеют права пользоваться жители нижних поселков Балкарского общества.

Полагаем, что приведенные данные достаточно подтверждают правильность взгляда и заключения бывших наместника Кавказа и военного министра в отношении землевладения и экономического положения добровольно принявших русское подданство горских обществ, т. е., что в этих обществах земли составляют собственность или частных лиц, или целых обществ, что, в общем, у этих горцев ощущается недостаток в земле для поддержания своего безбедного существования и что (даже в 60-х годах XIX века, когда там было в два раза меньше населения, чем теперь) необходимо им прирезать земли из плоскости кабардинских земель.

Посмотрим теперь, приведены ли в исполнение, когда и как, Высочайше утвержденные проекты, основанные на представлениях кавказского наместника полвека тому назад, и в каком положении находятся в настоящее время горцы Нальчикского округа в отношении обеспеченности землей.

В 1863 году «свободными» кабардинскими сословиями заявлено было, как говорится в отзыве кавказского наместника, что в Кабарде не было частной земельной собственности, и на основании этого заявления, выраженного в акте 20 августа 1863 г., все кабардинские земли были признаны государственными. Но в правильности этого заявления сомневался и сам наместник, что усматривается из его же отзыва, выдержки из которого были приведены выше, теперь же достоверно известно, что Кодзоков²³, бывший председатель комиссии по разбору личных и земельных прав туземцев Терской области и «правая рука» начальника области Лорис-Меликова по управлению туземным населением, будучи сам по происхождению кабардинцем, немало работал в деле подачи упомянутого заявления высшими сословиями Кабарды и достиг этой цели через посредство некоторых влиятельных лиц из кабардинских князей и дворян, которые, кажется, впоследствии несколько раскаивались в своем не совсем бескорыстном поступке, хотя нельзя сказать, чтобы особенно были обижены. Называть этих лиц по имени нет надобности, т. к. некоторые из них умерли сравнительно недавно и описывать подробности этого дела теперь совершенно не к делу; пусть это делает будущий историк. Но о Кодзокове, игравшем значительную роль в 50—60-е гг. в истории туземного

населения Терской и Кубанской областей, пройти молчанием нельзя. Кодзоков, сын простого, бедного кабардинца аула Тамбиевского, маленьким мальчиком был взят кем-то из служивших на Кавказе русских в Россию, где его выкрестили и дали образование, так что он является первым кабардинцем, получившим в России университетское образование. Молодые годы он провел в лучшем литературном кругу 40-х годов прошлого столетия и был вполне интеллигентным лицом и, по-видимому, демократического направления. Умный и хитрый администратор Лорис-Меликов сразу понял, что этот человек, при умелом пользовании им, будет незаменим в проведении его идей в туземных народностях, и приблизил его к себе. Почву, на которой Кодзоков, развитой и не менее умный, подчинился влиянию Лорис-Меликова и сделался слепым орудием его воли, исполняя поручения, казалось, не вполне соответствующие взглядам и направлению самого Кодзокова, указал пишущему эти строки в 80-х гг. сам Кодзоков незадолго до своей смерти, уже будучи почтенным старцем, в следующих приблизительно словах: «Стремясь быть полезным для государства, а в частности и главным образом для своего народа, но, попав на ложную дорогу, я сделал много дурного, и это меня мучает, но ничего теперь не могу исправить... Так, например, принимая все чистые и нечистые меры к тому, чтобы заставить кабардинских князей и дворян добровольно отказаться от права собственности на некоторые родовые их земли, я думал, что все земли перейдут в собственность всего кабардинского народа, и Лорис-Меликов убеждал меня, что он преследует исключительно эту цель, но я ошибся: значительная часть земель роздана офицерам и чиновникам в собственность...»

Надо полагать, что тот же Кодзоков, преследуя ту же цель, какую преследовал в Кабарде, склонял и таубиев к подаче подобного же заявления об отсутствии в горах поземельной собственности, но они отказались от такой лжи, поэтому Кодзоков в роли председателя поземельной комиссии принимал все меры к тому, чтобы, вопреки проекту наместника, границы территории горских обществ отодвинуть как можно дальше в горы, и с этой целью возбудил кабардинцев с помощью своих соучастников против горцев, и они начали пограничные споры, благодаря чему фактическое размежевание пограничной линии совершилось через 20 лет, т. е. в 1883 г. При этом горцы вынуждены были, дабы прекратить эти интриги и споры, отступить во многих местах дальше, чем следует, и отказаться от части земель,

которыми они владели искони. Кодзокову же обязаны горцы тем, что осталось не приведенным в исполнение и предположение о перенесении некоторых кабардинских аулов, расположенных у самых выходов из горных ущелий, где горский скот мог бы иметь осеннее и весеннее пастбище, на низовья; об этом предположении упомянуто также в докладе военного министра. Таким образом, к горской территории земли не прибавилось, а, скорее, убавилось при межевании границ. За горами осталось только право пользования наравне с кабардинцами так называемыми запасными пастбищами и лесами, расположенными между территорией горских обществ, с одной стороны, и кабардинских сельских наделов и пожалованных частным лицам участков — с другой, и оставленными во владении, с Высочайшего соизволения, Большой и Малой Кабарды и Горских обществ, но зато с учреждением общественного лесничества в этих лесах горцы лишились права свободной и бесплатной пастбы стад под лесами; без этих же лесных пастбищ, по неимению других, они не могут содержать скот, почему ежегодно они вносят в лесничество значительную плату за лесное пастбище. Кроме скотоводства, другой отрасли хозяйства у горцев нет и не может быть. Давно нет и той ничтожной побочной выручки, о которой говорилось в докладе военного министра, т. е. сбыта лучины²⁴ путем мены ее на зерно, так как нет потребности в ней со времени распространения керосина, да, кроме того, почти истреблены рощи сосен и елей, растущих на скалистых склонах гор.

Из сказанного ясно, что незавидное положение балкарцев, на что было обращено внимание бывшего наместника на Кавказе, в настоящее время с увеличением населения в 4 раза еще более ухудшилось, а значительная часть совсем обеднела; если же принять во внимание то, что горцы теперь несут такие общественные и казенные повинности, которых не было 50—60 лет тому назад, то это станет еще чувствительнее. Раньше каждый дом ежегодно платил повинности всего от 5 до 6 р. в год, в настоящее время приходится платить от 15 до 25 р. Те хозяева, которые еще стараются сохранить свое скотоводческое хозяйство, вынуждены арендовать земли у кабардинцев и казаков, а жители собственно Балкарского общества арендуют летнее пастбище на горном склоне Кавказского хребта в пределах Кутаисской губернии у казны и частных лиц.

Для того чтобы иметь правильное понятие о положении и жизненных условиях горцев, надо побывать в жилищах

обыкновенных тружеников, а не у сельских старшин, назначенных администрацией, и у единичных лиц, сравнительно зажиточных, как это делают чины различных ведомств и туристы, и надо видеть ежедневную пищу и одежду горцев. Трудно представить себе худшие условия жизни. Изба среднего русского крестьянина в сравнении с саклей горца — дворец. Постоянная пища горца состоит из печенного в золе чурека, сделанного из ячменя или кукурузной, плохо просеянной муки. При этом горец работает круглый год, так как у горцев в году только два праздника по 2—3 дня каждый, а по пятницам они работу прекращают только на время полуденной молитвы (джума) часа на два. Горцы ведут трезвую жизнь, и питейных домов у них нет. Чиновники, туристы и люди науки обыкновенно посещают горские общества летом, когда скалы, камни, даже земляные крыши домов покрыты зеленью и люди выглядят бодрыми, и по этому составляют понятие о земле и людях.

Надо бывать в горах поздней осенью и зимой, чтобы составить правильное понятие о земле и условиях жизни горцев. Такое безвыходное положение горцев является главной причиной заметного в последнее время стремления массы к переселению в Турцию, несмотря на отмеченную в упомянутом выше докладе бывшего министра Милютина сильную привязанность к родине своей.

У горцев могла быть одна надежда на улучшение своего материального положения, а именно: на развитие в горах горнопромышленности, так как признаков нахождения в этих горах полезных металлов и минералов много, но предприниматели и капиталисты избегают наших гор ввиду неопределенности поземельных прав горцев, затянувшейся несмотря на то, что подробные сведения по этому вопросу были собраны, как это видно из приведенных выше выдержек, из представлений и докладов бывшего наместника Кавказа и военного министра еще в 60-х годах прошлого века, на основании которых было почти решено правительством признать за горцами право собственности на всю их территорию. Только нынешний наместник Кавказа граф Воронцов-Дашков недавно обратил внимание на это ненормальное положение и вновь назначил комиссию под председательством г. Абрамова для разработки поземельного вопроса, но и эта комиссия закончила свои работы, к сожалению, возбуждением массы недоразумений и жалоб.

Чтобы закончить настоящий очерк о балкарском племени, могущий дать хоть маленькое понятие об одном, за-

терявшемся в горных тущобах, из многочисленных кавказских племен, остается поговорить еще о горском словесном суде — учреждении, заменившем собою очень удачно, почти в самом начале присоединения к России Балкарии и Кабарды, древние судебно-законодательные народные учреждения «тёре» и «махкеме».

На первых же порах по присоединении Кабарды и горских обществ к России нужно было, кроме чисто административных учреждений, создать еще такое судебное учреждение, которое могло бы разбирать дела туземцев между собою по обычаям народа и шариату. Организовано было очень разумно такое учреждение под названием окружного народного суда, впоследствии переименованного в Нальчикский горский словесный суд. Суд этот изображал тогда из себя, даже и теперь, не чисто судебное, а административно-судебное учреждение, и в первое время оно как бы служило и посредником между представителями правительства и народом, проводившим правительственные начинания в народе. Суд состоял из членов — депутатов народностей всего района, правильнее, пожалуй, представителей сословий, духовного судьи кадия и чиновника от администрации в роли председателя, хотя вначале фактически исполнявшего скорее обязанность секретаря, так как дела разбирались словесно и по обычаям, в которых чиновник не был сведущ, и роль председателя принадлежала старшему по происхождению и возрасту депутату, в котором жители продолжали воображать себе олия. Кроме этого суда, были учреждены еще так называемые участковые передвижные суды, в которых председательствовали участковые начальники, а членами были участковые кадии и депутаты от сословий. Участковые суды, разъезжая по аулам, разбирали на местах сравнительно маловажные дела и существовали до начала 70-х годов прошлого века, до организации аульных (сельских) правлений и сельских судов. В окружной народный суд кадием и депутатами назначались самые лучшие и влиятельнейшие люди, которые и раньше управляли народом, заседали в «махкеме» и «тёре», и в народной жизни они продолжали играть значительную роль, поэтому их посредничеством пользовалась администрация в более или менее серьезных правительственных начинаниях. Кадий и депутаты первого времени знали хорошо народные адаты и обычаи, были опытны, серьезно и бескорыстно относились к делу и пользовались полным доверием населения, кроме того, они и вне суда знали людей своих и их дела. Председателем админи-

страции в суде тоже назначались самые развитые и часто получившие военно-юридическое образование офицеры и чиновники, как, например, г. Чернявский²⁵, впоследствии председатель в отставке, присяжный поверенный, и г. Грабовский²⁶, впоследствии председатель съезда мировых судей Владикавказского мирового округа. Поэтому окружной народный суд был на высоте своего положения.

Это симпатичное учреждение оказалось настолько соответствующим своему назначению и нужным для населения, что на основании Высочайше утвержденного указа 30 декабря 1869 г. о преобразовании судебной части и Высочайшего указа того же числа об устройстве Терской и Кубанской областей оно было оставлено с наименованием «Горский словесный суд», и изданы были для этого суда так называемые «Временные правила для горских словесных судов Терской и Кубанской областей», утвержденные наместником Кавказа 18 декабря 1870 г., и суды эти существуют до сего времени. Компетенция горского суда солидная, ему подсудны, кроме всех дел, подсудных мировому судье, гражданские иски на сумму до 2000 р., а Нальчикскому горскому суду до 4000 руб., и бракоразводные дела, а также уголовные дела, по которым виновные могут подвергаться наказанию в арестантских отделениях с лишением некоторых прав. В горском суде все дела должны разбираться и решаться на основании народных обычаев, а брачные и из брака вытекающие дела — согласно шариа-ту. Апелляционную и кассационную инстанцию горских судов составляют начальники областей. Но, к сожалению, в последнее время эти суды похожи на прежний суд, суд народный и по идее — суд совести, только лишь своим названием и составом. Депутаты судов последнего периода мало того, что неграмотные и не знают русского языка, но они не знают своих народных обычаев и малоразвитые. Председательствующими назначаются чиновники или офицеры, не знающие языка народов и не имеющие ни малейшего понятия об обычаях и шариате и о самом народе. Если к этому прибавить, что апелляционную и кассационную инстанцию для горских судов фактически составляют не начальник области, не помощники его, не правитель его канцелярии или советник областного правления, а чиновник в звании помощника правителя канцелярии и т. п., который между прочими делами читает дело суда и пишет доклады, рассматривать которые физически нет возможности ни начальнику области, ни другим упомянутым чиновникам по разнообразию и многочисленности лежащих на них обязан-

ностей, то легко понять ненормальность положения дела. Этого не отрицает и само кавказское начальство, но оно добавляет, что будто бы горские суды отжили свой век и надо их упразднить. Мы не знаем о том, какими учреждениями предполагает начальство заменить горские суды, но не подлежит никакому сомнению, что взгляд этот ошибочен: горские суды нужны горским племенам, и будут они необходимы еще долго... Следовательно, суды эти надо оставить, устранить недостатки их, а именно: надо улучшить материальное положение депутатов и кадия суда, чтобы лучшие и развитые люди из горцев шли на эти должности, надо улучшить также положение председательствующего и назначать на эту должность соответствующих людей и, кроме того, необходимо создать областные коллегияльные апелляционно-кассационные суды, которые периодически открывали бы свои заседания.

Вопрос о горских судах довольно серьезен, и всестороннее освещение современного положения этих судов требует много места, поэтому в этом очерке ограничиваемся изложенным, дающим общее понятие о горских судах.

Также приходится откладывать до более удобного времени описание домашнего и семейного быта балкарцев и положение женщины в этом народе.

В ПОГОНЕ ЗА СЛАВОЙ И ПЯТАЧКОМ

Копия

В редакцию газеты «Русское Слово».

В статье «Преддверье в Египет», помещенной в № 130 от 9-го июня с. г. «Р. С.», г. К. Бальмонт пишет, между прочим, «...И во имя Корана,— книги, представляющей из себя бессвязное повторение иудейства и христианства с примесью арабизированных и эллинских, — во имя книги, созданной из чужих лохмотьев...»

Хотя мое мнение гг. Бальмонтов о великом Магомете и его учении, которое, несмотря на всевозможные нападки и извращения в средних веках со стороны христианского духовенства и даже лучших ученых людей (не Бальмонтов, конечно), распространилось по всему миру и имеет сотни миллионов последователей, не важно и, едва ли гг. Бальмонты обратят на себя внимание людей, действительно понимающих мусульманское ученье. Но более чем

странно появление на страницах серьезного органа печати, органа, который читается интеллигенцией 20-миллионного мусульманского населения России, кощунственных слов г. Бальмонта по отношению к святыне всего мусульманского мира, и я как мусульманин и как подписчик «Р. С.» не могу не выразить своего неудовольствия редакции этой газеты. Что же касается г. Бальмонта, то он, по меньшей мере, заслуживает презрения к себе всех мусульман России.

Невольно возникает вопрос: поместило бы «Русское Слово» на своих страницах выражение: Евангелие — книга, созданная из чужих лохмотьев, взятых из буддизма и иудаизма, если бы кто-либо вывел такое заключение на основании того, что в христианском учении встречается много общего с этими учениями. Надеюсь, редакция не откажет в помещении этой заметки в одном из ближайших номеров «Русского Слова».

М. А б а е в

Многоуважаемый Магомет-Бек!

Посылаю Вам, как редактору-издателю специального мусульманского органа и как мусульманину, настоящую копию моего письма для помещения в МУСУЛЬМАНИН, который, быть может, найдет нужным более серьезнее отозваться по этому поводу.

Уважающий единоверец

М. А б а е в

17-го июня 1910 г.

О КАЛЫМЕ

(Из пережитков старины)

Прошло со дня присоединения центральной части Северного Кавказа — Кабарды, Осетии и др. — столетие ¹ и со дня покорения западной — Закубанской полосы ² — полвека, а вредные обычаи горцев не искоренились, «обычай» же увоза девушек принял худшие формы. Это лишний раз доказывает, что исправить нравы — уничтожить кражи,

разбои, увозы девушек и т. п. — административными мерами и вообще репрессиями невозможно и что умиротворить край и исправить нравы может только одно образование и воспитание... Но, тем не менее, местные деятели и поныне не хотят отстать от старых приемов, говоря, что прежде надо искоренить зло, а потом приняться за образование: «На образование и воспитание надо много времени и много денег, а до того времени надо же что-нибудь делать!» Но разве столетие — мало времени, разве денег, убитых на репрессивные меры в течение столетия, не хватило бы на открытие массы школ — низших и средних? За это время и на эти деньги, по крайней мере, теперешнее взрослое поколение горцев поголовно стало бы грамотным по-русски, а значительная часть успела бы получить среднее и высшее образование... Это все азбучные истины...

В настоящей заметке я имею в виду поговорить о так называемом «обычае» увоза девушек. Все, что делали до сих пор и делают для искоренения этого «обычая», никаких полезных результатов не имело и не будет иметь прежде всего потому, что это явление никем серьезно не исследовано. Выставляют главной причиной калым, забывая, во-первых, что при увозах калым увеличивается и, во-вторых, что калым, или накаях, существует и у других мусульман, стоящих в культурном отношении ниже и выше горцев, но не имеющих обычая увозить девушек.

Прежде чем говорить о вреде калыма и о желательности уничтожения его, надо выяснить, что такое калым, на чем и когда и кем он основан, действительно ли он является главной причиной увозов, с устранением которого могут прекратиться эти увозы; наконец, возможно ли уничтожить калым постановлениями и пожеланиями совещаний, сборов и т. п. Начиная с 70-х годов прошлого века на наших глазах в Терской области создавались разные меры борьбы с «обычаем» увоза девиц; так, например, в Кабарде постановлением представителей народа и уполномоченных от аулов, утвержденным областным начальством, установлены были большие денежные штрафы за увозы девушек, и эти штрафы взыскивались с виновных административным порядком в течение ряда лет, причем за увозы засватанных девушек их женихам взыскивались штрафы с жениха и его товарищей, а за насильственные увозы и увозы с согласия самих девушек, но против воли родителей, виновные подвергались штрафу и еще уголовному преследованию (хотя кончавшемуся в большинстве случаев предварительным следствием за примирением сторон), но

увозы не прекращались, виновные платили штрафы и калымы, а за увозы незасватанных девушек платили даже двойной калым. В Осетии таким постановлением была установлена норма калыма с наложением штрафа на тех, кто даст или получит калым выше установленной нормы, но по утверждению этого постановления начальством несколько лиц демонстративно заплатили крупные калымы и от уплаты штрафа отказались, на суде же заявили, что никто не вправе запретить им ни по закону, ни по шариату дарить своей невесте, ее родным или своей жене хотя бы и все свое имущество, и суд не признал их виновными. Это все ясно доказывает, что, во-первых, не калым играет главную роль в существовании зла и, во-вторых, все административные меры борьбы с этим злом нецелесообразны, и пока не явится сознание массы о вреде и дикости обычая увозов, они не прекратятся, сознание же это может быть вызвано образованием и воспитанием молодого поколения.

Возникает вопрос: будет ли полезно уничтожение калыма вообще? Калым установлен законом пророка одновременно с созданием закона о браке и расторжении его; причем определена минимальная норма калыма с предоставлением права жениху или мужу увеличить эту норму неограниченно по своему желанию и средствам, и щедрость жениха одабривается, даже восхваляется. По закону этот калым составляет собственность жены, и если вначале калым был получен родителями невесты, но она во всякое время может взять его себе от родителей и от их наследников, и давность не допускается. Таким образом, значение калыма — не выкуп за девушку, а обеспечение женщины на случай развода. По закону Магомета, расторжение брака допускается по взаимному соглашению супругов, следовательно, Магомет, предоставляя преимущественное право мужу на развод, по каким-либо видам пашел нужным подвергнуть его матеральной ответственности перед женой для обеспечения последней.

Несмотря на то, что Магомет советует серьезно относиться к делу расторжения брака и необдуманно не давать развода жене, но раз мужья пользуются преимущественным правом во всякое время и без объяснения причин давать развод своим женам, то на практике советами пророка невежественные люди редко руководствуются и легко прогоняют своих жен, женись на других, или берут вторую или третью жену. Противовесом или удерживающим от дурного и легкомысленного поступка элементом со стороны мужей поставлен калым, который действительно в на-

стоящее время играет видную роль. Калым этот удерживает и жен от легкомысленных поступков, так как если развод совершается по их вине, то они должны возратить обратно весь полученный калым. Слово «обычай» я поставил между кавычками, потому что древнего обычая насильственного увоза девушек у горцев не было, а бывали случаи, когда родители жениха и невесты хотели избегнуть торжества свадеб, сопряженного с расходами и хлопотами, и жениху предоставляли потихоньку увезти невесту, и, чтобы оправдать себя перед общественным мнением, говорили, что молодой увез девушку насильно; или же в таких случаях, когда молодые влюблялись друг в друга, а родные или кто из них не соглашался на брак, то жених с согласия девушки похищал ее, и в этом случае, кроме калыма, он делал еще подарки родным девушки якобы за оскорбление дома...

В последнее время похищения девушек участились и приняли преступный характер благодаря порче нравов и отчасти первому проводнику цивилизации — водке, напившись которой, часто молодые люди совершают насильственный увоз девушки, которой никогда и в голову не приходило выйти замуж за насильника. Значит, причиной увозов является не калым и не обычай, а невежество и дикость, против которых должны бороться администрация и сами горцы не репрессиями, а распространением образования.

*Господам доверенным Большой
и Малой Кабарды и Горских
обществ Нальчикского округа
Терской области жителя Бал-
карского общества таубия кор-
нета Мисоста Абаева*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Имея в виду, что наше общество постоянно сочувственно относится к делу просвещения и всегда охотно оказывает материальную помощь в деле образования детей не только недостаточным родителям ¹, но даже имеющим вполне достаточные средства и возможности воспитывать своих детей на собственный счет, я обращаюсь с покорнейшей просьбой, не найдете ли возможным назначить из общественных средств стипендию в размере 300 рублей в год до-

чери моей Сафьят² с 1 января будущего 1894 года, которую я рассчитываю воспитывать в здешней (Екатеринодарской) городской женской гимназии приходящей воспитанницей.

Смею уверить, что если бы я имел возможность воспитывать эту и других подрастающих своих детей собственными средствами, то не позволил бы себе утруждать Вас настоящей просьбой. При этом я надеюсь, господа, что Вы, сознавая необходимость учить девочек, так же как и мальчиков, хоть ради одного того, чтобы будущее наше поколение мужчин могло находить в среде своей таких же воспитанных подруг жизни, не то что сделаете исключение, но особенно сочувственно отнесетесь к моему желанию, и я со своей стороны постараюсь и буду принимать все меры, насколько это будет зависеть от меня, чтобы дочь моя, получивши образование, все-таки была бы скромной горячей-мусульманкой.

О результате прошу не оставить уведомить меня по адресу: г. Екатеринодар, участковому начальнику корнету Абаеву.

*1893 г., 14 окт.
г. Екатеринодар*

Корнет М и с о с т А б а е в

*г. Начальнику Нальчикского
округа корнета М. К. Абаева*

ЗАЯВЛЕНИЕ

Дочь моя Фатимат¹ изъявила желание приобрести права на звание акушера-фельдшера для того, чтобы по окончании курса служить при Кабардинской общественной больнице в Нальчике.

Ради пользы своих родичей я охотно соглашаюсь исполнить благое желание дочери, но сам я не имею средств для удовлетворения этого желания. Поэтому прошу не отказать предложить предстоящему сбору доверенных Кабарды и Горских обществ отпустить моей дочери из общественного капитала необходимую сумму на поступление в подходящее учебное заведение и окончания в нем курса,

отобрав от нее обязательство служить после окончания курса при общественной больнице.

О последующем прошу мне сообщить.

Корнет М. Аб а е в.

*29 августа 1911 г., Георгиевско-Осетинское,
Баталпашинского отдела Кубанской области*

ГОРСКАЯ ЛЕГЕНДА

Мне рассказал эту легенду старый горец.

Давно это было, говорил он мне. Еще тогда, когда великий Аллах только что сотворил мир этот и человека.

Люди не были такими, какими мы видим их теперь. Не было злобы между ними тогда, не было вражды. Все жили, как братья, и все любили друг друга.

И великий Аллах с высоты небесной созерцал эту жизнь человеческую, и была она ему очень угодна.

И он благословлял мир, благословлял человека.

И от этого еще лучше делалась жизнь на земле.

Ласковое солнце смотрело с голубого неба, прогоняя далеко от земли дух стужи и холодных ветров.

По ночам любовался мирно и безмятежно спавшей землей месяц золотой.

И звезды изумрудные тоже глядели на землю и тоже любовались разлитым вокруг счастьем и добром.

По ночам из тех мест, где находился рай, прилетал тихий ночной ветерок и убаюкивал безгрешную землю чудными райскими песнями, песнями о правде.

Тогда и звери не питались мясом и не пожирали друг друга. Для всех были пищей чудные плоды и роскошная трава.

Так было тогда все хорошо и прекрасно на земле.

И позавидовал этому Дух тьмы. Злобой великой вскипел он.

— Я должен разрушить это счастье, — сказал он. — Я должен посмеяться над добром и поработить правду. Да здравствует же тьма и злоба и да царит в мире насилие!

И Дух тьмы сделал это. Сделал так ловко и хитро, что сам великий Аллах еще не заметил этого.

Он воздвиг везде жертвенники и храмы.

— Что это такое? — спрашивали люди.

— Это — храм Правды! — отвечал Дух тьмы, прикинув-

шись добрым гением. — Дух злобы силен и могуч. Он борется с правдой и добром. Он может внести разлад в этот мир счастья и порядка. Люди начнут тогда творить беззакония и совершать всякие преступления. И вот тогда храмы эти окажут народу великую услугу. Здесь будут жрецы. И жрецы эти будут бороться со всем, что дурно, и чечь неправду на жертвенниках этих.

И были построены храмы, а в них назначены жрецы-прислужники. Жрецам принадлежало общее наблюдение. Прислужники же должны были блуждать по всем местам, где жили люди, и наблюдать за тем, что происходит.

И сказали люди:

— Благодарение тому, кто подумал о нас и оградил нас от всякой неправды. Теперь мы вне опасности. Теперь мы не боимся ничего. Да здравствует правда! Ура!

И прислужники тоже кричали ура, а жрецы смиренно воздвигали руки к небу.

В это время на крыльях воздушных слетела Правда и сказала:

— Люди! Не верьте тому, что вам говорят. Вас обманывают. Я — Правда. И я уверяю вас: это не мои храмы. Мне не нужно храмов. Вас хотят окутать тьмой.

— Кто здесь шумит? Кто нарушает порядок и радость всеобщую?

И Правду схватили и повели в храм.

— Вот этот человек вносит злобу везде и хочет уничтожить счастье на земле.

— Побить его и посадить в подземелье.

И Правду посадили.

И она с тех пор сидит там, в этих подземельях, закованная в кандалы.

Но учения Правды еще живут среди людей. Многие помнят их и передают другим. Это не может нравиться жрецам, и они стараются всеми мерами искоренить таких людей.

А из храмов раздается немолчный и злорадный гимн этих жрецов.

Только недолго это будет.

Правда выйдет из подземелий. Стряхнет оковы свои и рассеет тьму и злобу.

Тогда опять наступят хорошие времена.

Это будет, должно быть.

Аллах не может забыть Правды и когда-нибудь вспомнит о ней.

ХЫЗЫР ХАЛИЛОВ

(18?? — 1943)

Хызыр Магомедович Халилов родился в ауле Теберда, в семье известного в Карачае Мухаммат-хаджи. Окончил Тебердинскую аульную школу, затем — Усть-Лабинскую учительскую семинарию. По окончании семинарии вся его жизнь была связана с народным просвещением — в течение 35 лет он работал в школах Карачая и Адыгеи. До революции учительствовал в карачаевских аулах — Н. Теберда, Карт-Джурт, Джегетей, Мара. Его ученики — первое поколение карачаевской интеллигенции — оставили большой след в истории культуры Карачая. Среди них — Умар Алиев, Саид Халилов, Наны Токов, Иммолат Хубиев и др.

ИЗ ПИСЬМА В РЕДАКЦИЮ «МУСУЛЬМАНИНА»

Глубокоуважаемый Магомет-Бек!

По поговорке: «по капле — море», так и мы, двигаясь черепашьим шагом, собираем и приглашаем собратьев-карачаевцев, сочувствующих общему благу, родному делу — прогресса и развития, откликнуться душевно, выделив из своих средств частичку грошей на выпуск дорогого «Мусульманина». Есть надежда, что если в прошлом году через Вашего слугу (пишущего эти строки) подписались два-три, то теперь уже 10 человек, а в скором времени подпишутся еще несколько единомышленников.

Дорогой Магомет-Бек, в интересах общего дела и успеха, не откажите напечатать настоящее письмо в «Мусульманине» вместе со списком подписчиков (через меня) — интеллигентных карачаевцев-горцев, а именно: из аула Учкулана: учитель И. М. Байрамуков, ф-р М. Х. Кочкаров, старшина Х.-М. Т. Байчоров; из аула Хурзука: учитель Т. Ш. Биджиев; из аула Карт-Джурта: старшина К. С. Хубиев, учитель Х. М. Халилов; ф-р Б. Ч. Чеккуев, К. Т. Боташев, Н. Х. Токов, мулла Д. М. Узденов. Есть надежда, что подпишутся и из других аулов Карачая, т. е. Теберды, Сенты, Мары, Джегуты, Дауты, Джазлыка.

При сем прилагаю 10 подписных бланков и пятьдесят девять рублей (59 руб.).

Прошу выслать несколько номеров газеты Шериф-Паши, т. к. до сих пор газета мною не получена, хотя в почтовом ящике (№ 25) Вы об этом извещали.

Еще раз прошу напечатать целиком это письмо.

Не откажите присылать все выпуски Татарской Библиотеки, по мере их выхода.

Очень интересно узнать количество всех подписчиков «Мусульманина» за текущий год. Желательно было бы отпечатать их фамилии, а также сотрудников и представителей журнала.

Учитель Хызыр Магометович Халилов

21 января 1911 г.

Карт-Джурт

ИММОЛАТ ХУБИЕВ

(1881—1937)

Иммолат Шогаевич Хубиев родился в 1881 году. Биографические сведения об Иммолате Хубиеве очень скудны, научная биография просветителя не опубликована. Известно, что он в течение долгого времени работал учителем Уч-куланского двухклассного училища. По утверждению Ислама Карачайлы, И. Хубиев разработал алфавит на основе русской графики, однако он не получил широкого распространения*.

После установления Советской власти принимал активное участие в социалистическом строительстве. Репрессирован в 1937 г. Перед арестом работал секретарем комиссии по составлению нового карачаевского алфавита. Посмертно реабилитирован. На сегодняшний день разысканы 4 статьи из публицистического наследия И. Хубиева.

* Писатели и поэты Карачая // На подъеме. Ростов н/Д, 1929. № 2. С. 69.

КЛИЧ ДРУЗЬЯМ ТРЕЗВОСТИ

Не так давно в одном из №№ «Кубанских областных ведомостей» была напечатана статья под заглавием: «Беспредельное пьянство», где автор выводил причину распространения пьянства в Карачае и приводил свои соображения для устранения этого зла среди своего народа, а также, обращаясь к аульным администрациям и подпольным продавцам питей, просил принять надлежащие меры к искоренению этого пагубного дела и откликнуться благомыслящих людей на его прекращение. Но просьба его осталась, по-видимому, гласом вопиющего в пустыне и, к сожалению, никем и никаких мер не принято, и водкопродавцы еще смелее засеивают семена пьянства.

Итак, кто бы у нас ни возопил о прекращении пьянства, питейное дело растет, а с ним вместе растет и народное горе. Посмотрите, какие страшные деньги пропиваются теми бедняками, которым не на что обуться, одеться и кормить семью. Сколько через пьянство губится здоровья, сколько через него проливается крови, горьких слез? Если бы наш народ тратил свои лишние денежки не на пьянство, а на благотворительные дела, если бы у нас в народе расходилось столько дешевых, дельных, разумных копеечных книжек, сколько расходится штофов и полуштофов, — каким бы просвещенным был наш темный карачаевский люд! Эти книжки забредут в глухие места и разгонят умственную тьму, научат нашего карачаевца и думать, и чувствовать, и жить по-человечьи, по правде божьей, а что же дадут нам эти штофники и полуштофчики! Они лишь только научат непьющего человека пить водку, отнимут наши последние копеечки, вселят в нас всякие плохие дела.

Удивительно одно: всем очевидно страшное зло, причиняемое народу пьянством, но по сравнению с величиной бедствия ничего не делается для устранения зла. Когда ту или другую область страны охватывает какое-либо несчастье — везде устраивают разные благотворительные учреждения, предпринимают разные противодействующие меры для устранения этого зла и такие несчастья, благодаря дружной, спешной и энергичной помощи со стороны, проходят быстро. Пьянство же — беда общенародная, не вре-

менная, а вековая, повсеместная и постоянная; и посмотрите, что делается у нас для борьбы с этим злом. Ровным счетом ничего. Наши передовые деятели в Карачае (народные ставленники) безропотно идут рука об руку с подпольными продавцами питей и не следят за незаконными действиями последних.

Пора пробудиться от позорной, преступной спячки, пора бороться с силами и во всеоружии знания, горячей любви к народу, выступить на энергичную борьбу с застарелым, глубоко и широко пустившим корни народным недугом. Ждать, когда наши подпольные продавцы питей перестанут его продавать, когда сам народ отрезвится,— невозможно.

Пока взойдет солнце, роса очи выест.

Давайте темного просвещать, спящего будить и слабого укреплять! Давайте, не пропуская времени, быть гонителями не народного просвещения и благосостояния, а зловредного и пагубного пьянства!

Кто есть жив человек, отзовись! Кто искренно радуется о народном благе, кто сердцем болеет о народных скорбях и недугах, приди ближнему на помощь, удели часть своего времени, труда, силы и способностей на великое святое дело отрезвления народа!

Муллы, в мечетях и в домах при требах говорите о грешности, стыде и позоре опьянения для человека!

Трезвые, повсюду ведайте, кто занимается распространением пагубного дела и сейчас же выдавайте их тому, кто следит за незаконными действиями людей!

Учитель в школе, внушай своим ученикам с раннего детства, какой опасный враг человека — водка. И цифрами, и примерами из жизни людей, и научными данными — школьнику еще на учебной скамье следует внушать глубокое отвращение к спиртным напиткам. На смену пьющим надо воспитать новые, непьющие поколения!

Молодое поколение, воспринимайте от просвещенного мира только полезные и благие дела для себя и своего народа и избегайте дурного, развращающего дела для нашего народа. Дайте места благим начинаниям в Карачае.

Аульская администрация, почетные и разумные отцы и деды, гоните пьянство с мирских сходов, не позволяйте беспутным пьянчугам решать мирские дела за два-три ведра водки.

Как дьявол в виде змия проник в рай, так и водка — эта злая змея — проникла у нас во всякое важное дело. Всякое увеселительное собрание сопровождается водкой.

Свыклись мы с ним, сроднились. Страшная сила в водке — сила привычки, сила нашей распушенности, дряблости воли. Но нет той темной силы, которая бы устояла перед силой святого, доброго, правого дела. Лишь бы нашлись такие люди, которые серьезно, настойчиво взялись бы в своем скромном уголке за распространение трезвости, не боясь ни неизбежных трудностей и препятствий, ни глупых насмешек и издевательств бессмысленных людей, — и они сами поразились бы тем успехом, благими результатами, какие достигнуты будут их слабыми силами. Знайте, что сила Божья и в немощных проявляется, лишь бы они всем сердцем взялись за Божье дело. Всякий человек, взявшийся за какое-либо задуманное им дело с любовью к нему, может, не смущаясь, встречать всевозможные препятствия и невзгоды на своем пути: в конце концов, его труд всегда увенчается подлинным успехом. Если бы вот такие-то все добрые, трезвые люди сеяли вокруг себя хоть отдельные крупички, горчичные зерна трезвости, вполне можно было бы надеяться на скорейшее избавление от позорного пьянства нашей молодежи.

Учитель Учкуланского 2-классного
нормального училища И. Хубиев

КАРАЧАЙ

Год за годом численность народонаселения в Карачае все возрастает, и те аулы, которые некогда представляли из себя жалкие хижинки, все увеличиваются и растягиваются вдоль и поперек по горам и долам на несколько верст от центра населенного пункта.

В самом деле, трудно сразу определить, где в каждом из этих трех больших смежных аулов: Карт-Джурта, Учкулана и Хурзука, центр и где край.

Многие отцы в этих аулах, живя вдали от своего училища, при всем своем желании лишены возможности дать первоначальное образование своим подросткам. У них дети только и обучаются арабскому языку в медресе, а русская грамота для них остается желанной нуждой. Немногие из таких детей посещают школу с трудом, пропуская много уроков и, наконец, раньше времени перестают совсем ходить в школу. Таким образом, плодами своих училищ пользуются ближние жители аула, а дальние, хотя и участвуют

в содержании своего училища наравне с ближними, остаются без просвещения.

В 1907 году учкуланцы, заметив, что существующее у них 2-классное училище не может удовлетворить духовную пищу дальних жителей, по инициативе инспектора народных училищ V района Д. И. Кононова и при усиленном старании своего старшины К. Салфагарова открыли смешанное училище в верховьях реки Учкулан и тем предоставили возможность жаждущим учиться. Итак, Учкуланский аул, некогда служивший рассадником просвещения всему карачаевскому народу, и теперь, несмотря на то, что он тратит несравненно больше на содержание своих училищ, чем другие аулы, показал пример своим соседям, как идти навстречу просвещению народа.

Переходя к своему родному аулу Карт-Джурту, скажу, что необходимость расширения просвещения у нас давно настала, но мы почему-то относимся совершенно хладнокровно к этому благу для народа делу. Наш аул, как первое место основания всего Карачая, ничуть не уступает другим соседним аулам ни численностью, ни богатством и ни культурностью народонаселения, а между тем он далеко отстал от своих соседей в развитии просвещения народа.

В то время, когда наши соседи преобразовали свои училища в 2-классные, да еще открыли одно одноклассное училище и ремесленное отделение и имеют у себя по нескольку учителей и законоучителей, у нас же, как назло, просвещение стоит на точке замерзания и ничуть не может сравняться с ними.

Я не берусь тут доказывать причину такого неотрадного явления, а лишь скажу, что вопрос, затронутый учебным начальством об открытии нового училища, у нас давно назрел, и что теперь же следует нам, не пропуская дорогого времени, открыть новое училище там, где оно удобно и необходимо для отдаленных жителей аула.

Неужели мы не в силах выстроить и содержать предполагаемое училище! Неужели еще кто-либо станет спорить о нужности этого училища! Ведь нельзя сказать, чтобы на открытие этого храма науки не хватало силы нашего громадного общества.

Обращаясь к разумным и благожелательным людям родного аула, умоляю их: оказать, кто чем может, содействие, чтобы идея об открытии нового училища среди отдаленных жителей аула быстро осуществилась у нас в благоприятном смысле и чтобы вновь назначенный старши-

на отнесся сочувственно к этому делу и приложил бы все свои старания на поднятие народного просвещения среди своего аула.

Заведующий Джегутинским одноклассным народным училищем И. Ху б и е в

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О СОВРЕМЕННОМ ПРОСВЕЩЕНИИ НАРОДА

Вращаясь в среде простого народа и находясь у них на службе в течение нескольких лет, я беру на себя смелость поделиться со своими коллегами, а также и другими интеллигентами — сторонниками народного просвещения, своими наблюдениями о нуждах и склонностях народа и высказать тут свой взгляд и мысли по поводу современного народного просвещения.

Прежде всего скажу, что дает современная наша сельская школа крестьянам и каков их взгляд на постановку школьного дела, а потом скажу, какая бы школа была истинно полезной народной школой. Самой важной причиной враждебного отношения крестьян к школе является то, что в наших народных школах дается для крестьянских детей схоластическое образование. Близкое соприкосновение крестьянских детей с живой природой и непосредственное извлечение из нее жизненных благ не уживаются с сухой схоластической школой, которая мало дает надлежащего освещения жизненным запросам, а большей частью обогащает их теми предрассудками, которыми заражена наша русская интеллигенция, считающая низким обслуживать даже некоторые личные нужды без услуг низших классов. В то время когда в других цивилизованных государствах физический труд интеллигента является похвальным, у нас его считают позорным занятием.

Крестьянские дети, вращаясь в кругу таких интеллигентов, свыкаются с ними и в свою очередь начинают делаться такими же белоручками.

Крестьяне простые, неиспорченные барскими предрассудками, высоко ценят таких лиц — баринов, которые не брезгуют их нечистотами и работают наравне с ними, и к таким баринам они питают уважение и любовь. Совершенно другое отношение имеют они к таким господам, которые всю свою жизнь проводят праздно среди них.

Отсюда становится понятным: почему к некоторым учи-

телям, сеятелям просвещения, крестьяне относятся с презрением и с недоверчивостью, а к другим — с любовью и уважением. Многие дети, воспитываясь у таких праздных учителей, вызывают раздражение своих родителей своим высокомерным и пренебрежительным отношением к работе и совершенным демонстративным бездельем в самую горячую страдную пору. Видя таких молодых господ, хозяйственные мужики боятся долгое время отдавать своих детей в школу, думая, что школа отучит их детей от уважения к родному деревенскому труду. Благодаря таким образцам интеллигентов, сельская школа разочаровывает крестьян в полезности культуры для их деревенской жизни.

Она заставляет хозяйственного мужика со скорбью и обидой смотреть, как его сын, прошедший одноклассную и двухклассную школу, начинает презирать дорогой крестьянскому сердцу труд и стремится поступить хотя бы в какие-нибудь письмоводители, стражники, лишь бы заниматься «чистой» работой на готовых хлебах, но не домашней работой. Она заставляет отца возмущаться тем, что его дети, вошедшие в так называемую интеллигентную сферу, стыдятся назвать его своим отцом и, ссылаясь на свои широкие потребности жизни, не могут помогать ему ни средствами, ни работой. Итак, при таком отношении простого народа к интеллигентам, нельзя винить крестьянина в том, что он не поддается просвещению, не уважает его представителей, забывает сообщенную ему грамоту и погружается в своих диких пороках и предрассудках. А между тем, народ вовсе не глух к истинному проявлению культуры. Возьмите, например, такого народного учителя, который не оскорбляет чувства трудового народа своим вакационным бездельем, а всегда употребляет свое свободное время на какую-нибудь культурно-продуктивную работу. Совершенно другое отношение будут иметь крестьяне к таким полезным учителям. Я уверен, такие учителя везде и всегда будут пользоваться любовью и уважением своих сельчан.

Сообразяясь с понятием крестьян о просвещении народа, нужно сказать: недостаточно народному учителю научить крестьян только лишь грамоте и для артистического выполнения этого маленького дела посвящать всю жизнь и деятельность целых кадров интеллигентных людей, а нужно научить их пользоваться этой грамотой и в их обычной жизни, а также доказать полезность сообщаемой им культурности и не только для «господ», но и для нужд деревенского быта. Отсюда можно заключить, что для на-

родного учителя гораздо важнее быть в курсе крестьянских интересов, склонностей и привычек, чем обладать даже очень высоким отвлеченным образованием или особыми дидактическими приемами для неестественного внушения крестьянским детям совершенно ненужных и неинтересных для них отвлеченных знаний.

Нет сомнения, что наша провинциальная Россия далеко отстала от своих соседних западных государств в культуре развития сельскохозяйственных занятий, промышленности и народного образования. Кто же является виновным в нашей отсталости нашего внешнего быта от западноевропейских стран? Ведь нашей отсталостью и оплошностью объясняется то странное и несвойственное западным государствам явление, что в нашей провинциальной России так мало русских интеллигентных ремесленников, мастеров и других практиков дела, которые могли бы эксплуатировать наши огромные богатства своими собственными трудами, не отдавая их в руки чужестранцам, пользующимся нашим богатством при наших глазах.

Пора нам перестать заниматься лишь отвлеченной работой!

Пора нам вносить свои интеллигентно-живительные струи в обычную практическую сторону нашей жизни! Наши ложные взгляды виноваты в том, что даже и лица, окончившие профессиональные и ремесленные школы, редко являются у нас склонными и способными к практическому делу, и в большинстве случаев они научаются не столько искусству работать, сколько стремлению повелевать над теми темными и, с их точки зрения, низшими людьми, которые только и должны производить всю нашу жизненную работу. В то время когда простые темные люди, как могут, обслуживают для нас все наши практические нужды, мы, русские интеллигенты, растрачиваем kloкочущие в нас силы только на страсть к отвлеченностям и утопиям. Благодаря таким интеллигентам Россия представляет из себя пока хаос, покрытый тьмой. Давайте же начнем вносить зиждительную силу в этот хаос! Давайте же догонять другие страны, опередившие нас! Сделаем возможно скорее школу доступной всем, обязательной для каждого; сделаем везде показательные поля в целях наглядного обучения крестьянства всем приемам земледелия. Введем в школах практическое обучение сельскохозяйственным занятиям и ремеслам; ведь школа должна принаравливаться к жизни народа, и учителя не должны быть

жрецами в храме науки, они не должны удаляться в свя-
тые святых, запираются от нужд народных, а должны всег-
да прислушиваться к ним в практической жизни.

Учитель И. Хубиев

НЕСКОЛЬКО СЛОВ О КАРАЧАЕ *

Много в Карачае острых нужд, много жгучих вопросов, безотложно требующих всестороннего рассмотрения и ос-
вещения. Достаточно познакомиться с делами Карачаев-
ского серебро-свинцового рудника **, Тебердинских дач ***,
лесничества Нагорной полосы ****, чтобы ясно представить
себе полную ненормальность положения дел в Карачае.
Нет народа более обездоленного, более несчастного, нуж-
дающегося в честных, просвещенных тружениках, более
отсталого в культурном отношении, чем мы, карачаевцы.
Из 30 с лишком тысяч населения ни один карачаевец не
имеет высшего образования. Тех, впрочем, несколько пе-
редовых карачаевцев, получивших так называемое евро-
пейское образование и сделавшихся настоящими господа-
ми *****, которым чужды интересы народа, чужда любовь
к меньшему брату, назвать карачаевцами нельзя, и нет
надобности говорить о них. Изучение всех упомянутых дел
и ясное, правдивое отражение их во всей наготе на страни-
цах печати,— вот то, в чем нуждается современный Ка-
рачай. Вывести из этого поистине хаотического положения
и направить на верную дорогу может лишь одно просвеще-
ние, которое так плохо идет у нас и к которому так равно-
душен наш темный собрат-карачаевец.

В данное время, когда грозит полный мрак, великую не-
оцененную услугу могло бы оказать одно духовенство, за-
нимающее у нас, как у всех подобных народов, первенст-
вующее место.

Частые проповеди в общественных местах очень благо-
творно могли бы повлиять на народную темноту. Я, конеч-
но, разумею то духовенство, которое служит неиссякаемым
источником добра и света, сознавая свое истинное назна-
чение и признание, а отнюдь не узкофанатическое, пропо-
ведующее ненависть ко всему иноверческому. Назначение
молодых образованных мулл, имеющих призвание к своей
высокой задаче, улучшение их положения,— вот от чего
зависит дальнейшая умственная судьба нашего родного
захолустья.

Кражи, грабежи, пьянство все больше и больше находят

себе место на арене нашей жизни. Наконец бедное население дойдет до положения гораздо худшего, чем то, в каком оно находилось лет 100—200 назад под игом абречества, давно, до покорения русскими Карачая. Увы! Теперешнее положение не лучше, чем в те удалые времена: тогда, по крайней мере, крали только у враждебных племен, грабили тех, с кем вели борьбу, причем эти кражи носили скорее рыцарский характер, и, по воззрению тогдашнего горца, ничего предосудительного в этом не было. А теперь что мы видим? Современный карачаевец (тяжело сознавать горькую истину) ворует последнюю лошадинку у своего же собрата или соседа, тогда как эта лошадинка служит единственным источником пропитания целой семьи злосчастного сына гор. Деньги, вырученные от продажи украденного животного, идут на водку, которая, к великому прискорбию, как в крупных увеселениях, так и на вечеринках молодежи, занимает первое место. Существующие в аулах одноклассное и двухклассное (двухклассных только два) училища оказывают незначительное влияние. Искоренить при их помощи все преступное, обезопасить народ от приближающегося вырождения и воспитать подрастающее поколение в духе уважения к труду и учению — столь же трудно и неосуществимо, как иголкой рыть колодец. Несправедливо было бы сказать, что эти училища совершенно никакой роли не играют, но их значение, их роль была бы более заметна, существенно и благотворно отразилась бы на нашей жизни, если бы во всем Карачае практиковалось бы всеобщее обязательное обучение, как это делается в некоторых городах при солидарности аульных властей *****.

Печально то, что плохо посещаются существующие школы учащимися. В 1909 году в ауле Карт-Джурт было без малого 8000 жителей. Из этого числа по меньшей мере одна десятая часть принадлежит к школьному возрасту. Число же учащихся, посещающих училища, колеблется между 30—65. Нужно отметить, что серьезные занятия начинаются поздней осенью и кончаются ранней весной, при самом начале полевых работ. Необходимо принять против таких ненормальностей самые радикальные меры. Само собой разумеется, что при такой постановке дела иных результатов ждать нельзя. Таковы учебные дела во всех карачаевских аулах, таковы — или приблизительно таковы — во всех аулах Баталпашинского отдела.

* Под общим названием «Карачай» известны 10 аулов, расположенных на верховьях реки Кубани и ее притоках: Даут, Теберда,

Мара и Джегута. Населяют эти аулы карачаевцы, народ тюрко-татарского племени, говорящий на особом языке, очень близком турецкому.

** Серебро-свинцовый рудник находится на Кубани и составляет собственность карачаевцев. Рудник этот в конце 80-х или в начале 90-х годов прошлого столетия взял на 99 лет за 10 тысяч рублей некий Экк. Горное общество «Эльбрус» (так назывался рудник) поработало до 1895-го или 1896 г., а потом прекратило свое существование. Общество перестало с тех пор платить арендную плату, несмотря на то, что это противоречило заключенному между Экком и карачаевцами контракту.

*** Один из красивых уголков Теберды, принадлежащий Карачаю, обратил на себя внимание, и там решено открыть курорт. Между несколькими господами, считающими себя представителями народа, и самим народом вышло недоразумение: население само желает соорудить необходимые постройки для курорта и дать каждому карачаевцу следуемую часть, причем берущий такую часть должен быть настолько состоятельным, чтобы мог приготовить в назначенный срок нужные постройки. Или же со вторых рук отдать (т. е. чтобы каждый карачаевец заарендовал свою часть) русским или армянским богачам, — это желает народ; но представители народа хотя бы прямо заарендовать непосредственно с рук, т. е. от имени общекарачаевских доверенных — на 99 лет тем же богачам. Нет сомнения, что последнее условие было бы весьма выгодно для всего Карачая, но только не при теперешнем положении дел, при теперешнем отсутствии интеллигенции, которая могла бы контролировать действия общекарачаевской администрации.

**** Дело Нагорной полосы имеет тесную связь с делом Абрамовской комиссии, насчет которой в прошлом году в «Мусульманине» писал г. Датиев.

***** Господа, о которых идет здесь речь, отлично узнают себя, если им попадутся эти строки. Я не поместил их фамилии, дабы статья не носила личный характер. Впрочем, сообщаю их для сведения редакции.

***** Почти постоянно аульная администрация ведет борьбу (бумажную) с педагогами; я не берусь решать вопроса, какая из этих двух партий бывает права или виновата.

ИЛЬЯС БАЙРАМУКОВ

(1869—19??)

Ильяс Магомедович Байрамуков известен как один из первых учителей Карачая, трудился многие годы на ниве просвещения Карачая и Черкесии. Отец Ильясa Байрамукова — Магомед Кучукович — был одним из основателей первой светской школы Карачая, открытой в 1878 году в Учкулане.

И. М. Байрамуков в 1878—1889 годах учился в Ставропольской гимназии. После успешного окончания гимназического курса ему было предложено продолжить учебу в дополнительном классе, где готовили аульных учителей. Завершив образование, И. Байрамуков возвращается в родное село Учкулан и работает учителем в школе. Вместе с ним в школе работали русские учителя В. П. Колесников, И. И. Крупников, карачаевцы Т. Акбаев, А. Баташев, А. Кубаев. Если Магомед Байрамуков при открытии Учкуланской школы имел всего 20 учеников, то к началу педагогической деятельности его сына — И. Байрамукова — в школе обучалось до 90 человек. Известный этнограф В. Миллер писал об Учкуланской школе: «Первая карачаевская русская школа, существующая уже 15 лет, в этом году расширяет свои помещения: в ней 3 отделения с 3-мя учителями, а с этой осени предполагается довести число учащихся до 300 человек»¹.

И. Байрамуков работал в Маринской школе с 1899-го по 1901 год, затем вернулся в Учкулан и вместе со своими единомышленниками содействовал открытию школ во всем

¹ Этнографическое обозрение. М., 1899. Кн. 15—16. С. 394.

Карачае. К концу XIX века одна за другой открылись школы и училища почти во всех крупных селах Карачая — Теберде, Хурзуке, Учкулане, Маре, Карт-Джурте. В этом была большая заслуга И. Байрамукова. К началу XIX века И. Байрамуков, С. Халилов, Т. Биджиев через бесчисленные ходатайства и большую подготовительную работу добились открытия школ для обучения девочек в Теберде и Зеленчуке.

СРЕДИ КУБАНСКИХ ГОРЦЕВ

Ни для кого не тайна, что мы, мусульмане России, начинаем просыпаться от векового сна и что это пробуждение прежде всего характеризуется повсеместным стремлением к образованию. Везде и всюду, где живут мусульмане в Российской Империи, замечается одно и то же стремление их к культуре, к прогрессу. Даже в горах Северного Кавказа, около главного хребта Эльбруса, подаются ходатайства об открытии низших учебных заведений для детей кубанских горцев. Эти ходатайства всегда получают хорошие результаты. Так, например, у карачаевцев нет ни одного поселка, где бы не было начального училища, двухклассного или одноклассного, с ремесленными отделениями, в которых заведуют учителя-карачаевцы же, окончившие гимназии, реальные училища, учительские семинарии и городские училища. Не меньше успехи проявляет там и медицинская помощь, благодаря многим карачаевцам-фельдшерам, кои служат в своих аулах. Карачаевский народ понял значение культуры в их скудной жизни. И даже достойна удивления карачаевская молодежь, которая нередко при очень ограниченных средствах совершает тысячеверстные путешествия в поисках знаний, не только в русских школах, дающих известные права, но в забытых медресе. Привожу часть статьи Г. Талицкого о Карачае, напечатанной в «Сборнике материалов для описания местностей и племен Кавказа», издание управления попечителя Кавказского учебного округа, выпуск сороковой: «На туриста карачаевские школы с их культурными обстановками производят необыкновенное впечатление. Углубляясь в продолжение нескольких дней все далее и далее в горы, давно покинув культурную страну, он думает, что, дойдя до Главного хребта, достигнет до самой дикой местности, и вдруг встречает в Карачае вполне культурный уголок, откуда от яркого источника света знания рассеиваются кругом лучи просвещения и культуры. Но, к глубокому сожалению, среди черкесской массы замечается как раз обратное: там неумоимо проповедуют муллы свои ненавистные проповеди против культуры и просвещения».

В начале 1913 года возбуждено было ходатайство об открытии среднего учебного заведения для детей кубанских

горцев. Это ходатайство было встречено начальством очень радушно, признавая таковое направление горцев на путь прогресса очень полезным для их жизни. Для этой цели в Екатеринодаре был созван съезд представителей горского населения Кубанской области, в котором участвовали одни только лишь эфенди с несколькими кадиями и атаманом Екатеринодарского отдела. На собрании был предложен вопрос об открытии сред. учеб. заведения для мусульман Кубанской области, средства которому должны были отпускаться из общественной казны. Но общественная казна не могла удовлетворить требование названного для горцев училища.

Тогда остановились на других источниках доходов. Это — «Закат¹ и Фитир²». По мнению представителей Баталпашинского отдела — карачаевцев и кабардинцев, — «Закат и Фитир» должен идти в пользу науки, т. е. новому училищу, но они встретили сильную оппозицию в лице представителей черкесского народа, которые отказались от училища и говорили: «Пусть будет так, как было до сих пор, и нам не надо образования иноверцев». Это значит, что черкесские эфенди хотят только сами пользоваться «закатами и фитиром», как пользовались многие годы. С другой стороны, сколько мне известно и сколько раз я беседовал с этими эфендиями, казалось мне, что как бы ни считали их духовно образованными, но все-таки в их душах таятся следы невежества. Они желают добра только лишь себе. Особенно вина падает на кадия Майкопского отдела, который заглушил своим громким голосом всех представителей черкесского народа. Итак, благодаря черкесским кадиям и эфендиям, не могли открыть училища, столь для нас нужного.

После такого печального собрания карачаевцы не замедлили открыть несколько вакансий в сред. учеб. зав. В 1913 и 1914 годах всего открыто десять стипендий, но в следующем году эти стипендии будут доведены до сорока. Все они открыты в разных средних учебных заведениях. Как думают черкесские кадии и муллы? Как могут черкесы поднять народное образование среди темной массы, имея таких противников, как кадии и эфенди? Мне кажется, что культуру можно поднять только тогда, если мусульманское духовенство в каждом селении и ауле будет на подобающем уровне, зная, что Коран и шариат никогда не были против просвещения. Даже в области духовного просвещения дни нашей жизни показывают середину между единицей и нулем. Особенно с этой стороны черкесская

жизнь представляется очень малопривлекательной. Кто виноват в этой печальной судьбе народа? Кто должен отдать отчет за полувековой сон нашего черкесского народа? Конечно, всякий мыслящий человек скажет — народ. Нет! Народ черкесский не виновен в этом для них печальном. Может быть, было время, когда народ отрицал культуру своего завоевателя, но теперь прошли эти времена. Это было в то время, когда народ смотрел болезненно, ненавистно на своих грозных завоевателей — русских. Теперь народ живет со своими завоевателями рука об руку, и пусть всякая ответственность перед Богом и людьми падает на горских эфендиев, кадиев, которые так печально задерживают распространение культуры и просвещения среди горской темной массы.

Б а й р а м у к о в

НАНЫ ТОКОВ

(18??—1926)

Наны Хасанович Токов родился в ауле Учкулан, в семье крестьянина. В детстве обучался в Учкуланском нормальном училище. Одним из его учителей был выдающийся педагог, просветитель Карачая Якуб Акбаев. Училище это представляло собой среднее учебное заведение с преподаванием светских наук, а также основ ислама.

Наны Токов знал арабскую грамоту, был знаком с восточной литературой. До революции обучал детей в медресе и в школе, служил мелким чиновником в различных административных учреждениях Баталпашинска (ныне — г. Черкесск). Известно, что он писал стихи; к сожалению, до нас они не дошли. В газете «Кубанские областные ведомости» (Екатеринодар) Н. Токов опубликовал несколько статей, посвященных различным злободневным вопросам жизни горцев.

После установления Советской власти Н. Токов активно сотрудничал в просветительских учреждениях, состоял членом исполкома Карачаевской области.

О значении творчества и деятельности Н. Токова по сбору и систематизации фольклора говорится в некрологе, по-видимому, написанном писателем Исламом Хубиевым сразу после убийства Н. Х. Токова в августе 1926 г.:

«Наны Токов — культработник гор.

Убит один из немногих просветителей Карачая — Наны Токов. Характерно: карачаевцы слили его имя и произносили: «Нанытоков». Еще бы! Этот человек, кажется, был популярнейшим человеком в Карачае. Он ведь был не только общественным работником. Он был еще поэт. Поэт

и собиратель сведений по истории и материальной культуре карачаевского племени.

Певцы Карачая — они почтеннейшие люди гор. Н. Токов нам помог собрать немало песен; он сам с любовью записывал неторопливыми арабскими буквами сказанья предгорных и горских батыров. Песенки пастухов, унылый и суровый звук «сыбызгы» — так близки были его духу.

Вот мы у него дома. Он жил на окраине Кисловодска. Ближе к родным карачаевцам. Помнится, эта окраина называется эмировской стороной. Тут нет фешенебельной публики, дам в цветных курортных браслетах. Тут саманные домики с каменными неровными ступенями, глухие дворы с бредущими яловыми коровами и телятами, ткачихи в траурных одеждах; вид, словом, горского селения. Здесь Токов собирал материалы. Неспешно, всю жизнь он складывал в шкафу пакет за пакетом, папки, где русское письмо перемежается с арабским. Одной рукой (другая у него была ампутирована) он медленно переворачивал листы, объясняя, что руководило при этом поэтом-сказителем, отмечавшим злую победу русских войск под предводительством ген. Эмануэля, то трогательное сказанье об Аймуше, легендарном пастухе подводных пастбищ в озере Херла-кель.

Карачаевские любители литературы должны, конечно, сейчас же привести в порядок достояние Токова. У Токова, вспоминаем, много разрозненных статей из русских изданий о Карачае. О Карачае ведь не написана ни одна большая работа, связно рассказывающая историю племени трудолюбивых пастухов.

Смерть Н. Токова — большая потеря для Карачая. Продолжатели большого дела, пионеры просвещения! Вы должны с вниманием отнестись к достоянию большой трудовой жизни.

Этот некролог был напечатан в газете «Советский Юг», вышедшей в Ростове-на-Дону 24 августа 1926 г. За два дня до этого было опубликовано следующее сообщение: «Убийство члена исполкома Карачаевской автономной области. На днях вечером в Кисловодске предательским выстрелом убит один из лучших и честнейших работников Мало-Карачаевского округа в деле строительства Советского государства Наны Хасанович Токов. Покойный до рокового своего конца состоял членом исполкома Карачаевской автономной области и председателем «Каргико». До момента убийства т. Токов находился в магазине «Каргико». Выйдя из магазина, т. Токов направился домой и, дойдя

до угла Чернышевской улицы и Слепцовского переулка, пал от выстрела злодея, успевшего скрыться.

У покойного остались жена и трое малолетних детей.

15 августа при тысячной массе народа и представителей различных организаций тело т. Токова отправлено в родной ему аул Учкулан».

ОБ ИСКОРЕНЕНИИ ВОРОВСТВА

До начала текущего 1910 года воровство в Карачае процветало с возрастающей силой и меры об искоренении этого зла среди карачаевцев казались маловероятными: и косяки лошадей, рогатый скот и овцы, раз попавшись в руки воров, бесследно исчезали, а хозяева, отчаявшись, не принимали меры к розыску похищенного скота, ибо это вызывало большие расходы, а иногда они, потерпевшие, рисковали попасть в руки тем же ворам, которые снова обирали их под предлогом доставления им похищенного скота. Скотоводство, как единственное занятие и благосостояние карачаевцев, теснимое ворами, с одной стороны, отсутствием и дороговизною земли — с другой, с каждым годом все падало и грозило всему населению общим кризисом.

Однако помощь, хотя поздняя, подоспела; решительные меры г. атамана отдела о предотвращении этого зла и сочувственное отношение к этому распоряжению всех обществ дали следующие шаги против воров. Общество указало порочных лиц, назначило на свои средства около 30 конных полицейских стражников для преследования воров, и результаты вскоре оказались настолько отрадны, что население с того момента почувствовало себя вполне безопасным от воровства своего имущества. С января сего 1910 года не слышно среди всего населения (около 40 000 душ) даже ни одной мелкой кражи. Благосостояние жителей обещает возрастать, а воровство, Бог даст, покинет Карачай навсегда.

Итак, благодаря благоразумному распоряжению начальства в течение 3—4 месяцев на 5—6 местных ярмарках не появлялся уворованный у карачаевцев скот, и, таким образом, за это время спасены от кражи около 400—500 голов скота и лошадей. Умелая рука всегда вполне может направить горцев на весьма полезные дела не только для самих горцев, но и своего дорогого отечества.

КОММЕНТАРИИ

САФАРАЛИ УРУСБИЕВ

Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области

Статья и фольклорные тексты были напечатаны в СМОМПК (Сборник материалов по описанию местностей и племен Кавказа), издаваемом фольклористом и этнографом Л. Лопатинским, в 1881 году, с. 1—42. № 1.

¹ *Джортуул* — широко распространенное явление в средние века, о чем свидетельствуют дошедшие до наших дней сказки, легенды, исторические предания. Джортуул сродни европейским рыцарским походам, ничего общего не имел с бытовыми набегами или абречеством.

² *Бугай* — тюркизм в русском языке, от слова *бугъа* — бык.

³ По-карачаево-балкарски: Сосрук

⁴ *Урузмек* — верно: Ёрузмек.

⁵ *Батрез* — верно: Батраз. Песня о Батразе в карачаево-балкарском цикле нартского эпоса считается утерянной.

⁶ *Гегуако* — по-кабардински: «джегуако».

⁷ *Поне (сбор народа)* — возможно, искаженное, или опечатка слова «тёре».

⁸ *Харс* — по-карачаево-балкарски: «къарс». Слово имеет два значения: 1) инструмент, подобный трещотке; 2) звуковое сопровождение плясовой музыки или инструментального наигрыша.

⁹ *Имам* — здесь: духовное лицо, которое руководит богослужением в мечети или наиболее авторитетный богослов и правовед в суждениях по религиозным вопросам.

¹⁰ *Пук, Фук Краснобородый* (в оригинале нартского сказания поется: *кына сакъаллы кызыл Фук* — букв.: *Фук, с бородой, окрашенной хной*) — зло, полубожественное существо, антипод нартов в цикле сказаний об Ёрузмек в карачаево-балкарском нартском эпосе.

¹¹ *Сырпын* — меч больших размеров. Утратив первоначальный смысл, вошел в нартские сказания и волшебные сказки как волшебное оружие нартов и героических персонажей.

¹² Искаженное от *Сатанай* — героини карачаево-балкарской нартиады.

¹³ Вернее: изобилие.

¹⁴ *Салымщики Мингитау* — «*Салымчы*» — архаизм карачаево-балкарского языка. Одно из значений — собиратели дани, налога. Здесь дается в значении «охрана», «дружица».

¹⁵ *Солтанжия* — стрела лука оригинальной конструкции. Лук имел своеобразное ложе для упора в плечо при стрельбе. Стрелы такого лука отличались размерами от простого *жия* — лука.

¹⁶ *Маштак* — низкорослая лошадь, иноходец. В карачаевском диалекте таким термином обозначают и низкорослого человека, что соответствует балкарскому «таштакъ».

¹⁷ *Ком* — опечатка, верно: *кош* или *кшош* — стоянка, жилище пастухов, охотников. В данном случае означает жилище нартов.

¹⁸ *Кунацкая* (по-карачаево-балкарски — *кэонакъ отоу*) — специальный дом или комната для гостей.

¹⁹ Продолжать работу в присутствии гостя по обычаям балкарцев считалось признаком пренебрежения или неуважения к пришельцу.

²⁰ В карачаево-балкарском языке существует связанное словосочетание *«жаннет суулары»* — «райские воды». Возможно, в тексте произошло искажение этого понятия.

²¹ *Кэаратон* — бесплодная женщина. Буквально: «черная шуба». Не указывает ли данный термин на определенную регламентацию одежды, носимую бесплодными женщинами в древности?

²² Опечатка, правильно — *чыгана*.

²³ Правильно: *эчки кэуйрукълу кэарт*. Смысл неясен. Возможно, в слове «барз» имеется опечатка.

Письмо в редакцию «Отечественных записок»

Письмо опубликовано в «Отечественных записках» в 1884 году, № 4, т. 268, с. 275—276. Написано в связи с публикацией в журнале «Отечественные записки» за 1884 год, в № 2, рецензии Я. Абрамова «М. М. Ковалевский о сословно-поземельных отношениях у горцев Северного Кавказа».

¹ Статья М. М. Ковалевского «Поземельные и сословные отношения у горцев Северного Кавказа» напечатана в журнале «Русская мысль» в 1883 году, № 12, с. 137—154. Ковалевский — автор множества исследований по Кавказу. Большое место в его трудах занимают вопросы истории и этнографии балкарцев.

² Авторы не совсем точны. Хотя полных данных о расселении балкарцев по ущельям не сохранилось, статистика последующих переписей говорит о том, что общества Хулам и Чегем составляли меньше половины населения Балкарии.

³ В полевых записях М. М. Ковалевского, кроме названных авторами осетинских селений, встречаются упоминания о посещении им и других поселков. Например, в Зарамаге Ковалевский записывает Сикоева Битара и др. Кроме того, по утверждению Б. А. Калоева, М. М. Ковалевский в свой приезд проводил обследования «в основном в трех населенных пунктах: Алагире, Ардоне и Новохристиановском (ныне г. Дигора)». — См.: *Калоев Б. А.* М. М. Ковалевский и его исследования горских народов Кавказа. М., 1979. С. 39.

⁴ *Барамта* — дореволюционное название нынешнего пригорода Нальчика — Вольного Аула.

⁵ *Туккаев Соломон Алексеевич* — студент Петровской земледельческой и лесной академии, учился одновременно с Сафарали Урусбиевым, окончил Академию в 1885 году по отделу сельского хозяйства.

НАУРУЗ УРУСБИЕВ

Доклад на заседании Антропологического общества

Доклад Н. И. Урусбиева опубликован в ИОЛЕАЭМУ (Известия общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете). 1886. Т. 49. Вып. 3. С. 179—181.

¹ *Антропологическое и этнографическое императорское общество любителей естествознания* — полное название общества — Императорское общество любителей естествознания, антропологии и этнографии

при Императорском Московском университете. Открыто в 1863 году. Основателями общества были русские ученые А. П. Федченко, А. П. Богданов и др. Общество снарядило ряд морских экспедиций (на Балтийское, Черное, Белое и Аральское моря). Особое значение общество придавало изучению антропологии и этнографии живущих в России народов, содействовало археологическим и этнографическим разысканиям. С 1872 года при университете был открыт Политехнический музей, где велись известными учеными воскресные лекции. Впоследствии общество свою работу вело по отделам, которые имели собственные издания — «Известия», «Труды», ИОЛЕАЭМУ — печатались с 1863-го по 1888 год, впоследствии Антропологический отдел (с 1890 г.) издавал «Дневник Антропологического отдела».

² Миллер В. Ф. (1848—1918) — русский ученый-фольклорист, этнограф, языковед, археолог, с 1911 года академик, профессор Московского университета (с 1864 г.), председатель Общества любителей естествознания с 1881 года, один из основателей журнала «Этнографическое обозрение», в 1897—1911 годах — директор Лазаревского института восточных языков. Занимался проблемами иранистики. Широко известен труд В. Ф. Миллера «Осетинские этюды» (1881—1887 гг.). Собрал ценнейший фактический материал по русскому фольклору. В «портфелях Миллера» сохранились образцы и карачаево-балкарского фольклора.

³ Отлукъ къала — пороховая башня.

⁴ Аул Урусбаев — опечатка, правильно — Урусбиево.

⁵ Шиякы — захоронения средневековой Балкарии в виде подземного склепа или каменного ящика из грубо обтесанных каменных плит.

Из тетрадей Науруза Урусбиева

На сегодняшний день найдены две работы Науруза Урусбиева. Это — доклад об обнаруженных им археологических находках на заседании Московского Антропологического общества и фольклорные тексты, опубликованные Н. П. Тульчинским в 1903 году.

По свидетельству авторов конца XIX века, написавших об Урусбиевых, Науруз собрал гораздо больше фольклорных текстов, но они не были опубликованы. Эти тексты или безвозвратно уничтожены в том самом костре, о котором сказано выше (см. свидетельства Абу Джутубаева, Узденовой, Хасана Моллаева, Сеит-Баттала и Ханифы Искендеровых. — Архивный фонд КБНИИ), или же могут быть сохранены в личных фондах исследователей Северного Кавказа, но до сих пор не обнаружены.

Из опубликованных Н. П. Тульчинским текстов Науруза Урусбиева некоторые сохранились и в активном фольклоре карачаевцев и балкарцев без изменений. Другие, возможно, безвозвратно утеряны. Судя по всему, подстрочные переводы текстов сделаны Наурузом Урусбиевым и впоследствии обработаны публикатором. При обработке Тульчинский допустил ряд неточностей семантического плана. Затемнены значения многих мест и переводом-калькой (это свидетельствует о том, что Тульчинский знал язык оригинала). Сравнение текстов с существующими оригиналами позволяет сделать вывод о том, что Науруз Урусбиев строго придерживался семантического принципа перевода, что, несомненно, имея большую научную ценность, в то же время лишало читателей возможности проникнуться эстетической силой образов устно-поэтического творчества карачаевцев и балкарцев.

Тексты Науруза Урусбиева насыщены большим этнографическим и

топонимическим материалом, но не все термины объяснимы сегодня. Многие значения утеряны, остались как признаки архаического быта; не все топонимы также поддаются определению.

В этих публикациях представляют несомненный интерес фольклорные циклы «Алла-Гидай» и «Любовь» — небольшой пласт широко распространенного малого жанра «ийнар», более известного в тюркской фольклорной традиции как «айтыш». Ийнар — поэтический спор-состязание, не имеющий конфликтной основы, между молодым человеком и девушкой, как правило, влюбленными.

Предлагаемые вниманию читателя тексты опубликованы Н. П. Тульчинским в его работе «Поэмы, легенды, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области» в «Терском сборнике» — литературно-научном приложении к «Терскому календарю» на 1904 год. (Вып. 6. Владикавказ, 1903).

¹ Поэма о Каншауби дошла до наших дней во множестве вариантов и сюжетных линий — о сыновьях Бекмурзы, о любви Каншауби и Гошаях, о чудесном излечении Каншауби и колдовстве женщин — соперниц Гошаях, 2 версии о смерти Каншауби (от болезни и в боях у крепости Эривани [Ириуани]), об отъезде Каншауби в Дагестан (или Шемаху).

² *Тар-аууз* — равнина за Баксанским перевалом, в Карачае.

³ *Непе-базар* — возможно, на происхождение топонима указывает балкарская патронимия Непеевых, жителей Баксанского ущелья.

⁴ Здесь, по-видимому, произошло смещение места действия, т. е. раньше встречается название азербайджанского города Шемахи; в данном тексте намекает на это и строка «горят огни без дыма», т. е. источники сопутствующего нефти газа.

⁵ В подлиннике — «Карачач», что и соответствует языковой норме.

⁶ *Генже* — архаизм карачаево-балкарского языка, означающий «гитче» — «маленький, младший».

⁷ В карачаево-балкарском фольклоре имеется множество свидетельств о существовании в далеком прошлом государственности карачаевцев и балкарцев с верховным правителем — ханом.

⁸ *Дадиян* — рачинский князь.

⁹ Науруз Урусбиев данной пометой указывает на локальность существования текста.

¹⁰ *Устым* — ночь священнодействия или освященная ночь.

¹¹ *Брагун* — русская транскрипция топонима «Борагъай». Данная строчка в оригинале звучит: «Борагъайдан хан къонакъла келгендиле». В карачаево-балкарском фольклоре сохранились намеки на некогда существовавший город Борагай, который якобы являлся столицей ханства, объединявшего в своем составе предков крымских татар, кумыков, карачаево-балкарцев и другие тюркские племена Северокавказского и Черноморского ареала.

¹² Искажение топонима Хулам.

¹³ Искажение от «ныгыш».

¹⁴ *Хоз* («Моя пороховница хозом покрыта») — порох (осет.).

¹⁵ Искаженное от «сары-кулакъ». В карачаево-балкарском фольклоре — это оружие мести: то карающий меч, то ружье. См. об этом в очерке М. Абаева «Балкария» и у Б. Шаханова в «Возражениях Абрамовской комиссии» (Б. Шаханов. Избранная публицистика. Нальчик, 1991).

¹⁶ Видимо, искаженное от «Дадияни». *Дадияни* — фамилия рачинских князей.

¹⁷ *Катр* — искаженное от карачаево-балкарского «къадыр» — «мул».

¹⁸ *Сховатская дорога* — дорога через Ысхауат (Схауат, Хасаут), пограничное между Карачаем и Балкарией село.

¹⁹ *Каржин (осет.)* — карачаево-балкарский вариант «гыржын» — «хлеб».

²⁰ *Локман-хаким* — легендарный врачеватель в фольклоре народов Востока.

²¹ Возможно, искаженное от «Ала-тау» — «разноцветные горы». Топоним «Ала-тау» нередко встречается в карачаево-балкарских ий-нарах.

²² *Налла* — подковы.

²³ *Таракчы* — от слова «таракъ» (-чы — суффикс, указывающий на профессиональную принадлежность) — чесальщица. Имеется в виду, чтобы первенцем была девочка, помощница матери. По этому поводу существует у балкарцев поговорка: «Насыплы къатынны ал тапханы къыз болур» — «У счастливой женщины первенец будет девочка».

²⁴ *Таякчы* — от слова «таякъ» — «палка» + суффикс -чы. Пожелание, чтобы второй ребенок был мальчиком, которому предопределено быть пастухом.

²⁵ См. сноску 19.

²⁶ В языковой практике балкарцев сохранилось связанное словосочетание «фердау болуп (олтуруп)» в значении «хорошо устроиться», которое, возможно, имеет определенную связь с данным выражением.

²⁷ В оригинале — «Кичи улуну аты Дыгылмай» — «Младшего сына имя Дыгылмай». (См.: Къарачай халкъ жырла. М., 1969. С. 46).

²⁸ *Фадан* — верно: *фадауан* — болотная трава, использовавшаяся для утепления *чабыров* — сыромятной обуви пастухов.

²⁹ Согласно генеалогическим схемам Суюнчевых и Урусбиевых, князь Баксанук, о котором повествует песня, — потомок Глу (Гиляу)-хана в шестом колене.

³⁰ Понятие «харам» включает гамму оттенков и значений. В данном случае проклятьям подвергается род Таусултановых, преступивший законы молочного братства.

³¹ *Хумала* — видимо, опечатка. По всей вероятности, имеется в виду Хулам, расположенный по соседству с Безенги, вотчиной Суюнчевых.

³² «*Какк*» — верно: «*как*» — каша, преимущественно из кукурузной или просяной муки.

³³ *Тойайрак* — искажение от «той айран» — свадебный айран.

³⁴ Асланбек Кайтукин в карачаево-балкарских и осетинских песнях и преданиях чаще называется «Сары-Асланбек» — «Рыжий Асланбек».

³⁵ *Мяч* — перевод буквальный. В карачаево-балкарском языке слово *топ* имеет несколько значений: мяч, пушка, ядро и т. д. Здесь — пушка.

ИСЛАМ КРЫМШАМХАЛОВ

Из Карачая

Статья напечатана в газете «Кубанские областные ведомости», 1903 год, № 100, 8 мая.

Письмо в редакцию журнала «Мусульманин»

Опубликовано в журнале «Мусульманин», 1910 год, № 2, с. 55—56.

Карачаевское горе

Рассказ напечатан в журнале «Мусульманин», 1910 год, № 11—12, с. 253—255.

Судя по тому, что автор пронумеровал его первым, и в подзаголовке написал — «Кубанские очерки», он состоял из нескольких частей. Остальные части пока не обнаружены. Рассказ напечатан после смерти И. Крымшамхалова, и, возможно, автор не успел отослать последующие рассказы запланированного цикла.

¹ «С начала века овцеводство и в экономиях, и у горцев терпит кризис,— пишет Ш. Ш. Хуранов в статье «Некоторые аспекты социально-экономического положения народов Карачаево-Черкесской автономной области накануне Октября». — Владельцы экономий и крестьяне сократили поголовье из-за возрастания арендных цен, быстрого увеличения площади запашки. Если в 1900 году в Баталпашинском отделе у населения насчитывалось 1 млн 59 тыс. овец, то к 1912 году их поголовье сократилось почти в 2 раза». («Великий Октябрь в судьбах народов Карачаево-Черкесии». Черкесск, 1989. С. 23.) То же самое происходило и с табунным коневодством.

² *Тавричанами* называли владельцев экономий, вторгшихся в быт Карачая в конце XIX — начале XX века. Экономистами были преимущественно армяне, переехавшие из Крыма.

Бёрю бла киштик (Волк и кот)

Басня широко известна в народе, многие знали ее наизусть. Впервые напечатана в 1926 году в книге А. Биджиева «Билим» — «Знание», вышедшей в Москве. Публикуется по тексту, представленному в «Антологии карачаевской поэзии» (Ставрополь, 1965. С. 101).

~~Подстрочный перевод:~~

Не оставляющий проделки,
Не может насытиться,
В лесах и на полянах,
В тени и прохладе,
Задравши хвост,
Обитал волк.
Если заметит скотину,
Ловил и съедал,
Не надоело ему красть,
Не щадил ни слабых, ни малых,
Не проходило ночи,
Чтобы не отправился по горам и
долинам.

Взяв собак,
Охотники устроили погоню,
Нашли вора,
Приникшего к тушам (животных).
За хвост, за горло,
За ухо, за загривок
Схватили, укусили,
Вверх-вниз потянули,

Подняв крик и борясь,
Схватившись намертво,
Разодрали ему шкуру,
И еле-еле он спасся.
Часто-часто он дышал,
Захрипело его горло,
Морда его искромсана,
Слюною он покрыт,
Окровавлены нос и рот,
Тело его покрылось потом.
Пришел волк в аул (тийре —
квартал),

Чтобы спрятаться в домах.
Зайти во дворы
Боялся людей.
Метался взад-вперед
В поисках выхода.

Забежал за один дом,
Посмотрел на небо и зевнул,
Растянувшегося на солнце
Увидел одного кота.
Слезы скатились
Из глаз (вытекая),
Присев (на корточки),
Начал так говорить:
— Кот, моя душа, умница,
В меня стреляли,
Сейчас меня догонят,

Из меня живого сделают тулукъ *.
Среди дворов и домов,
Где ты ходил, в округе
Есть ли кто-нибудь,
Кто постеснялся бы
Отказаться от гостя?

Кот привстал и осмотрелся,
И показал волку дорогу:
— Поприветствуй я заходи в дом
К Али, сыну Қийика.
— К Али?
— Да, к Алий.
— Дворовую собаку он спустит на меня.
Не станет он со мной церемониться
И отдаст меня живьем на съеденье.
Как-то совсем недавно
В один дождливый вечер,
Не заходя (к нему) в сарай,
Я лег во дворе,
И в темноте случайно
Съел его бычка.
— Если сходишь к сыну Шахыма Чомаку,

* Тулукъ — большой кожаный мешок для хранения муки, зерна.

Примет тебя гостем.
 — Хоть и насплетничали ему обо мне,
 Нет у меня вины, насколько я знаю.
 Но, по его словам, за семь голов
 Он имеет ко мне месть.
 — Сейчас же, не мешкая,
 Иди, не смущаясь,
 К Батчаеву Наibu.
 — Наиб меня врагом считает,
 На одного козлика счет предъявляет.
 — Тогда беги туда —
 К Лайпанову Шамаю.
 — К Шамаю?
 — К Шамаю.
 — Давно у него потерялся
 В зарослях орешника бычок,
 Он не знает, кто это сделал,
 И меня поэтому не любит.
 — Ты привык к злодейству,
 Живот волочится твой по земле,
 Как подумаю — чтоб тебя не стало! —
 Ты — гора недостатков.
 Желающих в дом тебя пустить
 Никого нет, как видишь.
 Пашня, которую ты взбороздил,
 Стала тебе пищей.
 Зло, содеянное тобой,
 Стало тебе дубиной, стало камнем!
 Когда кот закончил свою речь,
 Собаки и охотники,
 Тяжело дыша, настигли.
 Избив, волка
 Живьем превратили в тулукъ.

В рукописном фонде КБНИИ обнаружена запись басни, произведенная Саидом Шахмурзаевым в 1965 году, что свидетельствует о широкой ее распространенности как в Карачае, так и в Балкарии.

Вариант, записанный С. Шахмурзаевым, в содержательном плане идентичен опубликованному в «Антологии карачаевской поэзии» тексту. Однако слова карачаевского диалекта заменены балкарскими, некоторые имена персонажей также изменены. Трансформировалась в некоторой степени структура стиха, изменилось расположение строк, строфика. Тем не менее в обоих текстах выдержан размер тюркского аруза. В примечаниях С. Шахмурзаева говорится: «Текст записан от отца как в форме стиха, так и в форме рассказа». С. Шахмурзаев озаглавил свою запись — «Къонакъгъа баргъан». Приводим ее.

КЪОНАКЪГЪА БАРГЪАН

Ашан, ашдан тоймагъан,
 Аманлыкъны къоймагъан
 Четегледе салкъынды,
 Къаялада, тапкырда,
 Бёрю деген жашайды,
 Мал тапса, тутуп ашайды,

Сыртха, кьолгъа жайылып,
Къуйрукъ учун къайырып.
Итле бла уучула
Хахайлашып чыкъдыла.
Ёрге-эншге чапдыла.
Уручуну сойланып
Мыллыклада тапдыла.
Аны тууайлашып тутдула.
Къолтугъундан, кьойнундан,
Къулагъындан, бойнундан,
Ёрелешип, сермешип.
Ол аладан кючден-бутдан къутулду.
Къаты туруп талагъы,
Хырха болуп тамагъы,
Тёрт санына тер уруп,
Тили, тиши ачылып,
Шытылары чачылып,
Бёрю келди тийреге,
Элни ичинде юлеге,
Бек кьоркъады орамлагъа кирирге,
Бек сюеди адамланы тынчлыкъларын
билирге.

Юй артлада ёрге-эншге жортады,
Кёкге къарап эснеди,
Кюн тууушха сойланып,
Бир киштикчик эследи.
Бёрю келди къатына,
Кёзлеринден тёнгереп,
Жилямукъла ташлады.
Ол анга, къуйругъундан чёгюп,
Хапар айтып башлады:
— Киштик, жаным-кёзюм,
Акъяллыса, меюлсе,
Къара халкъны кьолунда
Ёсген эмчек уланыса.
Эл ичинде юледе,
Сен жашагъан тийреде
Мени кьонакъгъа ким алыр?
Кьонакъ сакълар ким болур?
— Сен жунчума, апчыма,
Мен ахшы кьонакъбайла табайым.
Салам бер да, кир юге,
Кийик улу Алийге.
— Алийгеми, Алийге...
Арбазында парийге
Тууай этип тутдуруп,
Жаным саулай жутдуруп.
Кёп болмайын жууукъда,
Жауун кече сууукъда,
Бау ичине кирмегенем,
Орамлада жатханем,
Къарангыда эслемей,
Таначыгъын къапханем,
Деп кьоркъама,
Ол мени кьонакъгъа алмаз.
— Алай эсе уа, сен бар
Шахым улу Чолакъгъа,

Ол алыр сени къонакъгъа.
 — Ол айтхандан, жети мал
 Аны манга дерти бар.
 Хатам жокъду, мен билип,
 Ол да мени суймейди.
 Арабызда тил жюрип.
 Анга да къоркъама
 Къонакълыкъгъа барыргъа.
 — Былайдан терк кетмесенг,
 Башынг къалады палахха.
 Былай ары жортчу
 Къунайланы Къонакъгъа.
 Кысха кетмесенг,
 Башынг тюшер тузакъгъа.
 — Къонакъ мени жаулайды,
 Бир текечик даулайды,
 Анга да къоркъама,
 Къонакълап барыргъа.
 — Алеесе, жортчу алайгъа
 Тебердиланы Шамайгъа.
 — Шамайны тас болгъанды
 Чегетледе тауушлукъ бугъасы.
 Ол аны ким этгенин билмейди,
 Аны ючюн мени суймейди.
 — Алай болса, сени мында
 Къонакъгъа аллыкъ жокъду,
 Кесинг аманлыкъгъа юйренип,
 Къарнынг жерге суйрелип,
 Кесинг сюрген сабанлыкъ.
 Санга азыкъ, аш болду,
 Кесинг этген аманлыкъ
 Таякъ болду, таш болду..
 Киштик анга сёзюн айтып
 Тауусхунчун,
 Итле бла уучула
 Хырылдашып жетдиле,
 Ол жазыкъ бёрюню
 Саудан тулукъ этдиле.

Абайланы Фатиматны дефтерине (В альбом Абасовой Фатимат)

Стихотворение опубликовано в «Антологии карачаевской поэзии» (Ставрополь, 1965. С. 102). Судя по тексту, это начало посвящения, его небольшой фрагмент. Полный текст, другие варианты или же отрывки посвящения не обнаружены.

Подстрочный перевод:

Фатя, будь достойной, работающей,
 Будь цепкой, зубастой,
 Будь твердой, как репка.
 Свекровь свою сварь, обожги,
 Пусть муж тебя сильно любит,
 Не таскай его за бороду,
 Не ешь его поедом...

Шутливое посвящение написано в широко распространенном жанре карачаево-балкарского фольклора — пожелание с проклятиями воображаемым врагам. Проклятия, вызываемые на будущую свекровь, отвечают канонам этой стихотворной формы, предполагают восхваление достоинств девушки на выданье и в форме шутки утверждают ее превосходство над будущим мужем и его родственниками.

МИСОСТ АБАЕВ

Наши миротворцы

Корреспонденция — одна из первых публикаций М. Абаева. Она была напечатана в газете «Терские ведомости», 1894 год, 16 ноября. Подписана псевдонимом «Житель».

¹ По современной орфографии — Сарбашев.

² Правильно: Мысака.

Калым и его последствия

Статья опубликована в «Терских ведомостях» под псевдонимом «Горец», 1894 год, № 147, от 16 декабря.

Интересный документ

Сообщение Мисоста Абаева опубликовано в газете «Кавказ», 1895 год, № 230, от 31 августа.

¹ Этот камень — один из первых известных письменных памятников карачаево-балкарского языка — вызывает большой интерес ученых разных специальностей и интересов. Как очевидно из этой публикации, утверждения некоторых историков (см., например: *Байчоров С.* Карачаево-балкарский арабописьменный памятник и его отношение к карачаево-балкарскому языку // Вопросы языковых контактов. Черкесск, 1982), что памятник открыт Н. Тульчинским в 1903 году, неверны. Сообщение М. К. Абаева продвигает время открытия памятника и введения его в научный оборот почти на 10 лет. М. Абаев первым дал краткое описание этого памятника.

Арабописьменный памятник заинтересовал Н. П. Тульчинского, впоследствии члена Абрамовской комиссии, который в статье «Пять горских обществ Кабарды», писал: «...в Хуламском ущелье, выше сел. Схуру, в развалинах башни нашли два плитовых камня, один большого размера, другой — малого; на большом камне вырезаны арабскими буквами на горском языке слова, которые гласят, что собрались почетные люди (имярек) от крымского хана, из Кабарды и от горцев, установили границы горских владений от крымских и русских владений. На другом камне тем же шрифтом и языком начертано, что вследствие спора каракеша Бекмурзы Гиркокова (искаженное от Гергокова. — Т. Б.) с кем-то (не указано, с кем) свидетели: из Баксана Исмайллы Урусбиев, из Балкарии Муртазали Биев, из Хулама Султан Шакманов и др. — установили границы владения Бекмурзы Гиркокова: судя по этим границам, у него оказываются обширные владения. Все это происходит по магометанскому исчислению в 1127 г., а по нашей эре в 1711 г.» (Терский сборник. Владикавказ, 1903. Вып. 5. С. 169).

Арабописьменный текст памятника был издан в прорисовке Л. И. Лаврова в книге «Эпиграфические памятники Северного Кавказа

на арабском, персидском и турецком языках» (Ч. 2. М., 1968). В последующие годы памятник широко привлекался в качестве документального источника начала XVIII века историками, этнографами, языковедами.

² В начале 80-х годов XIX века была сделана попытка разрешить смелый кризис в Балкарии. Она имела неожиданные последствия — интересы балкарцев были еще более ущемлены, большинство спорных и пограничных земель были переданы во владение кабардинским феодалам.

Горские школы

Статья напечатана в газете «Кубанские областные ведомости» в 1895 году, № 95. Подписана литером «А». На принадлежность статьи М. Абаеву указывает сам автор в следующей статье «Открытие Панежукаевского училища».

Открытие Панежукаевского училища

Напечатана корреспонденция в газете «Кубанские областные ведомости» 10 ноября 1895 года. Подписано: М. Абаев. г. Екатеринодар.

¹ *Малама Я. Д.* — начальник Кубанской области и наказной атаман Кубанского казачьего войска, генерал-лейтенант.

² Так в тексте; верно: сервирован.

³ *Лепс* — мясной борщ. Здесь и далее описываются, в основном, блюда адыгской кухни.

⁴ *Шха-тура* — смысл неясен, видимо, термин искажен при наборе.

⁵ *Лли-гажа* — жареное мясо, шашлык.

⁶ *Гедлибже* — курятина с подливкой.

⁷ *Халива* — пирожки.

⁸ *Бореч* — видимо, искаженное от карачаево-балкарского «бёрек» — пирожок.

⁹ *Прунш со шху* — рисовая каша с кислым молоком.

¹⁰ *Тхурумбей* — сладкое блюдо в виде печенья.

¹¹ *Мазан И. И.* — генерал-майор, атаман Екатеринодарского отдела Кубанской области.

¹² «*Берекет берсин*» (тюрк.) — приветствие: «Да будет изобилие!»

¹³ *Шарданов* — имеется в виду кабардинский инженер и публицист Бекмурза Шарданов.

¹⁴ *Шкиль Г. М.* — инспектор народных училищ Кубанской области.

О горских школах

Статья напечатана в газете «Кубанские областные ведомости» 19 июня 1896 года, подписана «М. Абаев».

¹ *Бжедуги-химишейцы* (искаженное от *хамышевцы*) — подразделение адыгов-бжедугов, проживающих между реками Афипсом и Псекупсом. Они говорят на особом диалекте. (См.: Очерки истории Адыгеи. Майкоп, 1957. С. 152).

² *Шегенеевцы* — видимо, искаженное название жителей аула Шабан-хабль, основанного в 1800 году. Сейчас находится на территории Теучежского района Адыгейской автономной области Краснодарского края.

³ *Шапсуги* — наиболее многочисленное адыгское племя, проживавшее на территории Кубанской области. В результате слияния с абадзехами, бжедугами, темиргоевцами и натухаевцами образовали адыгейскую народность.

Черкесы Екатеринодарского отдела Кубанской области

Статья напечатана в газете «Каспий», 1898 год, № 247, подписана псевдонимом «Горец».

Письмо в редакцию газеты «Каспий»

Напечатано под псевдонимом «Горец» в газете «Каспий», 1902 год, № 20. Поводом для выступления в печати М. Абаеву послужило напечатанное в той же газете за № 14 следующее сообщение:

«Нальчик. В чеченском обществе, Нальчикского округа, Терской области, в безлесных горах в верховьях реки Терека, на утесе гребня, вдающегося в ущелье, стоят две полуразвалившиеся четырехугольные башни. У подножия их — аул Хулам. Башни эти имеют характерный вид сторожевых башен. И вот, оказывается, здесь к этим башням устроен подземный водопровод гончарными трубами. Помимо исторической давности, этот водопровод интересен еще тем, что он подавал воду по закону сифона, т. е. окончность водопровода у башен выше его середины, проложенной через балку. Устроен водопровод обычной смычкой труб, заложен на глубине 1—2 аршин. Нашли его, по словам «Т. В.», горцы случайно при постройке саклей. Водопровод около версты протяжением. Началом его и теперь пользуются жители».

Аул Шенжий

Корреспонденция подписана псевдонимом «Горец» и напечатана в газете «Свобода печати», 1907 год, № 20.

Письмо в редакцию журнала «Мусульманин»

Напечатано в журнале «Мусульманин», 1910 год, № 4. Подписано «М. Абаев». Письмо написано по поводу статьи М. Хаджетлаше, редактора журнала «Мусульманин», напечатанной в мусульманском отделе журнала «Братская помощь», за подписью «Ахмет-бек Аллаев», в которой автор анализирует ряд статей о Кабарде, утверждающих отсталость Кабарды от других народов Кавказа. М. Абаев солидарен с М. Хаджетлаше и в свою очередь несколько идеализирует положение дел в Кабарде и Балкарии, хотя и вполне законно возмущается поверхностным подходом к характеристике уровня культуры и национального сознания кабардинцев и балкарцев.

Горцам Северного Кавказа

Напечатана статья в журнале «Мусульманин», 1910 год, № 8. Подпись: «М. Абаев».

Большой вопрос

Статья напечатана в «Мусульманине», 1910 год, № 10. Подписана «М. А.».

¹ *Дондуков-Корсаков М. А.* — в 80-е годы XIX века главноначальствующий на Кавказе.

² Процесс переселения был болезненным и антинародным. Лицемерие царского правительства в этом вопросе раскрывали в своих публикациях как представители горской интеллигенции, так и передовые общественные деятели России. Так, например, в 1887 году в своих «Очерках Кавказа», обсуждая действия правительства, Е. Марков писал: «Поселить в туземных племенах неудовольствие, волнения, беспорядки, бросить их намеренно в объятия Турции, убедить правительство, что цивилизация и русское владычество несовместимы с их разбойничьими вкусами, и потом, в виде мудрой государственной меры, выкинуть их из их собственной страны, чтобы вознаградить самих себя за свои государственные заслуги садами и полями, терпеливо, в течение столетий, возделываемыми этими мнимыми разбойниками, — вот та система, которая смело поднимает голову...» (с. 303).

Кабарда проснулась

Статья напечатана в журнале «Мусульманин», 1911 год, № 3. Подписана «М. Абаев».

¹ *Далгат* — Мисост Абаев имеет в виду дагестанца Магомеда Далгата, работавшего в Нальчике. Он лечил известную украинскую писательницу Марко Вовчок во время пребывания ее в Нальчике. Впоследствии М. Далгат — городской врач г. Владикавказа. Вместе с Абаем Шахановым и его однокурсником Киселевым М. Далгат работал по ликвидации эпидемии дифтерита в Терской области. Магомед Далгат принимал активное участие в общественной жизни старого Владикавказа. Он один из инициаторов создания «Общества распространения грамотности и технических сведений...» и газеты «Казбек».

² *Врач Шогенов* — первый кабардинец с высшим медицинским образованием. См. о нем: *Нахушев Х. Т.* К истории развития здравоохранения Кабардино-Балкарии // УЗ КБНИИ. Нальчик, 1967.

³ *Шаханов* — Басият Абаевич Шаханов (1879—1919) — известный юрист и талантливый публицист, один из основоположников дореволюционной карачаево-балкарской литературы.

⁴ *Чежоков* — имеется в виду Султан Чижоков, до революции занимал различные административные посты в Нальчикском округе, в годы гражданской войны — начальник гражданской части у правителя Кабарды князя Бековича-Черкасского.

Балкария

Исследование напечатано в журнале «Мусульманин», 1911 год, № 14—17, с. 586—627. Подпись — «М. К. Абаев».

¹ *Ковалевский М. М.* (1851—1916) — известный русский ученый-историк, этнограф, социолог, академик Петербургской Академии наук. Уделил в своих трудах особое внимание исследованию общественного строя горских народов Кавказа — карачаевцев, балкарцев, осетин, сванов, пшахов, народностей Дагестана.

² *Миллер В. Ф.* (1848—1913) — выдающийся русский ученый, ориенталист, фольклорист, языковед, этнограф, археолог, академик Петербургской АН. Был профессором Московского университета, возглавлял Лазаревский институт восточных языков с 1897-го по 1911 год.

³ М. Абаев имеет в виду совместные работы В. Ф. Миллера и М. М. Ковалевского:

1. Сообщение о поездке в горские общества Кабарды и в Осетию летом 1883 г. // ИКОРГО. 1883. Т. 8. Вып. 1.

2. В горских обществах Кабарды // Вестник Европы. 1884. Кн. 4.

3. У подошвы Эльбруса // Вестник Европы. 1886. Т. 1. Кн. 1, 2.

⁴ *Сра* — национальный вид пива, приготовленный из проса или ячменя. Упоминание о сра (в форме «сыра») встречается в письменном памятнике западно-кыпчакских тюркских народов XIV века «Кодекс Куманикус». В современном карачаево-балкарском языке произошла семантическая трансформация слова, и оно употребляется для обозначения вина.

⁵ *Баксануко Суншев* — Бакъсанукъ Суйюнчев. В карачаево-балкарском фольклоре существует несколько вариантов песни о легендарном князе из Безенги Баксануке Суйюнчеве. Еще до революции Н. П. Тульчинским была опубликована песня «Баксануко», записанная Наурузом Урусбиевым (См.: *Тульчинский Н. П. Поэмы, песни, сказки и пословицы горских татар Нальчикского округа Терской области* // Терский сборник. Владикавказ, 1904. С. 289—291.).

Оригинал песни сохранился фрагментарно и опубликован в книге «Къарачай халкъ жырла» (М., 1969. С. 73):

Батыр Басханукъ уллу да Бызынгыда бий эди,
Ой темир терек аны да о къаласына чюй эди.
Батыр Басханукъ, жаным, уллу Бызынгыда да о бий болмаз,
Ой темир терек а аны да о къаласына чюй болмаз.
Батыр Басханукъну да, жаным, жар башында да къаласы,
Тау элlege бий болмаз обур атанг, Сылыуну о жаман баласы.
Шаулук бий келгенди да, сени да ол къатынынгы ой элтеди,
Сарыкулакъ бичагымы да сабы, жаным, сары мелтеди.
Ой элте эсе да бу гяуур гажини, энди, ой, элтме къой,
Сарыкулакъ бичагымы да мени къолума ой жетме къой.
Басханукъ къатыны да дуня таныгъан Сарайды,
Бир жангыз кечеге да эки жамычылыкъны ол тарайды,
Сарыкулакъ бичагым да мени къолума да жетгенди,
Ай, Шаулук бий, аман хомух, сарыкулакъ бичакъ санга да не
этгенди?
Батыр Басханукъ Шаулук бийни белинден эки да этгенди.

Подстрочный перевод:

Храбрый Баксанук был князем в Большом Безенги,
Ой, железное дерево служило гвоздем его крепости.
Храбрый Баксанук, душа моя, не будет ой князем в Большом
Безенги,
Ой, не будет железное дерево гвоздем его крепости.
Храброго Баксанука, душа моя, да над пропастью крепость *.
Не сможет стать князем для горных аулов твой хитрый отец,
«плохой» отпрыск Сылыуа.
Князь Шаулук ** пришел и жену твою, ой, уводит,
Рукоять моего желтоухого кинжала, душа моя, ой,
украшена желтой кистью.

* Крепость Баксанука до сих пор сохранилась у развалин старого Безенги.

** В тетрадах Н. Урусбиева — князь Шаулук Таусултанов.

Ой, если даже уводит ее, неверную... пусть теперь уводит.
О, дай взять мне в руки мой кинжал с желтой рукоятью.
Жена Баксанука — известная всему миру [красавица] Сарай,
За одну ночь она теребит шерсть для двух бурок.
Мой кинжал с желтой рукоятью оказался в руках у меня,
Ай, ленивый князь Шаулук, что плохого сделал тебе мой кинжал
с желтой рукоятью?
Храбрый Баксанук разрубил князя Шаулук на две части.

⁶ *Хтаровы* — опечатка, верно: *Отаровы*.

⁷ *Хтар Дадешкелиани* — Отар Дадешкелиани, родоначальник фамилии Отаровых из Баксанского ущелья.

⁸ *Исмаил Урусбиев* — прадед известного общественного деятеля Карачая и Балкарии Исмаила Мирзакуловича Урусбиева, жил в конце XVII — начале XVIII века. Он упоминается в Хуламском памятнике 1709 года. До наших дней сохранилась песня-плач, воспевающая деяния Исмаила. По канонам величального жанра, какой является данная песня, поступки Исмаила и факты его биографии несколько идеализированы, но она донесла до нас любовь народа к своему славному сыну. См. об этом в разделе «Урусбиевы и история культуры Балкарии» настоящего тома.

⁹ *Барасбеков* — искаженное написание, правильно: *Барасбиев*.

¹⁰ В архивном фонде КБНИИ существует запись, произведенная фольклористами Хамидом Малкондуевым и Анатолием Рахаевым, в которой нашла отклик эта история.

«Кёп заманны ичинде къаугъа болуп турдула Бакъсан аузунда Былым эм Гестенти деген жерле ючюн чегем бийлери Малкъарукълары эм бакъсан бийлери Орусбийлары. Ол ишге кёп кере къабарты бийле Къайтукъ улула эм Хадажукъ улула да къатыша эдиле, алай ахырына жетдиралмай эдиле ол ишни. Ишни тапсыз этген бир жанындан Малкъарукълары Хадажукълары бла жуукъ болгъаны эди. Кеслерини отлу жуукъларына базынып, ала бир бирлерине бой бермей эдиле. Аланы ол халлары Жабагъы Къазан улугъа белгили эди. Ол тургъан уллу Чегемде сыйлы тёреде да къаралгъан эди. Ол заманда ол алай айтхан эди: «Сиз сыйлы тёрени оноуна жыйылмасагъыз, сизге киши болушурукъ туюлду. Сиз тенг къарыулары болуп, бир бирлерине жаш байталны берирге унамагъан ажирлеге ушайсыз. Адам къан тегюлор, туудукъланы эсинде ачыу къалыр, туугъанларыгъыз бир бирлери бла жау болурла. Аны себепли мени акъылым: Былымны эрттегили Бакъсанны жерича Орусбийлагъа берирге, Гестентини уа Малкъарукълагъа къояргъа, эндиге дери бола келгенича».

Тёре оноуну Жабагъыны сёзлерине кёре этеди эм аны бла ала келишедиле. Кеслерини ыразылыкъларын ала тёречи адамланы алларында да билдиредиле. Алай кёп бармай, тёреге берген сёзлерине сокъуранып, ала бир бирлери бла кючлю къазауат башлайдыла. Анда адам ёлгенле да боладыла. Ол зат халкъ тёрени ишин биринчи кере бузгъан шарт болгъанды, дейдиле».

Подстрочный перевод:

«Долгое время враждовали чегемские князья Малкаруковы и баксанские князья Урусбиевы из-за земли Былым на Баксане и Гестенти. В этом деле часто принимали участие кабардинские князья Кайтукины и Атажукины, но не могли довести дело до конца. Дело усложнялось тем, что Малкаруковы и Атажукины были в родстве. Они (Малкаруковы) опирались на своих родственников (от одного очага), и никто не хотел идти на уступки. Эти обстоятельства были известны Жабагы

Казанову. Это дело рассматривалось на почетном «тёре» Большого Чегема, где присутствовал Жабагы. И тогда он сказал: «Если вы не прислушаетесь к решению почетного «тёре», вам никто не поможет. Вы похожи на коней, равных по силе, не уступающих друг другу молодую лошадь. Прольется кровь, в памяти внуков останется исприязнь, потомки будут враждовать друг с другом. Поэтому мое мнение: Быллым как владение древнего Баксана отдать Урусбиевым, а Гестенти оставить Малкаруковым, как и водилось до сих пор».

Тёре вынесло решение, согласно словам Жабагы, и спорящие были согласны с ним. Свое согласие они выразили и перед членами Тёре. Но вскоре, пожалев о данном согласии, они начали между собой ожесточенное сражение. Тогда случились и человеческие жертвы. Говорят, что это был первый случай, когда решение Тёре было нарушено». (Фольклорный фонд, паспорт 3, 1985 кассета, запись 1982 г.).

¹¹ *Течей, течейли* — опечатка; правильно: *тегей, тегейли* — карачаево-балкарское название осетин-иронцев.

¹² См. о памятнике в комментариях к статье М. Абаева «Интересный документ».

¹³ «Кърым семенле» — существует предположение, что в карачаево-балкарском фольклоре бытовала эпическая поэма «Кърым семенле». Полностью она не сохранилась. Сохранились два варианта поэмы с инвариациями под названием «Ачей улу Ачемез». Интересные наблюдения о бытовании и трансформации поэмы содержатся в статье фольклориста М. Джуртубаева «Песня об Ачее» (Кабардино-Балкарская правда. 1988. № 219).

¹⁴ *Асланбек Кайтукин* — кабардинский князь, жил в XVIII веке. «Къайтукъ улу Сары Асланбек» — персонаж множества легенд и преданий, а также песен карачаево-балкарского фольклора, известен как притеснитель балкарских крестьян, организовывал карательные экспедиции в балкарские ущелья. Такие же характеристики содержатся в отношении Кайтукина и в осетинском фольклоре.

¹⁵ *Жабаги Казанов* — общественный деятель Кабарды (1685—1750). Легенды и предания донесли до наших дней образ народного заступника и мудреца. Подобно мудрецам и поэтам Востока, Жабаги Казанов считал своим сыном и кабардинцы, и балкарцы. Споры о национальной принадлежности Жабаги нашли отражение в сборнике «Жабаги Казанов. К 300-летию» (Нальчик, 1987). Непреложен и бесспорен тот факт, что деятельность Жабаги Казанова имела антифеодалную направленность, система его взглядов оказала большое воздействие на выработку морально-этических установок кабардинцев и балкарцев.

¹⁶ В тексте искажены слова. Правильное написание текста на кабардинском языке: «КЫ Йеймы дэсго (тесгуэ) Басиятыпш(э) Кушыку и кьуэ Алшагъыр пшы (р) къаклуэм. Жэуап иритыркъэм, уэркъ къаклуэж флюхус прихыркъым». Перевод: «На нехорошей земле живущий басиятский князь Кучука сын Алшагир, князь придет когда, ответа ему не дает, уорк придет когда, не приветствует его».

¹⁷ *Хизни-башы* — верховья реки Хызны-су. Территория современного к-за «Победа» (село Ташлы-Тала) Урванского района.

¹⁸ *Баранта* (тюрк.) — разбойничий набег, самовольный захват скота или какого-либо другого имущества исключительно с целью принудить владельца имущества или его родичей дать удовлетворение за ранее понесенную виновным обиду или возместить ранее причиненный ему имущественный ущерб.

¹⁹ *Гыпы* — кисломолочный продукт, грибки которого послужили основой для производства кефира. Вырабатывается тюркскими народами

с древнейших времен. См. об этом подробнее в книгах: *Игнатьев В. Кефир* // Энциклопедический словарь Брокгауза и Эфрона. СПб., 1895. Т. 15. С. 36—39; *Тарасов А. Карачаевские очерки* // Северокавказский край. Ростов н/Д, 1925. № 9; *Атманских А. А. Карачаевский айран. Баталпашинск*, 1915; и др.

²⁰ *Лорис-Меликов Михаил Тариелович* (1825—1888) — русский государственный деятель. Фактический руководитель военных действий на Кавказе в 1877—1878 годах во время русско-турецкой войны. В 1880 году — начальник Верховной распорядительной комиссии, в 1880—1881 годах — министр внутренних дел. В своей деятельности сочетал репрессии против революционеров с уступками либералам.

²¹ *Великий князь Михаил Николаевич* (1832—1909) — в 1863—1881 годах — наместник Кавказа и главнокомандующий Кавказской армией военного округа. В период его наместничества были окончательно покорены народы Западного Кавказа, Предкавказья, Чечни, Дагестана и учреждены в этих областях административно-судебные органы.

²² *Милютин Дм. Ал.* (1816—1912) — граф, генерал-фельдмаршал, почетный член Петербургской АН (с 1866 г.), профессор Военной Академии. В 1861—1881 годах — военный министр, умеренный либерал, провел буржуазные военные реформы 1860—1870-х годов.

²³ *Кодзоков Дмитрий (Лукман)* — общественный деятель Кабарды XIX века, воспитывался в семье известных политических деятелей России, славянофилов Хмяковых. Автор проекта по земельному устройству Кабарды. Некоторые положения его проекта были приняты кавказской администрацией в период аграрно-крестьянской реформы в 60-е годы XIX века.

²⁴ *Сбыт лучины* — традиционный промысел карачаевцев и балкарцев. Промысел потерял свое значение с широким распространением керосиновых светильников в конце XIX века.

²⁵ *Чернявский А. И.* — в 60-е годы XIX века — председатель администрации в суде Нальчикского округа, впоследствии секретарь съезда, канцелярский служащий Екатеринодарского судебно-мирового округа.

²⁶ *Грабовский В. В.* — присяжный поверенный, позднее председатель съезда мировых судей Владикавказского судебно-мирового округа, в 1894 году — участковый мировой судья 2-го участка (Баталпашинск).

В погоне за славой и пятачком

Отклик Мисоста Абаева на статью К. Бальмонта напечатан в журнале «Мусульманин» (1910, № 17, № 18, с. 380—381).

Статья К. Бальмонта «Преддверье в Египет», вызвавшая гнев и возмущение Мисоста Абаева, была напечатана в газете «Русское Слово», в 1910 году, № 130. Она предвляла цикл очерков автора — «Письма из Египта». В этой публикации известный поэт анализирует литературу о путешествиях в арабские страны, в дневниковом жанре повествует о своем походе в Аравию, рассказывает о древностях Египта, его богатой мифологии, особо отмечает «два центральных места — библиотека и музей» Александрии. К. Бальмонт, останавливаясь на трагической судьбе александрийской библиотеки, замечает: «Арабы же, народ хищников, несущих разрушение для разрушения, имеют нищенскую долю творческой способности, и что дали доброго, то взяли у других, а сколько уничтожили и как уничтожили?». «И во имя Корана, — книги, представляющей из себя бессвязное повторение иудейства и христианства с примесью арабизированных и эллинских, — во имя книги, созданной из чужих лохмотьев, сокровища египетского и европейского

гения 6 месяцев служили, чтобы топить публичные бани», — так отзывается К. Бальмонт на сожжение арабами во главе с Амру библиотеки. Эти и другие сентенции К. Бальмонта, оскорбительно трактующие святыню мусульман — Коран и уничижительно характеризующие арабскую культуру, не могли не вызвать протеста среди мусульман России, о чем пишет и М. Абаев в редакцию «Русского Слова». Однако газета не посчитала нужным опубликовать его письмо, и поэтому М. Абаев напечатал его в «Мусульманине».

О калыме

Напечатано в журнале «Мусульманин», № 18—21, 1911 год. Подписано: «М. Абаев».

¹ Фактическое и окончательное присоединение народов Северного Кавказа к России произошло в конце 20-х годов XIX века, после военной экспедиции генерала Эмануэля.

² Так называемая Закубанская полоса Кавказа была присоединена к России в конце XVIII века в результате включения Крыма в состав России в 1783 году после Кучук-Кайнаджарского соглашения. Переход горских народов Закубанья продолжался до середины XIX века. В 1860 году была образована Кубанская область, в состав которой вошли все горские участки. См. об этом: Социально-экономическое, политическое и культурное развитие народов Карачаево-Черкесии (1790—1917 гг.)/Сборник документов. Ростов н/Д, 1985.

Заявление

(доверенным Большой и Малой Кабарды и Горских обществ
Нальчикского округа)

¹ Так написано в подлиннике, имеется в виду «малообеспеченные».

² Сафият — старшая дочь М. К. Абаева, родилась в 1884 году. Одна из первых горянок — общественных деятелей. Образование получила домашнее. После установления Советской власти работала учительницей. В 1924 году переехала с семьей в Дагестан, где принимала активное участие в организации артелей народных промыслов, детских садов и учительских курсов для горянок. Муж Сафият — Ибрагим Урусбиев, племянник известного Исмаила Урусбиева, принимал активное участие в деятельности Нальчикского окружного совета. Был незаконно репрессирован в 1927 году вместе с видными революционерами Кабардино-Балкарии Назиром Катхановым, Мажидом Фанзиевым и др. Реабилитирован посмертно. После смерти Ибрагима трое его младших детей были усыновлены братом Сафият — Исмаилом Абаевым. До самых своих последних дней Исмаил заботился о племянниках. Благодаря его стараниям, старший сын Сафият — Умар поступил в Московскую консерваторию. Он был талантливым скрипачом, но вскоре умер от скоротечной чахотки, в 1934 году. Дочери Фатима и Мадина окончили Новочеркасский геологоразведочный институт. Впоследствии Фатима участвовала в строительстве Братской ГЭС, младший сын Долгат погиб в Великую Отечественную войну. Младшая из детей Сафият — Дауга — первая женщина из балкарок, кто защитил кандидатскую диссертацию.

Заявление

(Начальнику Нальчикского округа)

Написано 29 августа 1911 года.

¹ *Фатимат* — третья дочь М. К. Абаева, родилась в 1892 году. Образование получила домашнее. Первая женщина-балкарка, которая опубликовала свои произведения еще до революции. Подробнее о ней см. в журнале «Минги-Тау», 1990 год, № 2.

Горская легенда

Напечатана под псевдонимом «Горец» в газете «Казбек», 1903 год, № 1614, 10 июня.

ХЫЗЫР ХАЛИЛОВ

Из письма в редакцию «Мусульманина»

Напечатано в журнале «Мусульманин», 1911 год, № 3, с. 137—139.

ИММОЛАТ ХУБИЕВ

Клич друзьям трезвости

Напечатано в газете «Кубанские областные ведомости», 1907 год, № 186.

Карачай

Напечатано в «Кубанских областных ведомостях», 1908 год, № 202.

Несколько слов о современном просвещении народа

Напечатано в «Кубанских областных ведомостях», 1910 год, № 72.

Несколько слов о Карачае

Напечатано в «Мусульманине», 1911 год, № 5, с. 202—204.

ИЛЬЯС БАЙРАМУКОВ

Среди кубанских горцев

Напечатано в газете «Мусульманская газета», 1913 год, № 29.

¹ *Закат* — закят — одна из разновидностей пожертвований верующих мусульман в пользу нуждающихся. Система пожертвований имеет различные формы — гюшер, фитир, фидия, каффарат, закят. От других форм пожертвований закят отличается тем, что он является обязательным ежегодным отчислением 40-й части доходов от имущества.

² *Фитир* — согласно Энциклопедическому словарю Брокгауза и Эфрона, фитра (*татар.*) — милостыня, раздаваемая мусульманам в последний день поста Рамазана. «В некоторых местах фитра считается подушною повинностью, обязательно выделяемой из ежегодно получаемых произведений земли в пользу бедных».

НАНЫ ТОКОВ

Об искоренении воровства

Напечатано в «Кубанских областных ведомостях», 1910 год, № 116.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Карачаево-балкарская публицистика рубежа веков и ее представители	3
✓ УРУСБИЕВЫ И ИСТОРИЯ КУЛЬТУРЫ БАЛКАРИИ	16
✓ САФАРАЛИ УРУСБИЕВ	35
Сказания о нартских богатырях у татар-горцев Пятигорского округа Терской области	41
Письмо в редакцию «Отечественных записок»	75
✓ НАУРУЗ УРУСБИЕВ	78
Доклад на заседании Антропологического общества	83
Из тетрадей Науруза Урусбиева	84
✓ ИСЛАМ КРЫМШАМХАЛОВ	121
Из Карачая	131
Письмо в редакцию журнала «Мусульманин»	132
Карачаевское горе	135
Бёрю бла киштик	137
Абайланы Фатиматны дефтерине	140
✓ МИСОСТ АБАЕВ	141
Наши миротворцы	157
Калым и его последствия	157
Интересный документ	158
Горские школы	159
Открытие Панежукаевского училища	160
О горских школах	164
Черкесы Екатеринодарского отдела Кубанской области	164
Письмо в редакцию газеты «Каспий»	166
Аул Шенжий	167
Письмо в редакцию журнала «Мусульманин»	167
Горцам Северного Кавказа	169
Больной вопрос	170
Кабарда проснулась	171
Балкария	173
В погоне за славой и пятачком	212
О калыме	213
Заявление (доверенным Большой и Малой Кабарды и Горских обществ Нальчикского округа)	216
Заявление (Начальнику Нальчикского округа)	217
Горская легенда	218
ПИСЬМА КАРАЧАЕВСКИХ УЧИТЕЛЕЙ	220
✓ ХЫЗЫР ХАЛИЛОВ	220
Из письма в редакцию «Мусульманина»	221
✓ ИММОЛАТ ХУБИЕВ	222
Клич друзьям трезвости	223
Карачай	225
Несколько слов о современном просвещении народа	227
Несколько слов о Карачае	230
✓ ИЛЬЯС БАЙРАМУКОВ	233
Среди кубанских горцев	235
✓ НАНЫ ТОКОВ	238
Об искоренении воровства	241
КОММЕНТАРИИ	242

Научное издание

**Карачаево-балкарские деятели культуры
конца XIX — начала XX в.**

Составитель *Биттирова Т. Ш.*

Редактор *А. Т. Додуева*

Художник *В. Л. Захохов*

Художественный редактор *Ю. М. Алиев*

Технический редактор *С. А. Мусукаева*

Корректор *Л. Т. Юркова*

ИБ № 2792

Сдано в набор 21.10.92. Подписано к печати 10.02.93. Формат
84×108¹/₃₂. Бумага типографская № 1. Гарнитура литературная. Печать высокая. Усл. печ. л. 13,86. Усл. кр.-отт. 13,86. Уч.-изд. л. 14,28.
Тираж 1000 экз. Заказ № 4558

Издательство «Эльбрус»

Нальчик, ул. Адмирала Головки, 6

Полиграфкомбинат им. Революции 1905 года

Мининформпечати КБР

Нальчик, пр. Ленина, 33

К **Карачаево-балкарские деятели культуры конца XIX — начала XX в. Избранное: В двух томах. Т. 1./ Составление, предисловие, статьи об авторах, комментарии Т. Ш. Биттировой.— Нальчик: Эльбрус, 1993.— 264 с.**

ISBN 5-7680-0714-8

В первом томе представлены собранные и опубликованные деятели культуры Карачая и Балкарии образцы устного народного творчества оригинальные публицистические статьи, этнографические и бытовые зарисовки С. и Н. Урусбиевых, И. Крымшамхалова, М. Абаева, письма карачаевских учителей: И. Хубиева, Х. Халилова, И. Байрамукова, Н. Токова

Издание сопровождается вступительными статьями об авторах и комментариями к текстам.

К **4702100600-020**
М125(03)-93 **92**